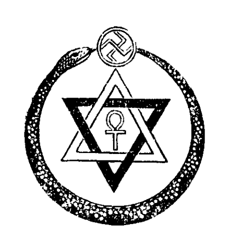




ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

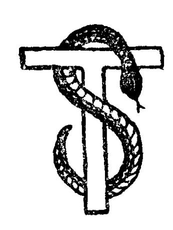
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 января.



№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Теософіи возникъ въ отвѣтъ на религіозные запросы духа, которые являются однимъ изъ важнѣйшихъ знаменій нашего времени. Наше время проникнуто тревогой исканія потому, что духъ человѣческій переросъ существующія нормы жизни, что онъ стремится къ инымъ болѣе нравственнымъ отношеніямъ человѣка къ человѣку, требуетъ болѣе широкаго простора для своего выросшаго сознанія и его уже не можетъ удовлетворять ни слѣпая вѣра, ни научное безвѣріе. Возмужалый духъ требуетъ новой оцѣнки своихъ стремленій и идеаловъ, проведенной черезъ строгое сознаніе и черезъ запросы выросшей общественной совѣсти. Удовлетворить эти исканія, отвѣтить на эти запросы можетъ лишь то ученіе, которое способно соединить въ единомъ научно-религіозномъ синтезѣ всѣ стороны—общественныя, научныя и духовныя—жизненнаго творчества. Такимъ синтезомъ является Теософія, перекинувшая мостъ изъ глубины вѣковъ въ раскрывающіяся дали будущаго. Задача нашего журнала освѣтить—по возможности—всѣ области жизни ея свѣтомъ и познакомить русскихъ читателей съ сокровищами ея ученій, которыя раскрываютъ передъ нами духовное творчество всѣхъ вѣковъ и народовъ. Лежащія въ основѣ Теософіи доказательства духовнаго единства всѣхъ міровыхъ религій, изъ котораго вытекаетъ и единство, братство всего человѣчества, и глубокая наука о душѣ, раскрывающая скрытыя свойства сложной природы человѣка, ведутъ къ новому міропониманію и призываютъ всѣхъ къ объединенной работѣ на пользу расширившихся вопросовъ жизни.



Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.

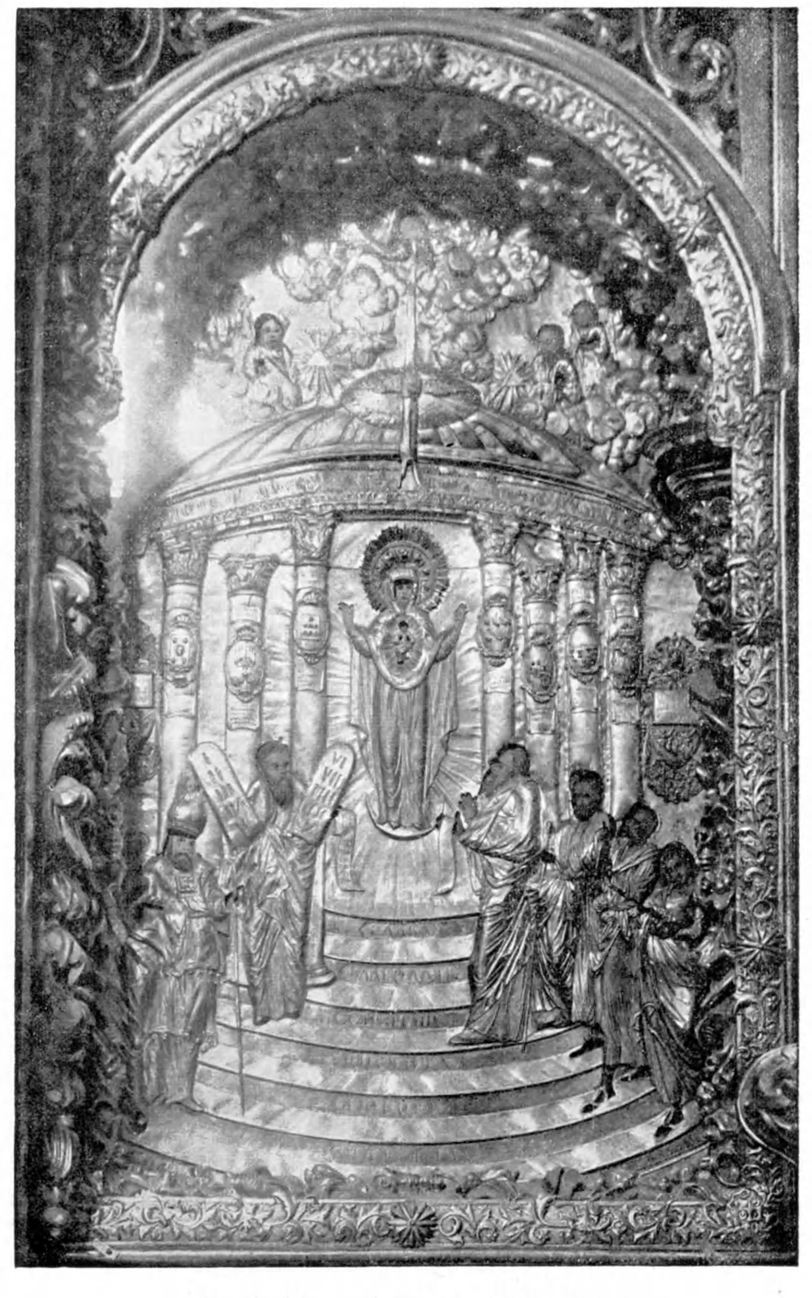
СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

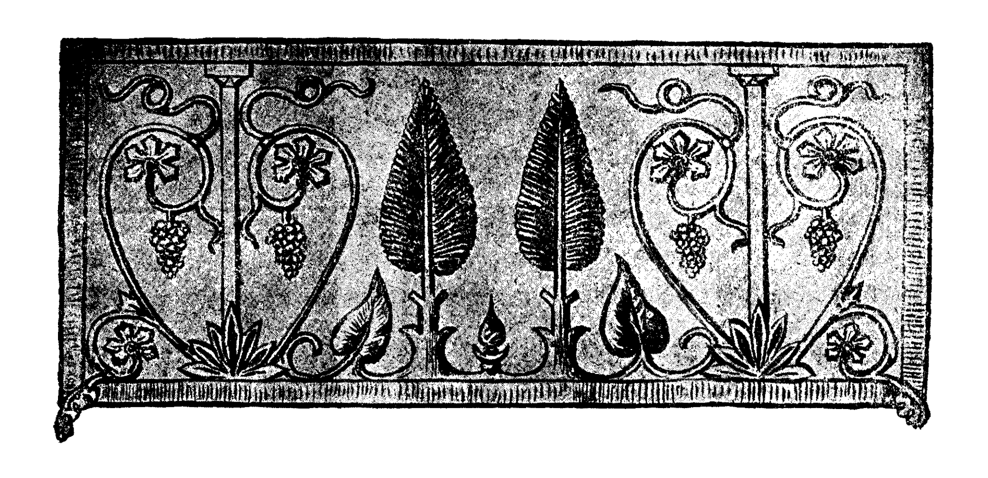
Приложеніе. Великіе Посвященные. Очеркъ эзотеризма религій, Эдуарда Шюре, пер. Е. П. (продолженіе).

Лицъ, не получившихъ очередного номера, просятъ сообщать о томъ въ Редакцію не позже времени выхода слѣдующаго №, такъ какъ позднѣйшія заявленія Газетная Экспедиція Городского Почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

Редакція.



Икона Св. Софіи въ Софійскомъ соборѣ въ г. Кіевѣ.



Св. Софія.

На берегу Днѣпра, въ „матери русскихъ городовъ“ стольномъ городѣ Кіевѣ великимъ княземъ Ярославомъ, прозваннымъ исторіей Мудрымъ, въ 1057 году заложенъ первый русскій храмъ въ честь Тео-Софіи—Святой Премудрости Господней.

Много испытаній пришлось перенести величественному храму: раззоряли его враги внѣшніе, не менѣе терпѣлъ и отъ своихъ: въ XVI вѣкѣ—католическій бискупъ Верѣщинскій писалъ: „Весьма многіе согласны въ томъ, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ храмовъ, которые по драгоцѣнности украшеній стояли бы выше Константинопольскаго и Кіевскаго...

„Къ сожалѣнію эта святыня, въ настоящее время, не только сдѣлалась помѣщеніемъ рогатаго скота, лошадей, собакъ и свиней, но и теряетъ свои украшенія отъ дождей, проникающихъ сквозь дырявую крышу. Кое-гдѣ уже и стѣны начали падать“.

Честь возстановленія храма принадлежитъ знаменитому Петру Могилѣ,—который также могъ бы претендовать на прозвище Мудраго и не только въ дѣлѣ церковнаго Управленія. По возстановленіи, храмъ былъ украшенъ иждивеніемъ Кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго, оставившаго по себѣ память почти святого: тѣла его тлѣніе не коснулось.

Вѣроятнѣе всего, что нынѣ храмовая икона Премудрости Господней была написана при немъ, такъ какъ имъ былъ воздвиг-

нутъ и прекрасный рѣзной иконостасъ, служащій однимъ изъ рѣдкихъ художественныхъ образцовъ нашей рѣзьбы середины XVIII вѣка.

Во время царя мистика Александра Благословеннаго икона была покрыта богатой серебряной ризой, украшающей ее и теперь.

Было бы очень интересно опредѣлить, является ли риза лишь точнымъ воспроизведеніемъ того, что было на самой иконѣ, или она нѣсколько дополняетъ ее введеніемъ новыхъ символовъ.

На эту мысль наводитъ сравнительно новая копія съ иконы, но безъ ризы въ теплой церкви *): композиція та же, но цѣлый рядъ деталей (между прочимъ картушы на колоннахъ) отсутствуетъ.

Какъ бы то ни было, икона свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи древнѣйшей символики и прообразуемыхъ ею тайнъ со стороны ее писавшихъ и представляетъ огромный интересъ для всѣхъ, изучающихъ религію въ ея глубокихъ тайникахъ.

Какъ справедливо указываетъ описатель собора протоіерей Орловскій, „на иконѣ сей весьма ясно выражена та мысль, что св. Софія или Премудрость Божія есть Сынъ Божій, а домъ сей Премудрости—Божія Матерь", являющаяся такимъ образомъ прообразомъ и Предвѣчной дѣвственной Матери-Матеріи, воплотившей въ себѣ божественное Слово: „Слово плоть бысть".

Идея эта находитъ яркое пластическое выраженіе и въ самой композиціи. Слово, исходящее изъ устъ Бога Отца въ видѣ раздваивающагося въ концѣ луча (то же яркій символъ) прорѣзываетъ яйцеобразную сферу, гдѣ витаетъ Духъ Святой, и спускается въ лоно осѣненной семью звѣздами (семь планетъ древнихъ мистическихъ ученій) Дѣвы-Матери, опирающейся ногами на лунѣ, всегда служащей символомъ женскаго, пассивнаго начала.

Святую живоначальную Тройцу окружаютъ *семь* крылатыхъ Ангеловъ **): съ правой стороны Михаилъ съ пламеннымъ мечомъ, Уріилъ съ опущенной внизъ молніей и Рафаилъ съ алавастромъ мѵра; съ лѣвой—Гавріилъ съ вѣтвію разцвѣтшей Лиліи, Салафіилъ съ четками, Іегудіилъ съ царскимъ вѣнцомъ и Ворахіилъ съ пукомъ цвѣтовъ на бѣломъ платкѣ.

Нижняя половина иконы, отдѣленная отъ верхней сѣнью о семи столбахъ, какъ бы олицетворяетъ видимый міръ. „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ седмь" гласитъ надпись на карнизѣ изъ книги премудрости Соломона. Эта Премудрость по-

*) „Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій Каѳедральный Соборъ". Составилъ протоіерей Петръ Орловскій—Кіевъ, 1901 г.

**) Здѣсь напрашивается на сопоставленіе десять (3+7) Зефиротовъ Кабаллы.

коится на семи дарахъ св. Духа—эмблемы которыхъ изображены на семи столбахъ: 1. Книга съ семью печатьями—даръ премудрости. 2. Семисвѣчникъ—даръ разума. 3. „Семь очесъ"—даръ совѣта. 4. Семь трубныхъ роговъ—даръ крѣпости (не намекъ ли на паденіе іерихонскихъ стѣнъ?) 5. Правая рука съ семью звѣздами—даръ вѣдѣнія. 6. Семь курящихся кадильницъ—даръ благочестія. 7. Семь молній—даръ страха Божія.

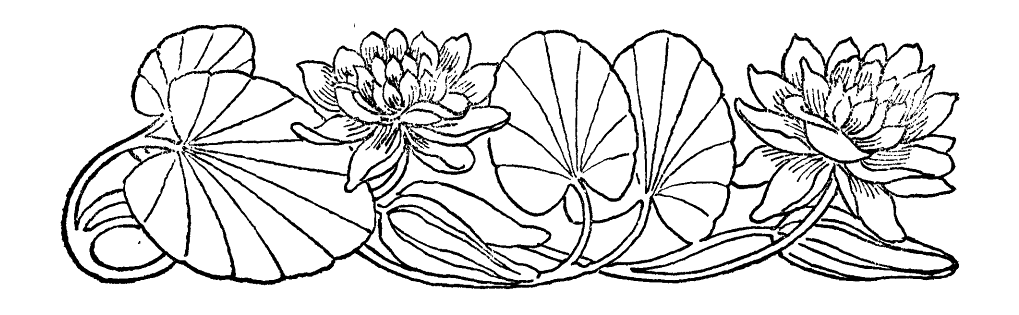
Семь пророковъ предстоятъ по бокамъ Приснодѣвы, свидѣтельствуя о совершающейся тайнѣ: Давидъ изображаетъ Богоматерь „Ковчегомъ Завѣта", Ааронъ—„Жезломъ прозябшимъ" (разцвѣтшимъ), Моисей скрижалями, напоминая о „скрижали, въ ней же перстомъ Отчимъ написася Слово Божіе".

На лѣвой сторонѣ—Исаія свидѣтельствуетъ: „се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына"... Іеремія, держа въ рукахъ „нераскрытый" свитокъ, указываетъ на неизслѣдимую Божественную тайну въ Приснодѣвѣ: „на ту же тайну, говоритъ о. Орловскій, Іезекіилъ указываетъ „вратами затворенными" и, наконецъ, Даніилъ предъизображаетъ матередѣвственное рождество „камнемъ", который въ видѣніи его „отторгся отъ горы безъ рукъ человѣческихъ".

Но самое интересное—путь къ достиженію Премудрости. „Седмію восходовъ въ восхожденіи ея" (Іезекіилъ) гласитъ внизу надпись,—и первая ступень, самая нижняя, та, безъ которой нѣтъ движенія по многотрудному „узкому" пути, есть Вѣра, вѣра въ свидѣтельство Истины, вѣра въ возможность полученія Правды. Изъ этой вѣры душа восходитъ на вторую ступень, гдѣ начертано слово: Надежда. Отъ нея рождается третья—Любовь. Здѣсь мы еще находимся въ сферѣ міра. Далѣе уже идетъ подвигъ—четвертая ступень—Чистота, а съ нею и великое искушеніе гордыни, почему необходимо всѣми силами души достигнуть пятой ступени—Смиренія, дающей возможность вступить на шестую ступень—Благодати.—Послѣдняя, седьмая ступень—Слава, за которой идетъ уже неизреченный свѣтъ непосредственнаго общенія. „Имѣющіе уши слышать да слышатъ".

Е. Кузьминъ.





Теософія въ Россіи.

(Рѣчь, произнесенная при открытіи Россійскаго Теософическаго Общества, 21 ноября 1908 года).

Теософію можно понимать двояко.

Ее можно понимать какъ научно-религіозную философію, недавно выдвинутую теченіемъ, образованнымъ Е. П. Блаватской и Г. С. Олькотт'омъ, теченіемъ до послѣднихъ лѣтъ бывшимъ почти совершенно неизвѣстнымъ въ Россіи. Въ этомъ узкомъ смыслѣ Теософія у насъ очень недавно родилась и дѣлаетъ первые шаги.

Но можно понимать Теософію глубже и шире. Теософія—это та божественная мудрость, которая во всѣ времена освѣщала духовныя исканія человѣчества и которая лежала въ основѣ сокровенной части всѣхъ религіозныхъ системъ. Путеводной звѣздой сіяла она міру въ древней Индіи, въ Египтѣ, Персіи, Ассиріи и Халдеи; она озаряла философію древней Эллады и древняго Рима, она вызывала къ жизни школы Платона, Пиѳагора и Александріи; ярко вспыхнуло ея пламя въ Палестинѣ подъ вліяніемъ проповѣди Іисуса и перебросилось это пламя въ Европу огненной силой подвига апостоловъ. Этотъ свѣтъ горѣлъ и въ средніе вѣка; онъ освѣщалъ исканія гностиковъ, сіялъ надъ костромъ Джордано Бруно, указывалъ путь Якову Бэму и Сведенборгу. Онъ не переставалъ сіять и въ недавно пронесшіеся вѣка глубокаго скептицизма и невѣрія, призывая къ поклоненію красотѣ, искусству и идеаламъ вѣчнымъ. Послѣ періода крайняго матеріализма, въ вѣкъ расцвѣта позитивистической философіи, онъ снова ярко вспыхнулъ, когда, среди язвительныхъ насмѣшекъ и грубаго непониманія, фа-

келъ (его) безстрашно подняла геніальная русская женщина—Елена Петровна Блаватская.

На нашей родинѣ, столь богатой духовными исканіями, этотъ свѣтъ никогда не угасалъ. Съ самыхъ древнихъ временъ славяне были мистики и искатели правды. Преданія Арконы *), миѳы болгаръ, чеховъ, поляковъ, свидѣтельствуютъ о глубокомъ религіозномъ эзотеризмѣ славянъ. О томъ же свидѣтельствуютъ ихъ древнія пѣсни и былины, въ которыхъ такъ часто встрѣчается змѣеборчество и въ которыхъ величайшій всегда стремится сдѣлаться „слугою всѣхъ". Какъ извѣстно, сказочная борьба съ дракономъ, съ крылатымъ змѣемъ, всегда имѣла глубокое символическое значеніе въ народныхъ миѳахъ. Драконъ-змѣй олицетворяетъ страстное начало, которое человѣкъ долженъ побороть прежде, чѣмъ онъ вступитъ на путь духовный. Только послѣ побѣды надъ чудовищемъ тьмы, воскресаетъ душа къ новой жизни и озаряется свѣтомъ новаго пониманія. Когда человѣкъ сильно и искренно трудится, онъ начинаетъ сжигать всѣ препятствія на дорогѣ и быстро подвигается впередъ. Онъ оставляетъ позади себя жгучія и сладкія земныя переживанія, безумныя колебанія печали и радости, личныя бури и потрясенія. Безъ сожалѣнія оставляетъ онъ и яркіе цвѣты на лугахъ, залитыхъ солнцемъ земнымъ, и идетъ, все идетъ, оставляя за собой ограду за оградой, поднимаясь со ступени на ступень. Его не тянетъ назадъ, ибо взоръ его устремленъ въ Вѣчность, до слуха его долетаютъ звуки небесъ. Подвигъ за подвигомъ совершаетъ онъ, двигаясь впередъ, и неизмѣнно подходитъ къ вратамъ сверхличной жизни, той, которая сіяетъ надъ земной жизнью, какъ небо звѣздное надъ нами. Но здѣсь, передъ входомъ въ высшія переживанія его ожидаетъ потрясающее испытаніе; изъ кармы его прошлыхъ существованій внезапно появляется страшный образъ несгорѣвшихъ желаній, и эта тѣнь прежнихъ страстей выростаетъ передъ нимъ въ видѣ такого чудовища, которое заставляетъ содрогнуться самое безстрашное сердце. Если человѣкъ не теряетъ мужества и смѣло отражаетъ врага, то чудовище исчезаетъ и порогъ перейденъ. Но горе тому, кто въ ужасѣ отшатнется отъ порога и забудетъ схватить свой огненный мечъ: его поглотитъ драконъ или сдѣлаетъ своимъ рабомъ. Объ этомъ страшномъ духовномъ сраженіи говорятъ всѣ подвижники, всѣ мистики и святые. Въ своихъ поученіяхъ и запискахъ они неоднократно преду-

---

*) Арконѣ и ея преданіямъ былъ посвященъ очеркъ Н. Гернетъ въ майскомъ № „Вѣстника Теософіи" за 1908 г.

преждаютъ объ этой опасности и совѣтуютъ стремящемуся къ духовной жизни предварительно совершить работу очищенія и только тогда двинуться въ путь. Чистота —великая сила въ мірѣ; передъ нею склоняются всѣ драконы. Вотъ почему религія такъ настойчиво призываетъ насъ къ труду очищенія. Вотъ почему во всѣ времена, во всѣхъ эзотерическихъ школахъ существовали всегда три ступени и первой изъ нихъ было Очищеніе, за нею слѣдовала ступень Просвѣтленія, а затѣмъ уже ступень Могущества.

Въ кіевскомъ Софійскомъ храмѣ сохранилась древняя икона Премудрости Божьей—Софіи. Софія стоитъ на мѣсяцѣ. Къ ней поднимается лѣстница изъ семи ступеней. Вѣра, Надежда и Любовь ведутъ къ Чистотѣ, которая завершаетъ путь Очищенія. Очищеніе ведетъ къ ступени Смиренія и Благодати (Просвѣтленіе), а затѣмъ къ седьмой ступени, Славѣ (Могущество). Четыре низшихъ ступени сливаются въ одну (Очищеніе), двѣ слѣдующія во вторую (Просвѣтленіе), послѣдняя завершаетъ духовный подвигъ (Слава). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этой иконѣ тѣ три ступени, которыя такъ характерно повторяются въ религіозномъ эзотеризмѣ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

Переходъ со ступени на ступень сопровождается особыми испытаніями, особой духовной борьбой, требующей напряженія всѣхъ внутреннихъ силъ; древніе преданія и миѳы символизируютъ эти переживанія борьбой съ дракономъ, съ крылатымъ змѣемъ. Отсюда легендарныя сраженія святыхъ съ „чудовищами", съ „чортомъ"; отсюда и борьба богатырей со змѣемъ. Всѣ эти сказочныя событія скрываютъ подъ фантастической формой глубоко реальныя переживанія души, страстно ищущей Правды и сжигающей во внутреннемъ подвигѣ всѣ свои ограниченія и оковы. При свѣтѣ Теософіи изученіе народныхъ миѳовъ и преданій обрѣтаетъ глубокое значеніе, подтверждая съ неотразимой силой древнюю истину о міровомъ научно-философскомъ синтезѣ *).

Въ вѣка строительства Русской земли народныя религіозныя исканія нашли себѣ выраженіе въ странствованіяхъ и пѣсняхъ каликъ-перехожихъ, въ монашескихъ подвигахъ, въ религіозныхъ сказаніяхъ и легендахъ. Позже они вылились въ исканіяхъ нашихъ сектъ. И по мѣрѣ того, какъ русская исторія двигалась впередъ,

---

*) Интересны въ этомъ отношеніи очерки Н. Гернетъ, посвященные русской и древне-славянской мистикѣ, въ Theosophical Review (19); мы надѣемся скоро познакомить съ ними нашихъ читателей.

духовная жажда народной души сказывалась все опредѣленнѣе и страстнѣе.

На верхахъ она окрасила литературныя и общественныя исканія интеллигенціи особымъ настроеніемъ, той неумолкаемой тревогой и тоской по лучшему, которая не даетъ русскому человѣку успокоиться на временныхъ улучшеніяхъ и условныхъ побѣдахъ и неустанно влечетъ его впередъ. Эта „святая тревога" звучитъ и въ пѣсняхъ нашихъ поэтовъ, и въ статьяхъ нашихъ совершенно необыкновенныхъ критиковъ, и въ твореніяхъ нашихъ художниковъ-литераторовъ, и въ нашихъ общественныхъ исканіяхъ. Ею окрашены всѣ наши духовныя теченія; въ ней родились всѣ наши бури, сомнѣнія и мечты. Перенесенный къ намъ съ Запада, позитивизмъ не устоялъ передъ этимъ настроеніемъ; самъ атеизмъ и отрицаніе приняли у насъ почти религіозный характеръ, что дало право говорить о „религіозномъ безвѣріи" русской интеллигенціи. Съ другой стороны великіе мистики—Новиковъ, Чаадаевъ, Достоевскій, Хомяковъ, Влад. Соловьевъ углубили русскую религіозную мысль. Можно сказать, что съ самаго возникновенія русской литературы духъ Теософіи, Духъ Божій, неустанно надъ нею виталъ. Вопросъ о Богѣ и о возможности или невозможности отрицать Его изъ всѣхъ вопросовъ всегда наиболѣе интересовалъ русскаго человѣка. „Устроиться безъ Бога навсегда и окончательно", какъ сказалъ Достоевскій, казалось ему невозможнымъ, и вызывало такія душевныя муки, которыя могутъ привести къ болѣзни и безумію, что не разъ доказываютъ намъ герои Достоевскаго. Почему же такая драма въ рѣшеніи этого вопроса? На этотъ вопросъ прекрасно отвѣчаетъ С. Булгаковъ въ своей интересной рѣчи „Интеллигенція и религія". Хороня Бога въ своемъ сознаніи—говоритъ онъ—человѣкъ вынужденъ хоронить и божественное въ своей душѣ, а божественное есть дѣйствительная, реальная природа человѣческой души. „Можно думать о себѣ какъ угодно, считать себя человѣковидной обезьяной, рефлексомъ экономическихъ отношеній, автоматической машиной, кускомъ матеріи, въ силу механической необходимости одаренной сознаніемъ,—все это высказывается и высказывалось о человѣкѣ, но отъ этихъ мнѣній онъ не перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, чѣмъ сдѣлали его руки, сотворившія и создавшія его и надѣлившія его запросами и свойствами высшей духовной природы". Дальше онъ говоритъ: „Въ душѣ человѣчества, теряющаго Бога, должна непремѣнно образоваться страшная пустота, ибо оно можетъ принять ту или иную доктрину, но не можетъ заглушить въ себѣ голоса вѣчности, жажду

абсолютнаго содержанія жизни. И, погасивъ солнце, онъ стремится удержать свѣтъ и тепло, дѣлаетъ судорожныя движенія, чтобы спасти и удержать божественное и заполнить пустоту новыми богами, но зыбкая почва проваливается подъ ногами и духовная атмосфера становится все напряженнѣе и тяжелѣе. Въ высшей степени трогательна эта борьба человѣчества за духовное свое существованіе и мучительныя усилія искать твердую почву то тамъ, то здѣсь".

Въ этихъ тревожныхъ метаніяхъ Булгаковъ вѣрно отмѣчаетъ усиліе утопающаго схватиться за что-нибудь высшее, что могло бы замѣнить Бога. То оно замѣняется „благомъ народа", идеаломъ новой общественности, то поклоненіемъ красотѣ и исканіемъ красивыхъ формъ помимо содержанія ихъ, какъ это мы видимъ въ новыхъ художественныхъ и литературныхъ теченіяхъ. Но духъ живой не замѣняется формой, какъ бы обаятельна она ни была, а блага матеріальныя не утолятъ голода человѣчества, какъ бы идеальны ни были новыя формы общественности. И тоска сгущается въ сердцѣ, и страхъ смерти не даетъ ему покоя, и вся работа его теряетъ смыслъ и значеніе передъ лицомъ отрицаемой имъ вѣчности.

Булгаковъ заканчиваетъ свою статью горячимъ обращеніемъ къ интеллигенціи, которая призвана вести за собой русскій народъ къ высшимъ цѣлямъ. Для исполненія своей миссіи она должна сблизиться съ народомъ, идеаломъ котораго всегда былъ и есть Христосъ, а для этого она должна пройти черезъ большой трудъ религіознаго самоуглубленія и сама воскреснуть къ новой жизни. „Рожденіе новаго человѣка, о которомъ говорится въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, можетъ произойти только въ нѣдрахъ человѣческой души, въ тайникахъ самоопредѣляющейся личности. Подвигъ историческаго творчества не можетъ быть отдѣленъ отъ духовнаго подвига возрожденія человѣческой личности, которое не совершается помимо нашей воли... Историческія судьбы Россіи взвѣшиваются нынѣ въ той незримой внутренней борьбѣ, которая происходитъ въ русской душѣ".

Въ этой статьѣ авторомъ отмѣчены два симптома больного атеистическаго времени: страхъ смерти и увеличивающееся число самоубійствъ; послѣднее явленіе особенно сильно среди молодежи. Прибавимъ сюда же всевозможные виды нервнаго разстройства, вплоть до помѣшательства. Дѣло дошло до того, что 16, 14 и 13-лѣтніе юноши и дѣвушки теряютъ внутреннее равновѣсіе; ихъ приходится брать изъ учебныхъ заведеній и отсылать въ сана-

торіи. Несомнѣнно, здѣсь играютъ роль наши бурныя общественныя переживанія и тѣ страшныя вибраціи, которыми въ настоящее время насыщена вся наша психо-физическая атмосфера, но не менѣе важную роль въ этихъ печальныхъ признакахъ времени играетъ и невѣріе, полная оторванность отъ Бога и отъ идеаловъ вѣчныхъ. Если къ этому прибавить вліяніе модной разнузданной литературы, подъ маской индивидуальной свободы проповѣдующей мораль человѣка-звѣря, то получится такая картина, передъ которой содрогнется наше потомство. Неудивительно, что наша молодежь, наши дѣти, теряютъ равновѣсіе, и что число самоубійствъ такъ страшно прогрессируетъ.

Какъ Теософы, мы совершенно подписываемся подъ рѣчью С. Булгакова; мы бы не желали въ ней измѣнить ни одного слова, такъ близко, такъ удивительно она подходитъ къ нашему настроенію и міровоззрѣнію. Но мы могли бы сдѣлать къ ней дополненіе. То предубѣжденіе, которое интеллигенцію такъ мучительно отрываетъ отъ религіи, предубѣжденіе, коренящееся на ложномъ мнѣніи, что наука и философія будто бы исключаютъ религію, падетъ только тогда, когда религія выступитъ противъ него во всеоружіи, когда она воспользуется результатомъ той работы, которую дѣлаетъ Теософія, и будетъ стоять не на почвѣ одной вѣры и чувства, но на почвѣ твердо установленнаго научно религіознаго синтеза. Этотъ синтезъ, въ противоположность агностицизму, даетъ право сказать, что есть религіозный гнозисъ, что есть религіозный опытъ, и что мы можемъ познать Божественный Источникъ Жизни. Этотъ синтезъ опирается на тѣ же законы, какъ и наука: законъ сохраненія энергіи, законъ причинности, законъ зволюціи, ибо въ мірѣ духовномъ такіе же точные и непреложные законы, какъ и въ мірѣ физическомъ. На основаніи этихъ законовъ Теософія утверждаетъ, что смерти нѣтъ, и что духъ нашъ подлежитъ такому же росту и эволюціи, какъ и все остальное въ мірѣ. Наука признала, что форма совершенствуется и развивается. Теософія добавляетъ: и духъ нашъ совершенствуется и растетъ или, лучше, раскрывается. Тотъ скрытый богъ, который пребываетъ въ душѣ каждаго человѣка, постепенно жизнь за жизнью разбиваетъ свои оковы и проявляется во всей своей силѣ и красотѣ. Процессъ медленъ и мучителенъ, ибо человѣкъ, въ своемъ невѣдѣніи, хватается за форму и плачетъ, когда любимая форма разрушается, но путь исканій и скорби завершаетъ небесная радость, радость человѣка, который наконецъ нашелъ себя, своего скрытаго бога, и сливается съ нимъ навсегда. Безъ

этихъ страданій не было бы и самостоятельнаго развитія. Кромѣ того всякое напряженіе соотвѣтствуетъ размѣру цѣли. Цѣль же наша вступить на путь богочеловѣчества, ступить сознательно и свободно. Только черезъ глубокое страданіе растетъ самопознаніе и свободно раскрывается наша духовная сущность.

Теософическое исканіе этого „внутренняго бога“ иногда ложно толкуется тѣми, кто недостаточно знакомъ съ Теософіей, въ смыслѣ отрицанія Бога вселенной, Отца нашего Небеснаго. Но Теософія утверждаетъ, что Неисповѣдимый Источникъ Жизни, Богъ вселенной, нами познается только черезъ то отраженіе Его, которое горитъ въ душѣ каждаго человѣка. Часто люди съ ума сходятъ въ исканіи Бога и не находятъ Его. Они ищутъ Его въ природѣ, въ искусствѣ, въ любви, въ красотѣ, въ подвигѣ, и все тщетно, ибо, хотя Богъ пребываетъ въ каждой частицѣ вселенной и во всѣхъ проявленіяхъ духа, но Самъ Онъ, какъ Солнце, сіяетъ *надъ* вселенной, и познать Его мы можемъ только, поднявшись къ Нему по одному изъ Его лучей—тѣхъ незримыхъ нитей, которыя соединяютъ нашего внутренняго бога съ Богомъ вселенной. Въ каждомъ изъ насъ живетъ этотъ лучъ: и въ разбойникѣ, и въ преступникѣ, и въ глупомъ, и въ умномъ, и въ подвижникѣ, и въ ничтожномъ человѣкѣ; но въ душѣ, не пробужденной къ духовной жизни, лучъ теплится подъ грубымъ наслоеніемъ страстей; въ душѣ просвѣтленной онъ горитъ яркимъ пламенемъ и властно намъ говоритъ о томъ Источникѣ Вѣчномъ, изъ котораго онъ изошелъ. Въ душѣ очищенной и просвѣтленной проснувшійся духъ рождается къ новой жизни, какъ „малое дитя“, о которомъ говорится въ Евангеліи. „Молюсь, братія — говоритъ Ап. Павелъ — чтобы родившійся въ душѣ вашей Христосъ выросъ до полной мѣры возраста Христова“.

Настанетъ время, когда въ сердцѣ всего человѣчества родится это святое дитя—„Христосъ“ грядущаго; объ этомъ рожденіи говорилъ Спаситель въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, о немъ мечталъ ап. Павелъ, о немъ всѣ мы, ищущіе свѣта и правды, безотчетно тоскуемъ и къ нему ведетъ насъ наука Духа, Теософія; углубленное и просвѣтленное христіанство, то, что строитъ свое зданіе не на мертвящей буквѣ, а на духѣ живомъ, это христіанство есть чистѣйшій эзотеризмъ, т. е. Теософія, божественная мудрость, сіяющая въ сокровенной глубинѣ всѣхъ религіозныхъ откровеній.

Ясновидецъ Владиміръ Соловьевъ такъ и понималъ христіанство. Въ своихъ вдохновенныхъ лекціяхъ о Богочеловѣчествѣ онъ говоритъ: „Освобожденіе человѣческаго самосознанія отъ власти

природныхъ силъ и постепенное одухотвореніе человѣка черезъ внутреннее усвоеніе и развитіе божественнаго начала образуетъ собственно историческій процессъ человѣчества...“ А дальше, вспоминая слова Апостола о томъ, что вся природа съ надеждой ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ, онъ говоритъ: „Это откровеніе и слава сыновъ Божіихъ, которыхъ съ надеждой ожидаетъ вся тварь, есть полное проведеніе свободной богочеловѣческой связи во всемъ человѣчествѣ, во всѣ сферы его жизни и дѣятельности; всѣ эти сферы должны быть приведены къ богочеловѣческому согласному единству, должны войти въ составъ свободной теократіи, въ которой Вселенская Церковь достигаетъ полной мѣры возраста Христова“.

Религіозный эзотеризмъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ ведетъ человѣка къ пути, на которомъ ему раскрывается его высшее назначеніе, на которомъ онъ узнаетъ своего внутренняго бога, на которомъ въ душѣ его рождается „Христосъ“. Это тотъ путь, который В. Соловьевъ именуетъ „богочеловѣческимъ процессомъ“, а Теософія называетъ „путемъ ученичества“. Символъ этого Пути на Востокѣ и на Западѣ—Крестъ.

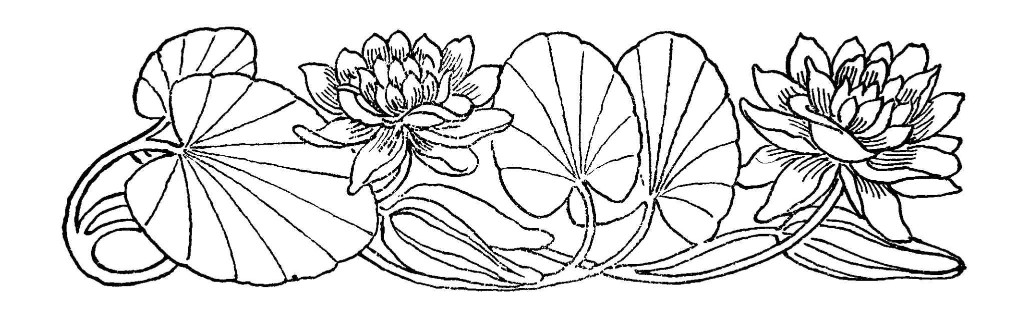
„Тотъ, кто хочетъ пойти за мной, пусть отвергнетъ себя, возьметъ крестъ свой и пойдётъ за Мной“,—говоритъ Іисусъ.

„Когда ученикъ вступаетъ на Путь,—говорится въ одномъ Восточномъ Писаніи,—онъ возлагаетъ сердце свое на крестъ. Когда крестъ и сердце сольются, путь пройденъ и цѣль достигнута“.

Когда цѣль эта будетъ достигнута всѣмъ человѣчествомъ, народы сольются въ пониманіи единой истины и единаго пути къ Богу, и будетъ тогда „единое стадо и единый пастырь“,—на землѣ зачнется заря новой культуры, основанной на братствѣ и любви, а на небѣ засіяетъ Солнце Правды, Солнце Новаго Дня.

Alba.





Братство.

(Выдержка изъ журнала „Revue Theosophique francaise“. Докладъ, читанный въ кружкѣ Теософическаго Общества въ Парижѣ).

Д-ра **Т. Паскаля.**

Главная задача Теософіи — познакомить немногихъ „малое стадо“ съ существованіемъ тропы, пути, дороги сильныхъ, которая, пресѣкая спирали эволюціи, ведетъ прямо на вершину горы эволюціи къ вѣнчающему ее свѣтлому храму, и—въ особенности—ознакомить большинство съ тремя великими законами, которые составляютъ основу эволюціи и являются руководительствомъ для человѣчества:

Законъ Единства, который доказываетъ, что всѣ мы братья.

Законъ Причинности, который знакомитъ насъ съ законами физическими, умственными и духовными и доказываетъ, что мы пожинаемъ лишь то, что сами посѣяли.

Законъ Эволюціи, который указываетъ намъ механизмъ прогресса и необходимыя для достиженія его средства: возвращеніе на землю, перевоплощеніе.

Сегодня я попытаюсь изложить Законъ Единства—предметъ въ высшей степени затруднительный—и потому попрошу съ вашей стороны величайшаго снисхожденія. Вы, конечно, простите мнѣ мою смѣлось разбирать этотъ вопросъ, когда поймете его огромную важность, такъ какъ изученіе Единства ведетъ къ высшему познанію, а исполненіе этого закона приводитъ къ высшему совершенству.

Разумъ стремится найти одну Первопричину—не созданную, безпричинную, первоначальную Единицу (Единство); всегда онъ

отвергалъ Двойственность (Дуализмъ) даже въ самыхъ возвышенныхъ системахъ. Монизмъ составляетъ основу величайшихъ философій: индійской Веданты и, въ частности, наиболѣе совершенной ея формы Адваиты; онъ лежитъ въ основѣ самыхъ прекрасныхъ метафизическихъ теорій — Упанишады, которыя были, есть и будутъ предметомъ удивленія величайшихъ умовъ; онъ скала, на которой зиждется самый трансцедентальный матеріализмъ—матеріализмъ Гекеля и всѣхъ, кто размышляетъ въ томъ же направленіи.

Казалось бы страннымъ, что матеріализмъ ссылается на Единство; но это становится понятнымъ, если разсудить, что онъ, если можно такъ выразиться, никого не оскорбляя, почти-что взялъ монополію на раціонализмъ. Онъ ищетъ, разсуждаетъ, оспариваетъ, противится, борется шагъ за шагомъ и уступаетъ только тогда, когда разумъ его убѣждаетъ,—и, какъ вы знаете, лучшіе приверженцы Теософическаго Общества, самые рьяные, самые убѣжденные, самые вѣрные,—это зачастую прежніе матеріалисты.

Спиритуализмъ имѣетъ другія качества, тоже прекрасныя, но особенность его заключается въ томъ, чтобы не разсуждать, а вѣрить; это человѣкъ вѣры, но вѣра его есть нѣчто смутное, хотя и сильное, туманное, но непобѣдимое. Крайне трудно убѣдить современнаго человѣка, невѣжественнаго и эгоистичнаго, въ реальности Единства. Человѣкъ этотъ чувствуетъ себя плѣненнымъ матеріей, связаннымъ ею; онъ чувствуетъ, что рождается и умираетъ вмѣстѣ съ нею; она вполнѣ отдѣляетъ его отъ существъ, окружающихъ его; при этихъ условіяхъ ему трудно на дѣлѣ противиться такому очевидному доказательству раздѣльности; поэтому спиритуалисты и матеріалисты обыкновенно почти въ равной степени эгоистичны, и пока человѣкъ не почувствуетъ, какъ въ немъ вибрируетъ жизнь другого, пока общая божественная жизнь не заставитъ его сердце биться въ унисонъ съ сердцемъ человѣчества, ему будетъ трудно искренно повѣрить, что онъ дѣйствительно составляетъ одно общее съ другимъ.

Тѣмъ не менѣе видимости говорятъ въ пользу монизма; величайшіе умы вѣрили въ него и защищали его; холодный разсудокъ требуетъ его признанія; смутное, но глубокое и болѣе или менѣе всеобщее чувство единенія, преданности проявляется часто у самыхъ скромныхъ людей въ моменты несчастій и связываетъ между собой всѣ существа: это чувство человѣколюбія, которое свѣтится въ любви и самопожертвованіи. Впрочемъ, нельзя оставаться въ сомнѣніи относительно вопроса столь существенной

важности. Заблужденіе является всюду могущественной причиной зла; только истина создаетъ миръ. Если бы Единство было заблужденіемъ, то зачѣмъ подавлять, насиловать нашу низшую природу; если же оно истинно, то нѣтъ такого усилія, котораго бы не слѣдовало сдѣлать, чтобы достичь того, что оно предписываетъ. Попробуемъ же разсмотрѣть эту великую проблему, постигнуть ее и пріобрѣсти вѣру благодаря познанію и стать способными выполнить нашъ долгъ.

Итакъ, вотъ: всѣ, кто изслѣдовалъ съ достаточнымъ вниманіемъ эту таинственную глубину, утверждаютъ, что мы всѣ составляемъ одно цѣлое. Одна и та же жизнь разлита въ насъ, и хотя наши образы различны, а наши качества затемнены или сверкаютъ, мы все же сознаемъ, что мы люди, что мы одинаковы по природѣ. Возьмемъ примѣръ: посмотрите на эти электрическія лампочки; ихъ форма можетъ измѣняться, блескъ ихъ можетъ быть болѣе или менѣе яркимъ, но жизнь ихъ одна—это токъ, который проходитъ въ нихъ. Такъ и блескъ человѣческихъ качествъ зависитъ отъ центровъ, которые его производятъ. Эти качества различны, потому что центры, инструменты, которые ихъ создаютъ, далеко не одинаковы: такъ, центръ, производящій разсудочную способность, состоитъ изъ атомовъ, не похожихъ на тѣ, которые служатъ источникомъ воли или любви. Но жизнь, которая возбуждаетъ дѣятельность этихъ центровъ, одна—это *божественная жизнь* безконечности, нашего общаго Отца, и если мы его дѣти, то не всѣ ли мы братья?

Что такое Единство?

Это безконечная, совершенная, первоначальная, несозданная первопричина всего: силы, матеріи, качествъ, міровыхъ законовъ, эволюціи. Безконечно великое и въ то же время безконечно малое, способное объять Вселенную и пребывать въ мельчайшемъ изъ атомовъ, Безконечное, Совершенное, Непроявленное; оно скрыто, унитарно. Оно въ глубинѣ нашего существа даетъ намъ прирожденное понятіе о Единствѣ—понятіе, которое ничто въ мірѣ не можетъ возбудить въ насъ, потому что ничто въ мірѣ не едино, все сложно.

Вотъ что такое Единое.

Какимъ образомъ оно становится множественнымъ?

Проявляя себя, то есть становясь объективнымъ (предметнымъ). Въ началѣ этого процесса оно проявляетъ силу-матерію, дѣлитъ ее на атомы, образуетъ изъ нихъ тѣла, создаетъ въ нихъ качественные центры, которые, какъ мы увидимъ, производятъ

личности „я“. Безконечное въ центрахъ тѣлъ играетъ ту же роль, что и электрическій токъ въ лампочкахъ; токъ производитъ свѣтъ, Безконечное просвѣщаетъ наши ментальные центры и зарождаетъ въ нихъ „я“; такимъ образомъ единое становится множественными иллюзорными „я“, къ которымъ мы еще вернемся, потому что пониманіе ихъ необходимо для доказательства нашего братства.

Безконечное проявляетъ себя, сказалъ я. Какимъ способомъ— не знаю.

Безконечное не проявлено, вездѣсуще, всемогуще, оно корень всѣхъ міровыхъ силъ и обладаетъ всѣми свойствами, включая сюда и свойство проявлять свои потенціальности. Это свойство есть его „да будетъ“: *оно хочетъ и можетъ сдѣлать то, что хочетъ.* Когда оно хочетъ созидать, то оно хочетъ проявиться—и является предметный, объективный міръ; точно такъ же, какъ ученый благодаря своимъ знаніямъ создаетъ условія, которыя могутъ произвести силу; эта сила является и кажется исходящей изъ небытія. Она становится существующей, какъ бы вышедшей изъ невидимаго, таинственнаго яйца: таковъ электрическій токъ.

Вездѣсущій, но скрытый и неощутимый, онъ проявляется при треніи или при химическомъ воздѣйствіи, и онъ оказывается двойственнымъ съ положительнымъ и отрицательнымъ полюсами: онъ двойственъ. Попробуемъ вернуть эту двойственность къ полярному единству: токъ исчезаетъ, онъ переходитъ въ скрытое состояніе, возвращается къ нулю, который представляетъ собою изображеніе мірового яйца, изъ которого исходятъ всѣ силы. Эта двойственность есть непремѣнное условіе „conditio sine qua non“ всякаго проявленія. Можно сказать, что Безконечное, чтобы проявиться, какъ бы раздѣляется надвое и обоюднымъ воздѣйствіемъ этихъ двухъ своихъ частей дѣлаетъ ихъ объективными. Дѣйствительно, повсюду въ природѣ всякое проявленіе является послѣдствіемъ сочетанія двухъ противоположностей. Попробуйте, напримѣръ, породить силу въ пустомъ пространствѣ; это вамъ не удастся; наоборотъ, чѣмъ больше будетъ сопротивленіе, тѣмъ значительнѣе разовьется сила, порождаемая противодѣйствіемъ. Попробуйте написать картину одной краской, у васъ получится только окрашенная поверхность. Для картины нужны тѣнь и свѣтъ, только тогда появятся контуръ, форма, перспектива — словомъ картина.

Первое проявленіе Безконечнаго порождаетъ первую пару силъ: Силу-Матерію. Я говорю пару *силъ*, потому что матерія то же, что

и сила, она представляетъ собой какъ бы отрицательный полюсъ силы. Эта первичная сила, эта *матерія*, есть библейское яйцо, призванное къ жизни отъ Святого Духа на космическихъ водахъ, она есть *золотое яйцо* Брамы по сказанію восточныхъ космогоній. Первичная матерія такъ тонка, такъ совершенна и такъ чувствительна, что отвѣчаетъ совершенно жизни Безконечнаго, которое, благодаря опорѣ, предоставляемой матеріей для его способностей (прежде скрытыхъ, теперь проявленныхъ) *) и проявляется какъ „я“. Эта первичная матерія есть центръ проявленія всевозможныхъ способностей, совершенное орудіе космическаго „я“—высшей энергіи, которая переходитъ съ этого момента въ *множественныя силы*. Во Вселенной, созданной изъ первичной матеріи, которая есть тѣло Бога, проявляются три основныя способности Бытія—способности, которыя пріобрѣтетъ каждое существо и которыми оно будетъ обладать въ высшей степени въ концѣ своей эволюціи: это жизнь или сила, разумъ и любовь. Нѣтъ существа, которое не обладало бы хотя бы въ самой слабой степени жизнью, разузумомъ и любовью. Это и есть *Троичность*, вверху какъ и внизу, въ Богѣ міра и въ „Ego“—въ „я“ зачаточнаго существа; потому-то въ Писаніи евреевъ сказано, что Богъ сотворилъ человѣка „по образу своему и подобію“: человѣкъ, обладая этой божественной Троицей, является дѣйствительно образомъ Божіимъ.

Какъ рождается „я“?

Центръ Разума „ментальное“, облекаясь въ матерію и въ качество ея тѣла, отличается отъ нихъ и порождаетъ „я“—нѣчто отвлеченное, происходящее отъ ощущенія разумомъ „не я“—матеріи. Проявленное Тѣло Божіе—это Вселенная; во Вселенной рождаются всѣ способности и между ними главная способность „я“ личность. Высшее „я“—„я“ Безконечнаго—проявляется не только въ ментальномъ центрѣ Вселенной, въ которой оно является Логосомъ, но также во всякомъ ментальномъ центрѣ тѣлъ, совокупность которыхъ образуетъ Вселенную, во всякомъ существѣ, начиная отъ Величайшаго (Логосъ) и до самаго несовершеннаго. Подобно солнцу, единородное „я“—Логосъ отражается въ каждомъ ментальномъ зеркалѣ, существующемъ въ мірѣ. Но твореніе не останавливается на этомъ проявленіи. Личное „я“

---

*) Какъ только Безконечное ограничиваетъ свою вибрацію (безконечно частую), появляется Вселенная или, вѣрнѣе, матерія, и создается противоположность, которая позволяетъ абсолютному сознанію Безконечнаго стать сознаніемъ ограниченнымъ—сознаніемъ Логоса, космическимъ „я“. „Я“ требуетъ ощущенія различія—того, что разсматривается какъ „не я“.

Вселенной (Логосъ) проявляется также черезъ разумъ и силу (способности, проявленныя въ этотъ моментъ, хотя сокрытыя въ Немъ, въ непроявленномъ состояніи, пока Онъ остается Безконечнымъ, непроявленнымъ). Итакъ, сначала онъ дробитъ первичную матерію на атомы, типы, производители качествъ, производители способностей чувствовать, думать, дѣйствовать; изъ этихъ атомовъ онъ строитъ тѣла (формы); въ каждое тѣло онъ влагаетъ атомистическіе центры свойствъ—жизни (силы), разума и любви. Въ каждомъ изъ этихъ тѣлъ Безконечное проявляетъ отдѣльное „я", благодаря ментальному центру, орудію ощущенія, т. е. сознанія раздѣльности. Такимъ образомъ отъ Высшаго „я"—Логоса до низшаго изъ существъ спускается безконечное число „я",—тѣмъ болѣе несовершенныхъ, чѣмъ несовершеннѣе тѣло, къ которому они относятся (притягиваются).

Древніе, которые любили скрывать высшія истины подъ покровомъ символовъ и миѳовъ, называли это дробленіе Единаго изувѣченіемъ Озириса (или же Бахуса). Христіане говорятъ объ „Агнцѣ, закланномъ прежде сотворенія міра" (Апокалипсисъ XIII, 8); индусы—о конѣ, принесенномъ въ жертву (Веды). Въ миѳѣ, который я сейчасъ приведу, Бахусъ олицетворяетъ собой Логоса, а игральныя кости символизируютъ различные типы атомовъ.

„Дитя Бахусъ (т. е. проявленный Богъ, въ началѣ эволюціи)—говоритъ аллегорія—игралъ въ кости: Титанъ же (сила раздѣленія, которая всегда символизировала собой зло) напалъ на него врасплохъ и разорвалъ его тѣло въ клочки. Спустя долгое время, очень долгое, растерзанные члены соединились и божественное тѣло было возстановлено.

Такимъ образомъ божественное тѣло (первичная матерія) расчленено, и изъ него образуются милліарды тѣлъ (отрывковъ), которыя являются орудіемъ существъ.

По мѣрѣ раздѣленія матерія оплотняется, являются новыя состоянія ея; вмѣстѣ съ этимъ уменьшается ея чувствительность, она прогрессивно цѣпенѣетъ, она уже не такъ хорошо отзывается на жизнь, которая возбуждаетъ ея дѣятельность, и качества, которыя она проявляетъ, становятся менѣе совершенными. Это есть божественное ограниченіе, самопожертвованіе. Жертва Безконечнаго, добровольно подчиняющагося этому ограниченію, для созданія существъ и приведенія ихъ къ высшему Совершенству. Изувѣченіе тѣла и ограниченіе способностей суть два изображенія одной и той же идеи—самопожертвованія.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ многочисленные „я“ возвращаются воедино—то, что древніе символизировали „Воскресеніемъ Озириса“, день Пасхи.

Процессъ раздробленія легко понять; процессъ же соединенія воедино болѣе абстрактенъ. Попробуемъ изложить его, потому что онъ служитъ дополненіемъ къ ученію объ Единствѣ.

Посредствомъ эволюціи различныя состоянія матеріи (физическая, астральная, ментальная, духовная и божественная) исчезаютъ и вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ создаваемыя ею тѣла, т. е. физическое, астральное, ментальное, духовное и божественное. Съ ея послѣдовательнымъ постепеннымъ исчезновеніемъ уничтожаются тѣ вибраціи, которыя она производила въ „я“ личностяхъ, и сознаніе этихъ „я“, болѣе не поддерживаемое, переносится въ болѣе тонкія тѣла, въ которыхъ оно живетъ уже жизнью соотвѣтствующихъ міровъ. По мѣрѣ того, какъ эти „я“ пріобрѣтаютъ—въ качествѣ орудія для ощущенія—болѣе тонкія тѣла, сфера ихъ ощущенія увеличивается, и когда они сконцентрируются въ божественномъ тѣлѣ (атмическомъ тѣлѣ по Теософіи), они дѣлаются способными обнимать сознаніе всѣхъ „я“, заключенныхъ во Вселенной: каждое изъ нихъ становится подобнымъ Логосу. Однако, то, что эволюція производитъ нормальнымъ теченіемъ очень медленно, можетъ быть достигнуто существами болѣе быстро, благодаря усилію. Но прежде чѣмъ изложить этотъ процессъ, который мы можемъ назвать анормальнымъ, искусственнымъ, прибавимъ нѣсколько словъ о развитіи „я“ личностей, такъ какъ очень важно хорошо это усвоить.

Сфера ощущеній каждаго „я“ ограничена чувствами, черезъ которыя оно проходитъ.

Физическія чувства очень ограничены; сверхъ того они отдѣлены одно отъ другого и не могутъ заступать мѣсто другъ друга.

Астральныя чувства обладаютъ болѣе обширною способностью ощущеній, ихъ область простирается болѣе далеко; болѣе того, они соединены со всѣмъ протяженіемъ (поверхностью и глубиной) астральнаго тѣла, что объясняетъ одну изъ особенностей астральныхъ ощущеній, а именно возможность видѣть, ощущать, слышать, чувствовать и т. д. одной какой-нибудь точкой астральнаго тѣла. Матерія, которая соединяетъ астральныя тѣла, *одарена болѣе совершенною способностью передачи вибрацій*, чѣмъ эфиръ, соединяющій физическія тѣла, и она начинаетъ передавать каждому существу вибраціи и ощущенія другихъ; *въ этомъ начало ощущенія каждымъ существомъ жизни, общей всѣмъ.*

Ментальныя чувства собраны въ одно синтетическое чувство; они обладаютъ еще болѣе обширной сферой ощущенiй, чѣмъ чувства астральныя, и включаютъ еще большее количество существъ, чѣмъ эти послѣднiя. Они проницаютъ почти на любомъ *планетномъ разстоянiи*; атомы связующей ихъ среды имѣютъ болѣе совершенную способность передачи вибрацiй, чѣмъ атомы астральной среды, и ощущенiя существъ становятся еще болѣе общими и эти существа живутъ все болѣе и болѣе общею жизнью.

Въ духовномъ тѣлѣ (будди) сфера чувственныхъ ощущенiй достигаетъ границъ всей планетной системы, и среда, соединяющая духовныя тѣла, обладаетъ такой тонкостью, что передаетъ *центрамъ всѣхъ духовныхъ тѣлъ (буддическаго) индивидуальныя ощущенiя существъ въ ихъ совершенствѣ.*

Въ божественномъ тѣлѣ (атмическомъ) сфера ощущенiй охватываетъ всѣ формы солнечной системы, и во всей этой системѣ *жизнь существъ едина* для тѣхъ, которыя сознаютъ себя въ тѣлѣ атмическомъ.

Наконецъ въ еще болѣе возвышенномъ тѣлѣ (Ади) сфера ощущенiй достигаетъ границъ самой вселенной, и въ этой сферѣ существа, тѣла которыхъ вполнѣ завершены, наслаждаются совершеннымъ единствомъ жизни.

Каждое „я" становится совершеннымъ соучастникомъ сознанiя всѣхъ „я" вселенной; оно стало Логосомъ; для него эволюцiя уже закончена.

Процессъ этотъ, совершаемый эволюцiей, течетъ медленно, люди же рѣшительные, избравшiе себѣ прямую дорогу, путь, о которомъ я упоминалъ вначалѣ, могутъ осуществить его гораздо быстрѣе, усилiемъ, которое быстро создаетъ высшiя тѣла и производитъ добровольную передачу „я" изъ низшаго тѣла въ высшее: это обусловливаетъ необходимость труднаго подвига ученичества подъ руководствомъ Учителя, чего мы не будемъ здѣсь касаться.

Вотъ какъ зачаточное „я" становится все болѣе великимъ, постоянно добавляя новыя познанiя къ тѣмъ, которыми оно уже обладаетъ, все болѣе и болѣе расширяя свою сферу ощущенiй, охватывая сознанiя большаго количества „я", испытывая ихъ борьбу и надежды, *пока оно не сознаетъ общей жизни всѣхъ существъ и не почувствуетъ, что всѣ они живутъ въ немъ жизнью, которая есть его собственная.*

Тогда или, вѣрнѣе, уже задолго до этого момента онъ чувствуетъ, что жизнь едина, и что всѣ „я" это братья по развитiю. Сомнѣнiе невозможно.

Прежде чѣмъ продолжать, остановимся на мгновеніе.

Если мы составляемъ одно, то мы солидарны. Быть солидарнымъ это значитъ жить одной и тою же жизнью, быть соединеннымъ со всѣми, чувствовать каждую вибрацію, которая волнуетъ части цѣлаго, получать впечатлѣнія отъ всѣхъ теченій добра или зла, которыя пересѣкаютъ міръ. Въ одномъ общемъ, солидарномъ, печаль и радость каждаго являются радостью и печалью всѣхъ. Сознательно производить негармоничную вибрацію,— это преступленіе противъ человѣчества; создавать же гармоническія отношенія это непремѣнная обязанность, потому что всякое нарушеніе закона—физическаго, нравственнаго, мысленнаго (умственнаго), духовнаго, или божественнаго, поражаетъ всю вселенную, а всякое содѣйствіе закону есть помощь всѣмъ; эта обязанность имѣетъ въ виду одну постоянную цѣль—общее совершенствованіе, которое достигается однимъ постояннымъ средствомъ—поддержкой, жертвой всѣхъ для всѣхъ, жертвой закону, общему благу, жертвой индивидуума во имя цѣлаго, чтобы всѣ могли быть счастливы.

Попробую теперь указать главные способы для пріобрѣтенія доказательствъ въ подкрѣпленіе изложенныхъ положеній, доказательства того, что всѣ мы едино и что Единство дѣлаетъ насъ братьями.

Самое полное доказательство—это понять и почувствовать, стать богомъ или, вѣрнѣе, орудіемъ божественнымъ, потому что тѣла—это только орудія высшаго Божества—Безконечнаго орудія, которыя, будучи достаточно совершенными, проявляютъ свойства Логоса, т. е. божественный разумъ, божественную любовь, божественное могущество.

Понять это,—значитъ слиться съ постигнутымъ предметомъ, чувствовать этотъ предметъ,—вибрировать въ унисонъ съ нимъ. Вибрировать же въ унисонъ—это значитъ развить совершенные центры свойствъ и способностей.

Вотъ эти способы: они дѣлятся на общіе и спеціальные. Общіе способы это Чистота и соблюденіе Единства.

Чистота должна быть физической, моральной, ментальной, т. е. охватывать всѣ наши тѣла.

Она утончаетъ матеріалы центровъ и дѣлаетъ ихъ болѣе чувствительными, дѣлаетъ ихъ способными къ большей вибраціи, способными на совершенную единовременную дѣятельность.

Упражненіе создаетъ колеса механизма, производящаго качества (орудія), полируетъ его—улучшаетъ и облегчаетъ дѣйствіе аппарата.

Вотъ великіе пути упражненія въ Единствѣ.

Нужно безпрестанно думать о томъ, что каждый человѣкъ есть сынъ Безконечнаго, богъ, идущій по пути совершенства, братъ (младшій или старшій).

Нужно помогать ему мыслью полной свѣта, любви и силы, потому что кто не нуждается въ этой тройной помощи, чтобы правильно судить, быть выносливымъ и уберечься отъ возмущеній? Помнить, что ничто не принадлежитъ намъ, что все, чѣмъ мы обладаемъ, есть даръ Бога, ссуда, которою мы обязаны дѣлиться съ нашими братьями, менѣе одаренными, чѣмъ мы. Сила любви, свѣтъ разума, матеріальныя богатства, даже самая физическая жизнь—ничто не наше, всѣмъ этимъ мы обязаны дѣлиться со всѣми съ единственнымъ ограниченіемъ: давать съ разборомъ. Безъ разбора лучшая помощь можетъ стать проклятіемъ; безуміе сердца не лучше безумія головы.

Не будемъ забывать и того, что у насъ есть только обязанности и никакихъ правъ. Не будемъ же ничего просить, ничего желать. Будемъ ждать всего отъ Бога, Высшей Премудрости, которая лучше нашего знаетъ, въ чемъ мы имѣемъ нужду. Будемъ всегда помогать: прежде всего тѣмъ, которыхъ судьба поставила вокругъ насъ, чтобы облегчить намъ нашъ долгъ благотворительности; потомъ тѣмъ, кого она ставитъ на нашемъ пути.

Безполезно, за рѣдкими исключеніями, расточать наши силы дѣйствіями на разстояніи—онѣ будутъ безплодны: Богъ не расточаетъ своихъ щедротъ. Но не будемъ сомнѣваться, не будемъ думать о препятствіяхъ, могущихъ встрѣтиться намъ. Высшій Охранитель позаботится объ этомъ—все способствуетъ тому, кто помогаетъ другому.

Будемъ помогать; добрыя дѣла—это сѣмена божественныхъ свойствъ: благодарности и признательности.

Будемъ также помогать, разливая вокругъ примѣръ добродѣтелей: терпимости, симпатіи, смиренія.

Будемъ вѣрить въ Провидѣніе, потому что ничто дурное или несправедливое не поразитъ насъ. Будемъ спокойны, будемъ съ благодарностью принимать испытаніе: оно нашъ лучшій наставникъ. Въ событіяхъ будемъ искать путь, указываемый намъ Богомъ. Будемъ ждать случаевъ, которые Богъ намъ приготовля-

етъ: это врата, которыя Онъ намъ отверзаетъ. Научимся ожидать Его пришествія.

Подадимъ примѣръ Божественнаго милосердія безъ упрековъ, безъ осужденія, безъ антипатіи; будемъ видѣть въ другомъ Бога, развитіе котораго сгладитъ недостатки и обратитъ ихъ въ качества; будемъ въ немъ видѣть божественнаго младенца, который превратится въ мудреца—станетъ богомъ.

Будемъ имѣть огромное терпѣніе къ недостаткамъ и впаданіямъ въ грѣхъ; будемъ направлять кротостью, любовью и остережемся прибѣгать къ бичу страданія; оставимъ его въ рукахъ Логоса, который одинъ знаетъ мѣру его примѣненія.

Будемъ смиренны: предоставимъ другимъ блестящія роли, сами же останемся въ тѣни; преклонимся передъ богомъ, совершающимъ эволюцію, который живетъ въ каждомъ человѣкѣ, и уступимъ ему лучшее мѣсто подъ солнцемъ.

Будемъ счастливы счастьемъ другихъ и раздѣлимъ ихъ несчастье.

Теперь перейдемъ къ спеціальнымъ способамъ—эти способы необходимы тѣмъ, кто избираетъ тернистый путь, путь страданія.

Этотъ путь требуетъ опытнаго руководителя, и этотъ руководитель является безъ зова, когда ученикъ готовъ.

Трудъ, который надо тутъ выполнить, это быстрое усовершенствованіе центровъ, черезъ которые Безконечное проявляется въ существахъ: центры разума, любви и могущества.

Ментальное тѣло должно стать совершеннымъ орудіемъ сознанія, резонаторомъ, воспринимающимъ всѣ идеи, и въ то же время орудіемъ, которое можно привести въ состояніе полнаго покоя, чтобы, подобно спокойному озеру, оно могло отражать растенія, растущія по берегамъ, или облака, плывущія по небу. Нужно дисциплировать его, чтобы оно отражало вѣрно: это именно ментальное изображалось миѳическимъ Прометеемъ, который, лишь будучи скованнымъ, говорилъ истину. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ волнующаяся вода правильно отражать предметъ? Вотъ почему ученикъ усердно упражняется въ контролѣ надъ ментальнымъ и въ то же время совершенствуетъ механизмъ этого орудія. Когда этотъ двойной трудъ подвинется впередъ, онъ можетъ начать пользоваться этимъ драгоцѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ и прилагать его къ какой-либо идеѣ, особенно къ великой идеѣ, одной изъ тѣхъ, которыя Логосъ или же великія Существа сѣютъ въ ментальной атмосферѣ, чтобы онѣ свѣтили въ ней, какъ благодѣтельныя солнца. Ученикъ доводитъ себя до

полной возможности вибрировать въ унисонъ съ этими идеями, чувствовать ихъ въ себѣ, пріять ихъ въ себя, и вслѣдъ за этимъ заставить ихъ вибрировать въ средѣ болѣе плотной, чѣмъ та, въ которую онѣ были введены первоначально *). Достигаетъ онъ этого сосредоточеніемъ.

Когда же онѣ еще слишкомъ тонки, чтобы могли быть воспринятыми его мыслью, еще не вполнѣ совершенной, онъ обращается къ Руководителю и проситъ его, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ болѣе доступными его воспріятію. Въ подобныхъ случаяхъ онъ приводитъ ментальное въ покой, въ совершенно безъидейное состояніе, и тогда болѣе энергичныя вибраціи отпечатлѣваются на чувствительной ментальной матеріи.

Развитіе центра любви достигается пріобрѣтеніемъ добродѣтелей и изъ общаго корня: Любви. „Человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ думаетъ“,—сказалъ великій Наставникъ Индіи Патанджали,—и это изреченіе повторено всѣми другими. Таковъ принципъ. Легко это провѣрить, думая достаточно долгое время о добрѣ, о прекрасномъ, объ истинномъ, о злѣ, объ уродствѣ и о томъ, что ложно. Размышленіе о добродѣтели даетъ возможность болѣе скоро пріобрѣсти и самую добродѣтель: это вопросъ времени или силы.

Возможно также созерцать эту добродѣтель какъ принципъ отвлеченный, присущій безконечному, воображаемому въ центрѣ существъ, какъ это совѣтуетъ Молино въ своемъ сочиненіи („Духовный Руководитель“), или же какъ добродѣтель проявленную въ Логосѣ или въ одномъ изъ Существъ, которыя стали вѣстниками ея и явились на землѣ какъ „Сыны Божіи“... Здѣсь можетъ быть полезно созданіе мыслью или воображеніемъ хотя бы несовершеннаго образа одного изъ этихъ Существъ. Этотъ образъ ментальной субстанціи направляетъ мысль на это Существо и привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Оно посылаетъ этой формѣ лучъ Своей души для оживленія ея, наполняя ее вибраціей добродѣтели, которую желаютъ пріобрѣсти; тогда изображеніе заставляетъ вибрировать въ унисонъ съ нимъ ментальное тѣло ученика, который, такимъ образомъ, медленно развиваетъ въ себѣ желаемое качество. Такова истина, лежащая въ культѣ образовъ. А такъ какъ Логосъ, или каждое изъ этихъ великихъ Существъ обладаетъ въ совершенствѣ всѣми добродѣтелями и заключаетъ ихъ въ своей безконечной любви, то ученику достаточно созерцать

---

*) Такимъ образомъ онъ переводитъ ихъ въ міръ, въ среду людей.

этотъ мысленный образъ, эту вибрирующую форму, любить ее, т. е. привлечь созвучную вибрацію, чтобы мало по малу исполниться этой божественной Силой—Силой Любви, источника всѣхъ добродѣтелей.

Развитіе центра силы дополняетъ Могущество, которое два предыдущихъ центра вырабатываютъ сами по себѣ.

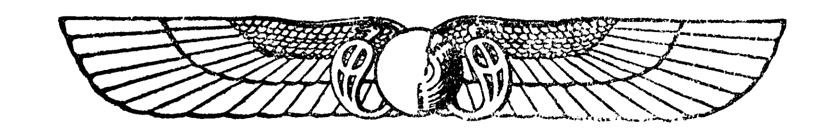
Могущество, присущее ментальному центру,—это могущество познанія; „знать—это мочь". Могущество любви огромно; любовью сіяли нѣкоторые мученики, любовь утоляла кровожадность дикихъ звѣрей; одинъ изъ дорогихъ Наставниковъ разсказывалъ, что однажды въ Индіи іогъ, одинъ изъ его друзей, впалъ въ оцѣпенѣніе (въ Самадхи) въ тростникѣ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ тигра, изгибающагося, какъ кошка, возлѣ его тѣла и лизавшаго его голыя ноги—любовь подчинила лѣсного дикаря.

Жизненная вибрація святого до такой степени согласна съ Закономъ, что она возстановляетъ болѣзненныя, несогласныя, негармоничныя съ Закономъ вибраціи больного: она исцѣляетъ недуги. Я не говорю уже о другихъ силахъ, которыми обладаютъ люди на пути божественности; тѣ, на долю которыхъ выпалъ счастливый случай жить съ нѣкоторыми учениками, видѣли примѣры свѣта, любви, спокойной, уравновѣшенной силы, которыя изливались изъ этихъ орудій высшаго совершенства.

Таково абсолютное, непоколебимое доказательство присутствія Бога въ человѣкѣ. Тотъ, кто постигъ это, знаетъ, что Богъ является причиной его могущества, свѣта и любви. Всѣ чудотворцы мистики провозглашали съ глубокой искренностью: „Это Богъ дѣйствуетъ во мнѣ".

Не увлекаясь надеждой такъ скоро достичь подобныхъ высотъ, я умоляю васъ думать о Единствѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ каждое утро, жить имъ въ теченіе дня, разбирать каждый вечеръ, въ чемъ вы нарушили его предписанія, и мало по малу вы почувствуете себя лучшими, вы почувствуете въ себѣ присутствіе Бога: Вы поймете тогда увѣреніе, которое я высказалъ въ началѣ этой бесѣды и которое, можетъ быть, показалось вамъ преувеличеннымъ: *„изученіе Единства ведетъ къ высшему познанію, а исполненіе его—къ высшему совершенству.*

Пер. **М. Карель.**



Древняя мудрость.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава VIII.

Перевоплощеніе.

Восходящія ступени сознанія, по которымъ подвигается Мыслитель, послѣдовательно перевоплощаясь--въ теченіе долгаго жизненнаго цикла—въ трехъ низшихъ мірахъ, ясно обозначены; если бы не было многочисленныхъ существованій, невозможно было бы послѣдовательное прохожденіе всѣхъ этихъ ступеней, и въ этомъ—для вдумчиваго ума—заключается наиболѣе убѣдительное доказательство перевоплощенія.

Первая ступень—та, на которой всѣ опыты исключительно чувственнаго порядка, и здѣсь единственное содѣйствіе со стороны ума состоитъ въ сознаніи, что соприкосновенія съ одними объектами сопровождаются чувствомъ удовольствія; тогда какъ соприкосновенія съ другими—ощущеніемъ боли.

Эти объекты вызываютъ мысле-образы, и послѣдніе начинаютъ дѣйствовать какъ стимулы къ отысканію объектовъ, способныхъ вызывать пріятныя ощущенія, когда объекты эти отсутствуютъ; такимъ образомъ возникаютъ зачатки памяти и умственной иниціативы. Это первое общее раздѣленіе внѣшняго міра на объекты пріятные и непріятные сопровождается болѣе сложной идеей о связи *„количества"* пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній физическимъ самочувствіемъ, о чемъ уже была рѣчь въ прошлой главѣ.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1908 г., № 12, стр. 6.

На этой ступени эволюціи память чрезвычайно недолговѣчна, умственные образы быстро изглаживаются.

Возможность предвидѣть будущее на основаніи прошедшаго въ самомъ даже зачаточномъ видѣ еще не возникла въ сознаніи младенческаго Мыслителя, и всѣ дѣйствія его вызываются или достигающими до него изъ внѣшняго міра вліяніями, или же голосомъ его собственныхъ аппетитовъ и страстей, жаждущихъ удовлетворенія. Онъ отброситъ все ради ихъ немедленнаго удовлетворенія, какъ бы отброшенная вещь ни была необходима для него же въ будущемъ. Непосредственное ощущеніе пересиливаетъ на этой ступени всѣ остальныя соображенія; многочисленные тому примѣры приводятся въ отчетахъ многихъ путешественниковъ, и для всѣхъ, кто изучалъ стоящихъ на низкой ступени дикарей и сравнивалъ ихъ умственный уровень съ сознаніемъ средняго культурнаго человѣка, должна быть чрезвычайно убѣдительна мысль о необходимости многочисленныхъ существованій.

Нечего и говорить, что на этой ступени нравственныя качества не превышаютъ умственныхъ понятій; различіе между добромъ и зломъ еще не возникаетъ въ сознаніи. И внушить такому младенческому уму представленіе о добрѣ и злѣ совершенно невозможно. Да, „хорошее“ и пріятное для него—неразличимые термины, какъ это ярко сказалось въ извѣстномъ случаѣ съ австралійскимъ дикаремъ, приводимымъ Ч. Дарвиномъ.

Подгоняемый голодомъ, дикарь пронзилъ копьемъ первое живое существо, подвернувшееся ему, и это оказалась его собственная жена. Европеецъ началъ увѣщевать его относительно грѣховности его проступка, но не произвелъ на него никакого впечатлѣнія; мало того, изъ всѣхъ наставленій, что ѣсть свою жену дурно, онъ вывелъ только одно заключеніе, что европеецъ говоритъ о дурномъ вкусѣ или о несваримости ея мяса; желая успокоить его, дикарь началъ улыбаться и похлопывать себя по животу съ самымъ удовлетвореннымъ видомъ, говоря: „нѣтъ, она *очень* вкусная“.

Измѣряя мысленно необъятное нравственное разстояніе, раздѣляющее этого дикаря и св. Франциска Ассизскаго, неминуемо приходишь къ заключенію, что должна быть такая-же эволюція душъ, какъ и эволюція тѣлъ, или что въ царствѣ душъ совершаются постоянныя, непостижимыя чудеса.

Существуетъ два пути, идя по которымъ человѣкъ можетъ постепенно выйти изъ этого зачаточнаго состоянія: онъ можетъ быть руководимъ людьми гораздо болѣе развитыми, чѣмъ онъ

самъ, или же быть предоставленъ себѣ самому, медленно расти безъ посторонней помощи. Въ послѣднемъ случаѣ развитіе его длилось бы безчисленные вѣка, ибо безъ высшаго примѣра и безъ дисциплины, предоставленныя воздѣйствіямъ внѣшней среды и тренію съ людьми, не болѣе развитыми, чѣмъ онъ самъ, духовныя силы дикаря просыпались бы съ необычайной медленностью. Въ дѣйствительности, огромное большинство людей развивалось подъ вліяніемъ непосредственнаго поученія, примѣра и вынужденной дисциплины. Мы уже видѣли, что когда бо̀льшая часть человѣчества восприняла искру, вызвавшую къ жизни Мыслителя, тогда Высшія Существа, которыя въ оккультныхъ ученіяхъ носятъ названія „Сыновъ Разума“, воплотились и стали Учителями юнаго человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе высокіе „Сыны Разума“ воплощались на различныхъ ступеняхъ эволюціи, появляясь на самомъ гребнѣ передовой волны подвигающагося впередъ человѣчества. Они управляли людьми подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ великихъ Учителей, и вынужденное послушаніе элементарнымъ правиламъ правильной жизни чрезвычайно ускорило развитіе умственныхъ и нравственныхъ качествъ въ младенческихъ душахъ. Кромѣ всѣхъ другихъ указаній, гигантскіе остатки давно исчезнувшихъ цивилизацій, доказывающихъ высокое инженерное искусство и высоту умственнаго развитія, далеко превышающаго ступень, на которой тогда стояло младенческое человѣчество,— достаточно ясно свидѣтельствуютъ о существованіи въ тѣ первобытныя времена людей съ высокимъ развитіемъ, способныхъ на великіе замыслы и могучія выполненія.

Будемъ продолжать наши изслѣдованія первой ступени эволюціи сознанія. Ощущенія господствовали всецѣло надъ умомъ и первыя усилія мысли вызывались желаніемъ, что медленно вело человѣка къ предвидѣнію. Онъ начиналъ распознавать опредѣленную связь между извѣстными мысле-образами, и когда одинъ изъ нихъ появлялся, ожидать появленія и другого, неизмѣнно слѣдовавшаго за нимъ въ его бодрствующемъ сознаніи. Онъ начиналъ дѣлать выводы и даже совершать поступки на основаніи этихъ выводовъ, что было уже большимъ шагомъ впередъ, и рядомъ съ этимъ въ немъ начали появляться отъ времени до времени колебанія, слѣдовать ли ему страстнымъ призывамъ желанія, такъ какъ, въ его памяти, ихъ удовлетвореніе соединялось много разъ съ послѣдующими тяжелыми ощущеніями.

Это вліяніе было сильно ускорено давленіемъ на него ясно выраженныхъ законовъ. Ему запрещались извѣстнаго рода удо-

влетворенія и его предупреждали, что вслѣдъ за ослушаніемъ послѣдуютъ страданія. Когда онъ хватался за доставляющій наслажденіе предметъ и убѣждался, что страданіе дѣйствительно слѣдуетъ за удовлетвореніемъ, исполнившееся предупрежденіе оставляло въ его сознаніи гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ тѣ же совпаденія, казавшіяся ему случайными, когда они являлись неожиданно для него.

Такимъ образомъ постоянно возникали конфликты между памятью и желаніемъ, и эти конфликты возбуждали мысль къ болѣе активной дѣятельности. Явленіе это вызвало необходимость перехода сознанія на вторую ступень.

На этой ступени начинаетъ появляться зародышъ воли. Желаніе и воля руководятъ поступками человѣка; иногда волю опредѣляютъ какъ желаніе, побѣдоносно исходящее изъ столкновенія желаній. Но это слишкомъ общее и поверхностное опредѣленіе, не объясняющее ничего. Желаніе есть исходящая изъ Мыслителя энергія, направленіе которой опредѣляется привлекательностью внѣшнихъ предметовъ. Воля же есть исходящая изъ Мыслителя энергія, направляемая умозаключеніями, выведенными разумомъ изъ прежнихъ опытовъ, или же непосредственной интуиціей, идущей отъ самого Мыслителя, иначе говоря: желаніе руководимо извнѣ, воля же изнутри. Вначалѣ человѣческой эволюціи желаніе является полнымъ властелиномъ и толкаетъ человѣка то туда, то сюда; въ серединѣ его эволюціи желаніе и воля находятся въ постоянномъ конфликтѣ, и побѣда оказывается то на сторонѣ желанія, то на сторонѣ воли; въ концѣ его эволюціи желаніе умираетъ и воля господствуетъ безпрепятственно и безусловно. Пока Мыслитель еще не достаточно развитъ, чтобы видѣть непосредственно, воля руководитъ имъ посредствомъ разума, а такъ какъ разумъ въ состояніи выводить свои заключенія изъ наличности мысле-образовъ, иными словами—изъ пережитаго опыта, запасъ же этотъ вначалѣ ограниченъ, поэтому и воля приводитъ человѣка безпрестанно къ ошибочнымъ дѣйствіямъ. Страданія, истекающія отъ этихъ ошибокъ, увеличиваютъ запасъ мысле-образовъ и такимъ путемъ доставляютъ разуму все увеличивающееся поле опыта, откуда онъ и черпаетъ свои заключенія. Такимъ образомъ возникаетъ прогрессъ и зарождается мудрость. Желаніе смѣшивается часто съ волей, и то, что кажется намъ рѣшеннымъ внутри, въ дѣйствительности бываетъ вызвано жаждой низшей природы того, что обѣщаетъ ей удовлетвореніе. И вмѣсто открытой борьбы между обѣими силами, низшая незамѣтно входитъ въ по-

токъ высшей силы и поворачиваетъ ея направленіе въ сторону. Побѣжденныя въ открытомъ полѣ, личныя желанія вступаютъ такимъ образомъ въ заговоръ противъ своего побѣдителя и часто выигрываютъ хитростью то, что имъ не удалось взять силой.

На протяженіи всей второй ступени, когда способности низшаго разума находятся въ разгарѣ своей эволюціи, борьба является нормальнымъ состояніемъ, борьба между повелѣніями чувствъ и повелѣніями разума.

Задача, которую предстоитъ разрѣшить человѣчеству, состоитъ въ приведеніи этой борьбы къ концу при полномъ сохраненіи свободы воли; вести волю къ наилучшимъ рѣшеніямъ, но такъ, чтобы выборъ этихъ рѣшеній оставался свободнымъ и добровольнымъ. Лучшее должно быть избираемо, но по собственному почину воли, которая должна проявляться съ неизбѣжностью предопредѣленной необходимости. Настоятельность принудительнаго закона должна получиться изъ безчисленныхъ воль, каждая изъ которыхъ должна свободно опредѣлять свое собственное направленіе. Рѣшеніе этой проблемы кажется простымъ, когда знаешь его, хотя съ перваго взгляда заключенное въ ней противорѣчіе и кажется непримиримымъ. Представимъ себѣ человѣка, вполнѣ свободнаго въ выборѣ своихъ поступковъ, но чтобы при этомъ каждый его поступокъ приносилъ за собой и неизбѣжный результатъ, и пусть человѣкъ тотъ, ничѣмъ не стѣсняемый, хватаетъ одинъ за другимъ предметы своихъ многочисленныхъ желаній, но только съ тѣмъ, чтобы ему же и доставались всѣ послѣдствія его выбора, каковы бы они ни были. Очевидно, что онъ добровольно откажется отъ тѣхъ предметовъ, обладаніе которыми причиняетъ въ концѣ концовъ страданіе. Онъ болѣе не будетъ желать ихъ, когда испытаетъ приносимую ими боль. И какъ бы онъ ни стремился удержать наслажденіе и избѣгнуть страданія, онъ будетъ сдавленъ между жерновами неумолимаго закона, и урокъ будетъ повторяться столько разъ, сколько окажется нужнымъ: перевоплощеніе предоставляетъ столько жизней, сколько потребуется даже для самаго лѣниваго и тупого изъ учениковъ. Медленно, но неизбѣжно желаніе предмета, который приноситъ за собой страданіе, начнетъ умирать, и если подобный предметъ и предстанетъ передъ человѣкомъ во всемъ своемъ привлекательномъ очарованіи, онъ будетъ, тѣмъ не менѣе, отвергнутъ, и не по принужденію, а по свободному выбору. Онъ болѣе не вызываетъ желанія, онъ потерялъ свою силу. То же самое происхо-

дитъ послѣдовательно съ однимъ предметомъ за другимъ; выборъ начинаетъ все чаще и чаще совпадать съ закономъ.

„Многіе пути ведутъ къ заблужденію; къ истинѣ ведетъ только одинъ путь“; когда всѣ пути къ заблужденію пройдены, когда человѣкъ убѣдился, что всѣ они кончаются страданіемъ, выборъ истиннаго пути становится непоколебимъ, ибо онъ основанъ на знаніи. Низшія царства природы работаютъ въ полной гармоніи, понуждаемыя закономъ; человѣческое царство представляетъ хаосъ сталкивающихся хотѣній, борющихся съ закономъ и бунтующихъ противъ него. Въ настоящее время изъ этого хаоса уже начинаетъ обозначаться болѣе благородное единство и предпочтеніе добровольнаго подчиненія; такое подчиненіе, будучи добровольное и основанное на знаніи и на воспоминаніи о послѣдствіяхъ неповиновенія, устойчиво и не можетъ быть поколеблено никакимъ соблазномъ. Пока человѣкъ не пріобрѣлъ знанія и опыта, предъ нимъ всегда стоитъ опасность паденія. Когда же онъ станетъ богоподобнымъ, познавшимъ добро и зло до конца, въ его предпочтеніи добра не можетъ быть перемѣны. Въ области нравственной воля называется обыкновенно совѣстью, и въ этой области она причастна такимъ же затрудненіямъ, какъ и въ остальныхъ своихъ дѣятельностяхъ. Пока дѣло идетъ о поступкахъ, повторявшихся много и много разъ, послѣдствія которыхъ уже выяснились или для разума, или для самого Мыслителя, совѣсть говоритъ быстро и твердо. Но если возникаютъ новыя проблемы, относительно которыхъ опыта еще нѣтъ, голосъ совѣсти становится неопредѣленнымъ. Отъ разума совѣсть получаетъ нерѣшительный отвѣтъ, который легко можетъ повести къ невѣрному выводу; самъ же Мыслитель молчитъ, если въ его опытѣ еще не было того обстоятельства, которое возникло впервые. Вотъ почему совѣсть нерѣдко приходитъ къ неправильнымъ рѣшеніямъ; это происходитъ отъ того, что воля, не получая яснаго указанія ни отъ разума, ни отъ интуиціи, даетъ своей дѣятельности невѣрное направленіе. Не слѣдуетъ также оставлять безъ вниманія тѣ вліянія, которыя дѣйствуютъ на умъ въ видѣ чужихъ мысле-формъ, принадлежащихъ друзьямъ, семьѣ, обществу, цѣлой націи *). Всѣ они проникаютъ въ сознаніе, искажая видимость всѣхъ вещей и нарушая ихъ истинныя пропорціи. Подчиняясь ихъ вліянію, разумъ часто перестаетъ спокойно дѣлать выводы изъ своего собственнаго опыта и приходитъ вслѣдстіе этого къ невѣрнымъ заключеніямъ.

*) См. гл. II, „Астральный планъ“.

Въ эволюціи нравственныхъ качествъ играютъ большую роль привязанности, чувства расположенія, которыя всѣ носятъ характеръ животный или эгоистическій въ младенческій періодъ Мыслителя. Законы нравственности устанавливаются просвѣщеннымъ разумомъ, который умѣетъ различать законы, двигающіе Природой, и приводить человѣческое поведеніе въ созвучіе съ Божественной Волей.

Но импульсъ къ выполненію этихъ законовъ, если къ такому выполненію не побуждаетъ внѣшняя сила, имѣетъ свои корни въ Любви, въ этомъ скрытомъ божественномъ Началѣ человѣческаго существа, которое ищетъ проявить себя, отдать себя другимъ. Нравственность возникаетъ въ младенческомъ Мыслителѣ, когда онъ впервые движимъ любовью къ женѣ, къ своимъ дѣтямъ, къ другу, и эта любовь заставляетъ его поступать въ пользу любимыхъ безъ всякой мысли о личной пользѣ. Въ этомъ первая побѣда надъ низшей природой, полное подчиненіе которой является вѣнцомъ нравственнаго совершенства. Отсюда необходимость питать и поддерживать привязанности и любовь, а не·убивать ихъ, какъ это рекомендуется низшимъ видомъ оккультизма. Какъ бы нечисты и грубы не были привязанности, онѣ все же представляютъ шансы для нравственной эволюціи, отъ которой холодный и добровольно уединившійся человѣкъ замыкаетъ себя навсегда. Легче очищать любовь, чѣмъ создавать ее, и вотъ почему „грѣшники“, по словамъ Великаго Учителя, ближе къ царствію небесному, чѣмъ книжники и фарисеи.

На третьей ступени сознанія происходитъ развитіе высшихъ интеллектуальныхъ силъ; умъ начинаетъ останавливаться не только на образахъ, вызываемыхъ извнѣ ощущеніями, разсуждаетъ не только о чисто конкретныхъ вещахъ или о ихъ свойствахъ, которыя отличаютъ одну вещь отъ другой. Мыслитель, научившись ясно различать предметы по ихъ характернымъ различіямъ, теперь начинаетъ группировать ихъ вмѣстѣ по какому-либо признаку, который принадлежитъ многимъ предметамъ, въ другихъ отношеніяхъ не сходнымъ, и такимъ образомъ онъ создаетъ между ними внутреннюю связь. Онъ извлекаетъ этотъ общій признакъ и ставитъ всѣ предметы, обладающіе имъ, отдѣльно отъ тѣхъ, которые этимъ признакомъ не обладаютъ, и этимъ путемъ онъ развиваетъ способность различать единство среди разнообразія— первый шагъ къ позднѣйшему распознаванію единаго начала, лежащаго въ основѣ всего. Такимъ образомъ онъ распредѣляетъ по категоріямъ все окружающее его, развивая способность къ

синтезу и научаясь обобщать такъ же, какъ и анализировать. Затѣмъ онъ дѣлаетъ и еще одинъ шагъ впередъ и создаетъ изъ общаго свойства идею, отдѣльную отъ всѣхъ объектовъ, въ которыхъ свойство это проявляется, и такимъ образомъ строитъ высшій типъ мысле-образовъ—образъ идеи, не имѣющей матеріальнаго существованія въ мірѣ формъ, которая существуетъ лишь на высшихъ ступеняхъ ментальной сферы и представляетъ тотъ матеріалъ, надъ которымъ Мыслитель самъ можетъ производить работу. Низшій разумъ достигаетъ абстрактной идеи путемъ разсужденія; при этомъ происходитъ его наивысшій полетъ, когда онъ поднимается до порога міра „безъ формъ“ и смутно проникаетъ въ потустороннее бытіе. Мыслитель видитъ эти идеи, среди нихъ онъ и пребываетъ всегда; когда же его способность абстрактнаго мышленія разовьется вполнѣ, Мыслитель становится дѣятельнымъ въ своемъ собственномъ мірѣ*). Люди, достигшіе этой ступени, мало заботятся о жизни эмоцій и чувствованій, они мало интересуются внѣшними наблюденіями; ихъ силы сосредоточены внутри и болѣе не устремляются наружу въ поискахъ за удовлетвореніемъ. Они спокойно остаются внутри себя, занятые широкими міровыми задачами, наиболѣе глубокими сторонами жизни и мысли, они болѣе заняты проникновеніемъ въ причины, чѣмъ наблюденіемъ надъ ихъ выраженными послѣдствіями, они все болѣе и болѣе приближаются къ ясному сознанію, что Единое лежитъ въ основѣ всего разнообразія внѣшней природы.

На четвертой ступени сознанія это Единое уже видимо, и, когда перейдена граница малаго разума или интеллекта, сознаніе раздвигается и объемлетъ весь міръ, оно видитъ все сущее въ себѣ какъ части себя, оно сознаетъ себя лучомъ Логоса и, слѣдовательно, единымъ съ Нимъ. Гдѣ же въ такомъ случаѣ Мыслитель? Онъ сталъ Сознаніемъ, и тогда какъ одухотворившаяся душа можетъ—по своей волѣ—проявляться черезъ любой изъ низшихъ проводниковъ, онъ болѣе не ограниченъ ими и не нуждается въ нихъ. И тогда настанетъ конецъ обязательному перевоплощенію. Человѣкъ побѣдилъ смерть; онъ воистину достигъ безсмертія. И тогда онъ станетъ „столпомъ въ храмѣ Бога моего, и онъ уже не выйдетъ вонъ“ **).

Чтобы закончить эту часть нашего изслѣдованія, мы должны понять послѣдовательное пробужденіе проводниковъ сознанія,

---

*) Ментальномъ.

**) Откровеніе Св. Іоанна, гл. III, 12.

приведеніе ихъ одного за другимъ въ состояніе дѣятельное, чтобы они могли служить приведенными въ созвучіе инструментами человѣческой души. Мы видѣли, что съ самаго начала своей отдѣльной жизни Мыслитель обладалъ оболочками изъ ментальной, астральной и плотной физической матеріи. Всѣ онѣ составляютъ передаточную среду, черезъ которую его жизнь устремляется наружу, какъ бы „мостъ“ для человѣческаго сознанія, по которому всѣ внушенія Мыслителя могутъ достигать до плотнаго физическаго тѣла, и, съ другой стороны, всѣ импульсы отъ внѣшняго міра могутъ достигать до Мыслителя.

Но эта обычная работа различныхъ оболочекъ какъ частей совокупнаго цѣлаго совершенно иное дѣло, чѣмъ пробужденіе проводниковъ, когда для каждаго изъ нихъ наступаетъ очередь служить самостоятельнымъ проводникомъ для сознанія, въ полной независимости отъ остальныхъ низшихъ проводниковъ, и вотъ это—то пробужденіе проводниковъ сознанія мы и начнемъ теперь разсматривать.

Самый низшій изъ проводниковъ—плотное физическое тѣло должно быть первымъ приведено въ гармоническій порядокъ; для этого мозгъ и нервная система должны быть выработаны настолько, чтобы легко и быстро отзываться на тончайшія вибраціи въ предѣлахъ полной гаммы доступныхъ имъ вибрацій.

На самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія, когда физическое тѣло состояло изъ болѣе грубыхъ матеріаловъ, эта гамма была чрезвычайно ограничена, и физическій органъ мысли былъ въ состояніи отвѣчать лишь на самыя низкія вибраціи, посылаемыя Мыслителемъ. Оно способно отвѣчать несравненно легче, что и вполнѣ естественно, на прикосновенія внѣшняго міра, идущія отъ объектовъ, сходныхъ съ нимъ по матеріалу, изъ котораго они построены. Его пробужденіе, какъ проводника сознанія, состоитъ въ усиленіи его отзывчивости на вибраціи, возникающія внутри; быстрота этого пробужденія зависитъ отъ согласнаго сотрудничества низшей природы съ высшей, отъ ея полнаго и добровольнаго подчиненія своему внутреннему повелителю. Когда, послѣ многихъ и многихъ жизненныхъ цикловъ, надъ низшей природой человѣка занимается заря сознанія, то ему ясно, что она существуетъ только ради его безсмертной души, что вся ея цѣнность въ зависимости отъ помощи, которую она можетъ принести его душѣ, и что безсмертія она можетъ достигнуть лишь при условіи ея сліянія съ душою: тогда ея эволюція начнетъ подвигаться гигантскими шагами. До этой ступени физическая эволюція была безсознательна;

прежде всего, удовлетвореніе низшей природы было цѣлью жизни, и пока это было необходимо для того, чтобы вызвать къ жизни силы Мыслителя, этотъ періодъ чисто внѣшней дѣятельности не содѣйствовалъ непосредственно тому, чтобы превратить физическое тѣло въ проводникъ сознанія. Непосредственное воздѣйствіе на физическій мозгъ начинается лишь тогда, когда центромъ человѣческой дѣятельности становится ментальное тѣло и когда мысль начинаетъ господствовать надъ ощущеніями. Упражненіе ментальныхъ силъ вліяетъ на мозгъ и на нервную систему, и наиболѣе грубые матеріалы извлекаются постепенно для того, чтобы дать мѣсто болѣе тонкимъ, которые были бы въ состояніи вибрировать въ созвучіи съ вибраціями мысли, достигающими до нихъ. Мозгъ становится все утонченнѣе въ своемъ строеніи и все болѣе увеличивается благодаря заворачиваніямъ, все болѣе сложнымъ, своей поверхности, образующей покровъ нервной матеріи, приспособленной для отвѣта на вибраціи мысли. Нервная система становится тоньше уравновѣшенной, болѣе чувствительной, живѣе отвѣчающей на каждое дрожаніе ментальныхъ силъ. А когда приходитъ сознаніе, что ея назначеніе быть орудіемъ души, о чемъ сказано выше, тогда наступаетъ активное содѣйствіе со стороны самой личности: она начинаетъ сознательно дисциплинировать себя и ставить вѣчные интересы безсмертной индивидуальности выше своихъ собственныхъ временныхъ удовлетвореній. Она посвящаетъ время, которое могло бы быть употреблено на преслѣдованіе низшихъ наслажденій, для развитія ментальныхъ силъ; выростаетъ привычка къ серьезной мысли, мозгъ начинаетъ охотнѣе воспринимать воздѣйствія изнутри, нежели извнѣ, онъ пріучается отвѣчать на послѣдовательное мышленіе и сдерживать возникновеніе разрозненныхъ образовъ, созданныхъ впечатлѣніями прошлаго. Онъ пріучается оставаться въ покоѣ, когда работа его не нужна хозяину, когда отъ него требуется отвѣчать, а не создавать новыя вибраціи*). Далѣе начнетъ появляться извѣстная степень разборчивости и осмотрительности относительно пищевыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ строится мозгъ. Употребленіе грубой пищи, каково мясо и кровь животныхъ и алкоголь, должно быть оставлено, чтобы чистая пища могла строить чистое тѣло.

---

*) Одинъ изъ признаковъ, что эта цѣль достигнута, состоитъ въ прекращеніи безпорядочнаго смѣшенія разрозненныхъ образовъ, которые во время сна вызываются безконтрольной работой физическаго мозга. Когда мозгъ вполнѣ подчиненъ контролю, этотъ родъ сновидѣній бываетъ очень рѣдко.

Постепенно грубыя вибраціи перестаютъ находить матеріалы, способные отвѣчать на нихъ, и физическое тѣло становится все болѣе и болѣе проводникомъ сознанія, тонко-отзывчивымъ на всѣ вибраціи мысли и остро-чувствующимъ все идущее отъ Мыслителя. Эфирный двойникъ въ такой тѣсной связи съ физическимъ тѣломъ, что излишне изучать отдѣльно способы его очищенія и утонченія. Въ нормальномъ состояніи эфирное тѣло не представляетъ изъ себя отдѣльнаго проводника сознанія; оно работаетъ одновременно съ своимъ плотнымъ двойникомъ, а когда оно отдѣляется отъ послѣдняго при смерти, оно отвѣчаетъ весьма слабо на вибраціи, возникающія внутри.

И дѣйствительно, его дѣятельность состоитъ не въ томъ, чтобы служить проводникомъ умственнаго сознанія, но проводникомъ „праны", индивидуализированной жизне-силы, вслѣдствіе чего удаленіе его изъ плотныхъ частей человѣческаго тѣла, которымъ оно доставляетъ жизненные токи, отзывается крайне вредно и можетъ вызвать опасныя послѣдствія.

Астральное тѣло является вторымъ проводникомъ сознанія, которое необходимо пробудить и подвергнуть сознательному развитію, и мы уже видѣли тѣ перемѣны, черезъ которыя оно проходитъ по мѣрѣ того, какъ организуется для предстоящей ему дѣятельности *). Когда оно вполнѣ организовано, сознаніе, заключенное въ немъ—во время сна, когда астральное тѣло покидаетъ физическое и носится въ астральномъ мірѣ—начинаетъ не только получать черезъ него впечатлѣнія объ астральныхъ объектахъ (что и составляетъ сознаніе спящаго человѣка), но и познавать астральные объекты черезъ посредство астральныхъ чувствъ, т. е. соединять полученныя впечатлѣнія съ объектами, вызвавшими эти впечатлѣнія. Въ началѣ эти впечатлѣнія смутны, совершенно такъ же, какъ первыя впечатлѣнія, воспринятыя новымъ физическимъ тѣломъ младенца: и въ томъ и въ другомъ случаѣ они должны пройти черезъ продолжительный опытъ, чтобы стать вполнѣ ясными и правильными. Мыслитель долженъ постепенно открывать новыя силы, которыя этотъ болѣе тонкій проводникъ предоставляетъ въ его распоряженіе и благодаря которымъ онъ можетъ владѣть астральными элементами и защищать себя отъ астральныхъ опасностей. Къ тому же онъ не остается одинокимъ въ этомъ новомъ мірѣ: онъ получаетъ указанія и—пока онъ не въ состояніи самъ защитить себя—и защиту отъ тѣхъ, которые

*) См. гл. II, „Астральная сфера".

болѣе опытны въ жизни астральнаго міра. Постепенно новый проводникъ сознанія поступаетъ вполнѣ во власть Мыслителя, и тогда жизнь въ астральной сферѣ является для него такой же естественной и знакомой, какъ и въ физической средѣ.

Третій проводникъ сознанія—ментальное тѣло—рѣдко или скорѣй никогда не пробуждается для независимой дѣятельности безъ непосредственныхъ указаній учителя. Такимъ образомъ на настоящей ступени человѣческой эволюціи независимая дѣятельность ментальнаго тѣла доступна только для ученика (чела) *). Какъ мы уже видѣли, тѣло это перестраивается для отдѣльной, независимой дѣятельности **) въ ментальной сферѣ, и здѣсь опять необходимы опытъ и подготовка прежде, чѣмъ оно въ состояніи вполнѣ подчиниться своему хозяину. Особенность, общая для всѣхъ трехъ проводниковъ сознанія, но менѣе очевидная для двухъ тонкихъ проводниковъ сознанія, чѣмъ для плотнаго физическаго, состоитъ въ томъ, что всѣ три подлежатъ эволюціи, и что по мѣрѣ развитія способность ихъ отсылать вибраціи и отвѣчать на нихъ все увеличивается. Мы знаемъ, какъ много оттѣнковъ одного и того же цвѣта видимо для воспитаннаго, подготовленнаго глаза въ сравненіи съ глазомъ невоспитаннымъ, и какъ много оберътоновъ слышитъ развитое ухо, тогда какъ для неразвитаго раздается одна только основная нота. По мѣрѣ того, какъ физическія чувства все болѣе обостряются, міръ становится для насъ все полнѣе и полнѣе, и тамъ, гдѣ крестьянинъ сознаетъ только свою борозду и свой плугъ, высоко-культурный умъ воспринимаетъ и вьющійся по изгороди цвѣтокъ, и трепетныя осины, и льющуюся съ небесъ мелодію жаворонка, и шорохъ птичьихъ крыльевъ въ ближайшемъ лѣсу, и испуганное бѣгство кроликовъ подъ кудрявую листву папоротниковъ, и игры бѣлокъ въ вѣтвяхъ буковыхъ деревьевъ, и всѣ граціозныя движенія маленькихъ звѣрьковъ, всѣ благоухающіе запахи полей и лѣсовъ, всѣ измѣнчивыя освѣщенія испещреннаго облаками неба, всѣ передвигающіяся тѣни на холмахъ. Оба—и крестьянинъ и культурный человѣкъ имѣютъ глаза, оба имѣютъ мозгъ, но какая разница въ силѣ наблюденія, въ способности воспринимать впечатлѣнія! То же самое относится и къ потустороннимъ мірамъ. Когда астральное и ментальное тѣла только еще начинаютъ дѣйствовать какъ отдѣльные проводники сознанія, они не превышаютъ способности воспріятія

*) См. гл. XI, „Восхожденіе человѣка“.
**) См. гл. IV, „Ментальная сфера“.

крестьянина, и только отрывки изъ астральнаго и ментальнаго міровъ съ ихъ странными, призрачными явленіями достигаютъ до сознанія человѣка, но, дальнѣйшее развитіе идетъ быстро, они охватываютъ все большее количество явленій и передаютъ сознанію все болѣе точныя отраженія окружающей среды. Здѣсь, какъ и вездѣ, мы должны помнить, что наши знанія не представляютъ собой истинной границы силъ Природы, и что въ потусторонних мірахъ мы бываемъ такими же младенцами, какъ и въ физическомъ мірѣ—младенцами, собирающими раковины, выброшенныя приливомъ, тогда какъ сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ океана, остаются недоступными для насъ.

Пер. **Е. П.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



ИЗРЕЧЕНІЯ ИЗЪ ЛАО-ТСЕ.

Тотъ, чья вѣра слаба, не можетъ и въ другихъ возбудить вѣры.

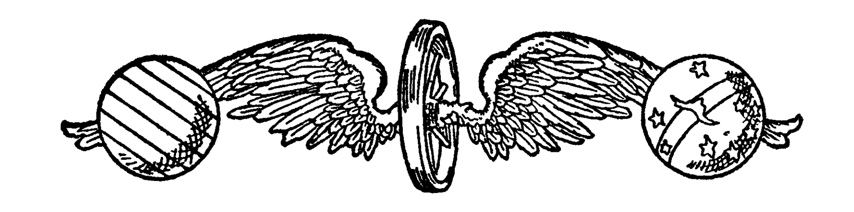
Разумъ, который можно уразумѣть, не есть вѣчный разумъ. Имя, которое можно назвать, не есть вѣчное имя.

Есть Существо, содержащее въ себѣ все, и которое предшествуетъ существованію неба и земли; оно спокойно; оно безтѣлесно; свойства его называютъ разумомъ. Если нужно назвать Его, я называю Его Великимъ, Непостижимымъ, Удаленнымъ и Возвращающимся.

Святой мужъ заботится о внутреннемъ, а не о внѣшнемъ; онъ пренебрегаетъ внѣшнимъ, а избираетъ внутреннее.

Самое могущественное въ мірѣ то, что не видно, не слышно и не осязаемо.

Нѣтъ грѣха тяжелѣй страстей. Нѣтъ бѣды больше неудовлетворенія. Нѣтъ преступленія тяжелѣе жадности. Вотъ почему человѣкъ, свободный отъ страстей, всегда бываетъ доволенъ.



Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра **Р. Штейнеръ.**

Глава IX *).

О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ посвященія.

Когда у человѣка началось развитіе эфирнаго тѣла, какъ это описывалось въ предыдущей главѣ, то для него отверзается новая жизнь. И при помощи оккультнаго обученія онъ долженъ, въ опредѣленное время, получить наставленія, которыя помогутъ ему оріентироваться въ этой новой жизни. Напримѣръ, благодаря шестнадцатилепестному цвѣтку лотоса, онъ можетъ видѣть образы высшаго міра. Но онъ долженъ при этомъ непремѣнно уяснить себѣ какъ различны эти образы, смотря по тому, отъ *какихъ* предметовъ или существъ они происходятъ. На нѣкоторые изъ этихъ образовъ онъ можетъ оказывать сильное вліяніе своими собственными мыслями и ощущеніями, на другіе же совсѣмъ не можетъ, или въ самой слабой степени. Въ особенности образы, происходящіе отъ минераловъ или отъ искусственно сдѣланныхъ предметовъ, имѣютъ свойство мѣняться подъ вліяніемъ мысли или чувства, съ которыми къ нимъ относится наблюдающій ихъ. Въ меньшей степени это вліяніе возможно относительно образовъ, происходящихъ отъ растеній, и еще въ меньшей относительно образовъ, соотвѣтствующихъ животнымъ. И эти образы подвижны и исполнены жизни, но эта подвижность зависитъ только отчасти отъ вліянія человѣческитъ мыслей и ощущеній; рядомъ съ этимъ она обусловливается и причинами, на которыя человѣкъ не имѣетъ никакого вліянія. Есть въ этомъ мірѣ образовъ и такія формы,

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1908 г., № 12, стр. 17.

которыя почти совершенно изъяты изъ круга вліянія человѣка. Ученикъ можетъ убѣдиться, что эти образы происходятъ отъ минераловъ или искусственныхъ предметовъ, и не отъ растеній или животныхъ. Чтобы достигнуть совершенной ясности въ этой области, онъ долженъ начать свои наблюденія съ образовъ, относительно которыхъ онъ вполнѣ увѣренъ, что они произошли отъ чувствъ, стремленій, страстей и т. п. другихъ людей. Но и на эти образы его собственныя мысли и ощущенія все еще не могутъ оказывать нѣкоторое, хотя сравнительно и слабое, вліяніе. Но среди этого міра образовъ есть такіе, на которые его вліяніе совсѣмъ не дѣйствуетъ. Природу этихъ неподдающихся его вліянію образовъ ученикъ можетъ себѣ объяснить, только наблюдая *самого себя.* И тогда онъ найдетъ, что именно эти образы сотворены имъ самимъ. Все, что самъ онъ дѣлаетъ, хочетъ, желаетъ и т. д., находитъ себѣ выраженіе въ этихъ образахъ. Стремленіе, живущее въ немъ, зародившееся вожделѣніе, намѣреніе,—все это предстанетъ передъ нимъ въ образахъ. И даже весь его характеръ предстанетъ передъ нимъ въ этомъ мірѣ образовъ. Такимъ образомъ, ученикъ своими сознательными мыслями и чувствами можетъ оказывать вліяніе на всѣ образы, *не* исходящіе отъ него самого; на всѣ же формы, которыя онъ самъ вызываетъ въ высшемъ мірѣ, онъ не имѣетъ болѣе вліянія послѣ того, какъ онѣ уже создались черезъ него.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что когда раскроется высшее зрѣніе, внутреннее содержаніе человѣка, его собственныя стремленія, вожделѣнія и представленія проявляются передъ нимъ точно такъ же *во внѣшнихъ* формахъ, какъ и другіе предметы и существа. Для высшаго познаванія внутренній міръ становится частью, продолженіемъ міра внѣшняго. Какъ въ физическомъ мірѣ, окруживъ себя со всѣхъ сторонъ зеркалами, будешь видѣть свой физическій образъ со всѣхъ сторонъ, такъ же и въ высшемъ мірѣ вся душевная сущность человѣка выступаетъ передъ нимъ какъ бы отраженная со всѣхъ сторонъ въ зеркалѣ.

На этой ступени развитія для оккультическаго ученика наступаетъ моментъ побѣды надъ „иллюзіей своего *личнаго* Я", какъ это принято выражать въ теософическихъ книгахъ. Теперь онъ можетъ содержимое своей личности разсматривать какъ нѣчто внѣшнее, какъ прежде онъ разсматривалъ внѣшній міръ, дѣйствовавшій на его чувства. И постепенно онъ научается, благодаря опыту, относиться къ себѣ такъ, какъ онъ ранѣе относился къ окружающимъ существамъ.

Если бы у человѣка внутреннее зрѣніе открылось ранѣе, чѣмъ онъ надлежащимъ образомъ подготовился къ воспріятію сущности высшихъ міровъ, то прежде всего онъ остановился бы передъ картиной своей собственной души, какъ передъ загадкой. Тамъ образы его собственныхъ влеченій и страстей выступаютъ передъ нимъ въ животныхъ формахъ, рѣже—въ человѣческихъ. Хотя животныя формы этого міра никогда не походятъ вполнѣ на соотвѣтствующія имъ формы міра физическаго, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ съ ними нѣкоторое сходство. Неопытному наблюдателю онѣ могутъ показаться одинаковыми. При вступленіи въ этотъ міръ нужно усвоить совершенно новый способъ сужденія, ибо не взирая на то, что, принадлежа еще къ внутреннему міру человѣка, является для него внѣшнимъ, она, кромѣ того, представляетъ собою какъ бы зеркальное отраженіе своего дѣйствительнаго вида. Если, напримѣръ, тамъ увидишь число, то его надо читать обратно (какъ отраженіе въ зеркалѣ); 265 будетъ въ дѣйствительности обозначать 562. Шаръ будетъ видимъ такъ, какъ будто находишься въ его центрѣ. Нужно сначала научиться переводить видимое внутреннему взору надлежащимъ образомъ. Но и душевныя свойства являются также какъ бы отраженными въ зеркалѣ. Желаніе, касающееся чего-либо внѣшняго, выступаетъ въ видѣ образа, двигающагося къ тому, кто это желаніе испытываетъ. Страсти, пребывающія въ низшей природѣ человѣка, могутъ принимать животныя формы, или сходныя съ ними, кидающіяся на самого человѣка. Въ дѣйствительности эти страсти стремятся отъ него наружу; онѣ ищутъ предмета для своего удовлетворенія во внѣшнемъ мірѣ. Но это исканіе внѣ себя является въ *отраженномъ образѣ*, какъ бы нападающимъ на того, кто одержимъ страстью.

Когда ученикъ, прежде чѣмъ онъ поднимется до высшаго созерцанія, спокойнымъ и точнымъ самонаблюденіемъ познаетъ свои собственныя свойства, для него наступитъ моментъ, когда его внутреннее выступитъ въ видѣ внѣшняго отраженнаго образа, и тогда онъ долженъ найти мужество и силу, чтобы правильно отнестись къ этому явленію. Люди, недостаточно познавшіе свое внутреннее при помощи такого самоиспытанія, не узнаютъ *себя* въ своемъ собственномъ отраженномъ образѣ и сочтутъ его за чуждую дѣйствительность. Они отнесутся боязливо къ видѣнному и будутъ увѣрять себя, что все это только продуктъ фантазіи и ни къ чему не ведетъ. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ роковымъ образомъ задержитъ свое собственное высшее развитіе, благодаря

своему вступленію на высшую ступень эволюціи въ недостаточно зрѣломъ состояніи.

Совершенно необходимо, чтобы ученикъ прошелъ черезъ духовное самонаблюденіе, прежде чѣмъ онъ проникнетъ въ высшее, ибо въ своемъ собственномъ Я онъ имѣетъ передъ собой ту духовно-душевную дѣйствительность, которая болѣе всего другого подлежитъ его сужденію, болѣе всего доступна ему. Если онъ предварительно пріобрѣлъ достаточное познаніе своей личности въ мірѣ физическомъ и навстрѣчу ему выступаетъ отраженный *образъ* этой личности въ высшемъ мірѣ, тогда онъ можетъ сравнивать оба образа. Отраженное въ высшемъ мірѣ онъ можетъ отнести къ знакомому ему свойству своей земной личности, и такимъ образомъ онъ будетъ стоять на твердой почвѣ. Если бы вмѣсто того ему встрѣтились другія духовныя сущности, онъ не могъ бы сдѣлать заключенія о ихъ природѣ и свойствахъ. Онъ скоро почувствовалъ бы, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ. Поэтому не можетъ быть достаточно сильно подчеркнуто, что правильный доступъ къ высшимъ мірамъ идетъ черезъ самопознаніе и вѣрное сужденіе о своей собственной сущности.

И такъ *образы* встрѣчаетъ человѣкъ прежде всего на своемъ пути къ высшему міру; ибо дѣйствительность, соотвѣтствующая этимъ образамъ, *пребываетъ въ немъ самомъ*. Поэтому, ученикъ долженъ быть настолько духовно зрѣлымъ, чтобы на этой первой ступени не требовать грубыхъ реальностей, а довольствоваться упомянутыми образами. И тогда *внутри* этого міра образовъ онъ быстро научится познавать нѣчто совершенно новое. Его *низшее Я* предстанетъ передъ нимъ, какъ отраженное въ зеркалѣ, но среди этого отраженія появится и истинная дѣйствительность *высшаго Я*. Изъ образа низшей личности станетъ видимымъ и образъ *духовнаго Я*. И лишь изъ послѣдняго протягиваются нити къ другимъ высшимъ, духовнымъ дѣйствительностямъ. Послѣ этого настанетъ время для дѣятельнаго проявленія двулепестнаго цвѣтка лотоса, находящагося въ области глазъ. Если онъ приходитъ въ движеніе, тогда является возможность привести свое высшее Я въ связь съ высшими духовными сущностями. Потоки, исходящіе изъ этого „цвѣтка", направляются къ высшимъ реальностямъ такъ, что ученикъ воспринимаетъ ихъ движеніе вполнѣ сознательно. Какъ свѣтъ дѣлаетъ физическіе предметы видимыми для глаза, также и эти потоки дѣлаютъ видимыми духовныя явленія высшихъ міровъ.

Благодаря погруженію въ совершенно опредѣленныя представленія, которыя учитель и сообщаетъ ученику въ индивидуаль-

номъ общеніи, послѣдній научается приводить въ движеніе двухлепестный цвѣтокъ лотоса и направлять его движенія.

Здоровая сила сужденія, ясные логическіе навыки сказываются особенно сильно на этой ступени развитія. Нужно не забывать, что на этой ступени высшее Я, дремавшее до этихъ поръ въ человѣкѣ какъ безсознательный зародышъ, рождается для сознательнаго бытія. Не только въ образномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ это есть *рожденіе* въ духовномъ мірѣ. И рожденное существо, высшее Я, чтобы быть жизнеспособнымъ, должно войти въ міръ со всѣми необходимыми органами и свойствами. Какъ природа должна позаботиться о томъ, чтобы дитя родилось съ хорошо развитыми ушами и глазами, такъ же должны и законы саморазвитія человѣка содѣйствовать появленію его высшаго Я въ бытіе съ необходимыми для этого способностями. И эти законы, которые сами обезпечиваютъ развитіе высшихъ органовъ духа,—не что иное, какъ тѣ же здоровые законы разума и морали, которые дѣйствуютъ и въ физическомъ мірѣ. Какъ дитя зрѣетъ въ материнскомъ лонѣ, такъ и въ физическомъ Я зрѣетъ духовный человѣкъ. Здоровье младенца зависитъ отъ нормальной дѣятельности естественныхъ законовъ внутри материнскаго лона. Здоровье духовнаго человѣка обусловливается подобнымъ же образомъ законами обыкновеннаго разума и дѣйствующаго въ физической жизни разсудка. Никто не можетъ родить здоровое высшее Я, кто въ физическомъ мірѣ живетъ и мыслитъ нездраво. Жизнь, сообразная съ природой и разумомъ, есть основаніе всякаго истиннаго духовнаго развитія. Какъ дитя уже въ лонѣ матери живетъ сообразно съ силами природы, которыя послѣ рожденія воспринимаются его органами чувствъ, такъ и высшее Я человѣка живетъ по законамъ духовнаго міра во время своего физическаго бытія. И какъ дитя изъ смутнаго стремленія къ жизни способно усваивать себѣ соотвѣтствующія силы, такъ же и ученикъ способенъ усваивать силы высшаго міра, прежде чѣмъ родится его высшее Я. И это необходимо, если человѣкъ хочетъ, чтобы оно появилось на свѣтѣ вполнѣ развитымъ. Было бы неправильно, если бы кто-нибудь сказалъ: я не могу принять ученія мистиковъ и теософовъ прежде, чѣмъ самъ не увижу то, что они говорятъ, ибо при этомъ условіи человѣкъ не могъ бы достигнуть вообще ни до какого истиннаго высшаго познанія. Онъ былъ бы въ положеніи младенца въ утробѣ матери, который отказывался бы отъ силъ, притекающихъ къ нему отъ матери, и захотѣлъ бы ждать, пока самъ онъ не сможетъ овладѣть ими. Какъ зародышъ въ

своемъ стремленіи къ жизни признаетъ пригодность того, что даруется ему, то же относится и къ невидящему еще ученику, который воспринимаетъ истину ученій мистиковъ и теософовъ. Существуетъ проникновеніе въ эти ученія, основанное на чувствѣ правды и на ясномъ, здравомъ, всесторонне обсуждающемъ разумѣ даже и тогда, когда духовный міръ остается еще невидимымъ. Сначала нужно пріобрѣсти мистическія познанія и подготовить себя къ способности видѣть въ высшихъ мірахъ. Иначе, если бы человѣкъ могъ уже видѣть, не подготовившись заранѣе, онъ уподобился бы ребенку съ глазами и ушами, но безъ мозга. Передъ нимъ разстилался бы цѣлый міръ звуковъ и красокъ, но онъ не могъ бы ничего извлечь изъ этого міра. Слѣдовательно, все духовное, что ученику выяснилось заранѣе, благодаря его чувству правды, благодаря работѣ разсудка и разума, все это на описанной ступени становится его *собственнымъ переживаніемъ.* Здѣсь онъ получаетъ непосредственное знаніе своего высшаго Я. И онъ познаетъ, что это высшее Я находится въ связи съ духовными сущностями высшаго порядка и образуетъ съ ними единство. Онъ видитъ также, какъ низшее Я возникаетъ изъ высшаго міра, и это показываетъ ему, что его высшая природа переживаетъ низшую. Теперь онъ можетъ уже самъ различать свою преходящую личность отъ непреходящаго. И это означаетъ не что иное, какъ то, что онъ доходитъ до пониманія ученія *о воплощеніи* (инкарнаціи) высшаго Я въ низшее своимъ собственнымъ познаваніемъ. Теперь ему становится яснымъ, что онъ находится внутри высшаго духовнаго взаимодѣйствія, что всѣ его качества и всѣ его судьбы вызваны именно этимъ взаимодѣйствіемъ. Онъ учится познавать *законъ своей жизни,* свою *карму.* Онъ видитъ, что его низшее я, какимъ оно въ настоящее время проявляетъ свое бытіе, только одна изъ формъ, въ какія облекается его высшее существо. И онъ убѣждается въ возможности, исходя изъ своего высшаго Я, работать надъ собой, чтобы становиться все совершеннѣе и совершеннѣе. И лишь теперь можетъ онъ убѣдиться въ огромности различія ступеней человѣческаго совершенства. Онъ видитъ, что есть люди, стоящіе надъ нимъ, уже достигшіе ступеней, которыя еще лежатъ передъ нимъ; и онъ видитъ, что ученія и дѣйствія такихъ людей происходятъ вслѣдствіе внушенія изъ высшихъ міровъ. Этимъ онъ обязанъ своему первому самостоятельному проникновенію въ эти высшіе міры. Теперь для него начинаетъ становиться дѣйствительнымъ фактомъ существованіе „Учителей Мудрости“, „великихъ Посвященныхъ человѣчества“.

Таковы дары, которые ученикъ получаетъ на этой ступени своего развитія: проникновеніе въ высшее „Я“, въ ученіе о воплощеніи этого высшаго Я въ низшее, проникновеніе въ законъ, по которому жизнь въ физическомъ мірѣ управляется духовными взаимодѣйствіями—закономъ кармы—и, наконецъ, въ существованіе великихъ Посвященныхъ.

По этому, объ ученикѣ, достигшемъ этой ступени, говорятъ, что для него совершенно исчезло *сомнѣніе.* Если ранѣе онъ достигъ вѣры, построенной на основахъ разума и здраваго мышленія, то теперь на мѣсто этой вѣры выступаетъ полное *знаніе* и ничѣмъ непоколебимая убѣжденность.

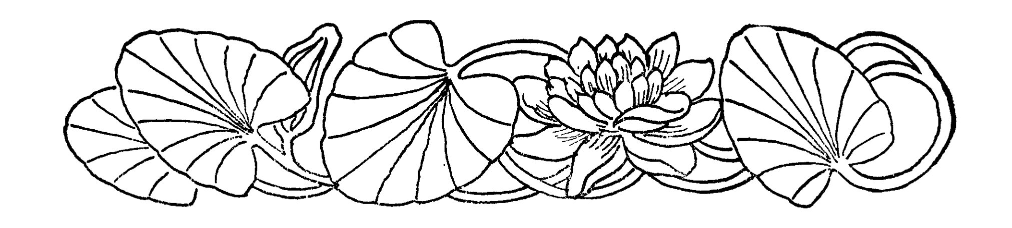
Религіи въ своихъ церемоніяхъ, таинствахъ и ритуалахъ даютъ внѣшнія отраженія высшихъ духовныхъ событій и явленій. Только тотъ, кто еще не проникъ въ глубины великихъ религій, не знаетъ этого. Но кто самъ вникаетъ въ духовную дѣйствительность, тотъ пойметъ все великое значеніе этихъ внѣшне видимыхъ дѣйствій. И тогда для него самая религіозная служба будетъ отраженіемъ его общенія съ высшимъ духовнымъ міромъ. Въ теософической литературѣ встрѣчается выраженіе, хотя можетъ быть и не совсѣмъ точное, что ученикъ на этой ступени „свободенъ отъ суевѣрія“. Въ сущности, суевѣріе и есть пристрастіе къ внѣшнимъ, черезъ чувства познаваемымъ дѣйствіямъ, безъ вниканія въ ту духовную дѣйствительность, которая выражается въ нихъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, какимъ образомъ ученикъ, достигнувъ этой ступени, становится дѣйствительно новымъ человѣкомъ. Теперь онъ можетъ постепенно добиваться того, чтобы посредствомъ токовъ, исходящихъ изъ его эфирнаго тѣла, управлять высшимъ элементомъ жизни, такъ, называемымъ „огнемъ Кундалини“; благодаря это́му онъ можетъ достигнуть высокой степени свободы отъ своего физическаго тѣла. Объ этомъ въ слѣдующихъ главахъ.

Пер. **В. Лалетинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





„Иранъягарба“.

(Гимнъ въ честь Брамы индусскаго поэта Вальмики).

Иранъягарба—золотымъ чревомъ рожденному *).

1. Ночь Брамы кончается, хаосъ достигаетъ предѣловъ своихъ и изъ золотого яйца изойдетъ вѣчная мысль того, который самъ въ себѣ живетъ и во тьмѣ покоился.

2. О *Браматма*—духъ божественный, недоступный чувствамъ нашимъ, никѣмъ не постигнутый, одной лишь душой ощущаемый, все живое одухотворяющій! О высшая мудрость, правящая пространствомъ и всѣми мірами—прояви величіе свое, открой намъ тайну покоя твоего и движенія, скажи—откуда небытіе и откуда созданіе?

3. О лучезарное свѣтило, сѣющее жизнь и свѣтъ въ даль безконечныхъ пространствъ, о вѣчная, неуловимая причина сущаго, о безсмертный источникъ, всему начало дающій и все въ себя претворяющій! О *Пуруша* **) божественный! Я, какъ буйволъ блуждающій по берегамъ рѣки на склонѣ бурнаго дня—жажду познать тебя и вознести тебѣ желанія свои.

4. О *Нарайяна*—духъ надъ водами носящійся,—чистѣйшая сущность, мудрый разумъ, непреклонная воля! Въ какой часъ ночей твоихъ произошло природы зачатіе, какой силой населилъ ты хаосъ, освѣтилъ мірозданье и создалъ жизнь?

5. Какою радостью исполнилось сердце твое, какая слава для мощи твоей, когда на утрѣ дней единой силой твоей мысли взошло надъ мірами это свѣтозарное солнце, освѣщая воздухъ, земли и необозримый океанъ!

---

*) Гимнъ въ честь Брамы написанъ поэтомъ-аскетомъ *Вальмики* за 2000 лѣтъ до Рождества Христова.

**) Отецъ Небесный.

6. Потомъ отовсюду пробились сквозь землю деревья, цвѣты и растенія, воды населились рыбами, земля и воздухъ различными тварями—и родился человѣкъ, надѣленный частицей твоей мудрости,—и ты ввергъ его, какъ отпрыскъ божества, въ пространство, чтобъ онъ радовался твоему творенію и помнилъ о тебѣ.

7. Ты далъ человѣку *аханкару*—совѣсть, высшую властительницу мыслей нашихъ, которая, какъ голосъ небесный, какъ внутренній свѣтъ, указуетъ намъ на добро и на зло—въ одномъ полагая награду, въ другомъ—наказаніе. И ты далъ человѣку *будхи*—разумъ, изъ котораго возникаютъ пять основъ внѣшняго воспріятія.

8. И еще ты далъ ему волю, потому что только отъ воли одной можетъ возникнуть дѣйствіе—независимое и свободное, и изъ независимаго и свободнаго дѣйствія вытекаетъ справедливость, награждая одно, наказуя другое.

9. И едва лишь человѣкъ появился, какъ онъ почувствовалъ въ себѣ горячее желаніе вновь до тебя подняться, исчезнуть въ великой Душѣ и, подобно затерявшемуся небесному лучу, онъ стремится къ сліянію съ безсмертнымъ источникомъ, его породившимъ.

10. Прошло четырнадцать божественныхъ періодовъ, земля уже вскормила тысячи тысячъ людскихъ поколѣній; каждое мгновеніе Великое *Все* пріемлетъ въ себя души праведныхъ, подобно рѣкамъ, исчезающимъ въ океанѣ.

11. Человѣкъ состарился, не переставая надѣяться и вѣрить въ тебя. О Дзеусъ! разсѣй тьму, тебя окружающую, молчаніе жизни ужасаетъ меня. Я, какъ путникъ, затерянный среди пустынныхъ песковъ, какъ рыбакъ среди волнъ заблудившійся—я молю о каплѣ воды, я стремлюсь къ берегамъ—дай мнѣ познать тебя!

12. Я строго соблюлъ святые завѣты, я удалился въ лѣса, давно уже кожа моя покрыта морщинами и волосы мои побѣлѣли, и я побѣдилъ свои чувства и утратилъ воспоминаніе о сынахъ сыновъ своихъ.

13. Я отдалъ все, что имѣлъ, я отказался отъ всего любимаго и, унося священный огонь и жертвенные сосуды, я удалился отъ населенныхъ мѣстъ, чтобы ничто не отклоняло мысли моей отъ созерцанія тебя.

14. Я запустилъ бороду и ногти и шерсть тѣла моего, и выбрита голова моя, и я ѣмъ только чистыя зерна, которыми пи-

таются *ванапраста* и *муни* *), и никогда солнце—ни восходя, ни близясь къ закату—не видало меня засыпающимъ.

15. У меня только посохъ мой и кувшинъ, мои одежды изъ древесной коры, и ежедневно я совершаю предписанныя омовенія, произнося священное слово *Савитри* **)—*ом*—таинственный слогъ.

16. Въ первый часъ дня я размѣщаю священный огонь сообразно завѣтамъ *ватана* и на алтарѣ, окруженномъ зелеными плодами, я возношу Богу и всему сотворенному жертву *Сарвамеда*, и жертвой мнѣ служитъ самъ Кришна.

17. И тѣло мое чуждо земному, и разумъ мой къ небу стремится въ думахъ о часѣ свободы, и я размышляю надъ Ведой — божественнымъ словомъ Господа силъ—надъ откровеніемъ, сотворенному даннымъ.

18. Какъ древесный стволъ, уносимый съ берега, не заботится о потокѣ, его подхватившемъ, какъ птица, покидающая гнѣздо свое, не жалѣетъ о вѣткѣ, видавшей ея рожденіе—такъ и я покину свою жалкую оболочку, которая держитъ мой духъ вдали отъ небесъ.

19. О Брама! Съ тѣхъ поръ, какъ я радостно мыслю о тебѣ, не имѣя потребностей, недоступный желаніямъ, одинокій—вдвоемъ только съ мыслью своей, ожидая блаженства небеснаго—съ тѣхъ поръ я ни на шагъ не подвинулся къ большему познанію и къ большей любви къ тебѣ—такъ и дитя въ колыбели славитъ Тебя крикомъ своимъ.

20. А Веда между тѣмъ говоритъ: *„Живите милостыней и подастъ вамъ рука Его; плачьте, и Онъ утѣшитъ васъ; просите, и Онъ услышитъ васъ; погрузитесь въ созерцаніе Его и Онъ откроется вамъ“.*

21. Не молнія ли ты, что блещетъ въ пространствѣ, не громъ ли гремящій по тучамъ, не Гангъ ли, несущій священныя воды, не океанъ ли таинственный? Ты ли великій голосъ, взывающій къ бурямъ на Гималайскихъ вершинахъ?

22. Не бурный ли вѣтеръ ты, не ты-ль поднимаешь пески въ странѣ Мадъядеза, подобно гнѣвнымъ волнамъ? Или ты ночной вѣтерокъ надъ озерами стонущій — тотъ, что шепчетъ въ листвѣ великихъ лѣсовъ, по пути нагибая стебли божественной *кузы*-травы?

---

*) Лѣсные отшельники и посвященные.

**) Заклинаніе, указанное въ книгахъ Веды.

23. Можетъ ты небо, населенное свѣтлыми духами, о которомъ говорятъ мудрецы, какъ о границѣ изгнанія? Можетъ ты необъятный эѳиръ, по которому движутся звѣздные сонмы? Ты ли земля, иль вода, иль огонь все поглощающій? Или ты благотворное солнце?

24. Ты ли Жизнь—источникъ всякой жизни, Душа всѣхъ душъ, основа всѣхъ основъ? Или любовь ты, которая во-едино сливаетъ все сущее—та сила, что охраняетъ, ничтожитъ и вновь созидаетъ? Смерть ли ты, или Небытіе?

25. Я не знаю Тебя, но я знаю, что все только Тобой существуетъ и ничто не живетъ внѣ Тебя. Бытіе твое въ твоей собственной мощи, и пространство, и безконечность, и необъятность, ничто для тебя. Я не знаю тебя, о *Нарайяна*, но я знаю, что ты живешь, что ты всегда былъ, и я довольствуюсь этимъ въ ожиданіи кончины своей, которая будетъ моимъ рожденіемъ въ Тебѣ.

Перевелъ *Ник. Майеръ*.



ИЗРЕЧЕНІЯ ЛАО-ТСЕ.

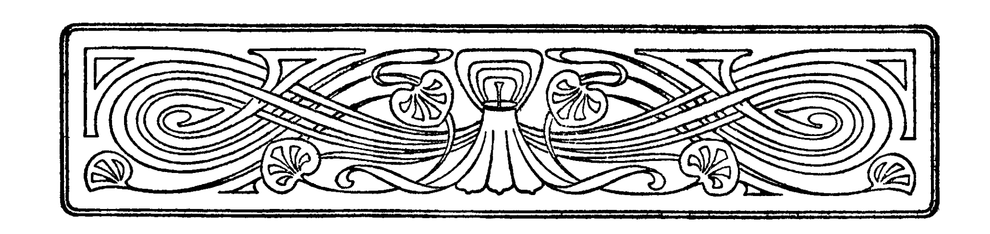
Нѣтъ въ мірѣ ничего нѣжнѣе и уступчивѣе, чѣмъ вода, а между тѣмъ, нападая на жесткое и твердое, ничто не можетъ быть сильнѣе ея. Слабый побѣждаетъ сильнаго. Нѣжный побѣждаетъ жестокаго. Всѣ въ мірѣ знаютъ это, но никто не хочетъ исполнять это.

Знать много и не выставлять себя знающимъ есть нравственная высота. Знать мало и выставлять себя знающимъ есть болѣзнь. Только понимая эту болѣзнь, мы можемъ избавиться отъ нея.

Отвѣчайте добротой на ненависть.

Одна изъ главныхъ обязанностей человѣка состоитъ въ томъ, чтобы заставить свѣтить во всю силу то свѣтлое начало разума, которое мы получаемъ отъ Неба.

(Китайская мудрость).



Энтузіазмъ и фанатизмъ.

(Рѣчь, сказанная на I Всероссійскомъ женскомъ съѣздѣ 11 декабря 1908 г.).

Вѣкъ тому назадъ замѣчательная французская женщина, г-жа де-Сталь, мало понятая въ свое время и почти забытая въ настоящее, пыталась въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій дать этико-религіозное обоснованіе общественнымъ исканіямъ. Восторженно поклоняясь идеалу Братства и Свободы и привѣтствуя борьбу за ихъ осуществленіе, она постоянно указывала на то, что цѣли временныя имѣютъ смыслъ и значеніе лишь какъ средства достиженія цѣлей вѣчныхъ. Въ своемъ сочиненіи „О вліяніи страстей на счастье индивидовъ и народовъ“ (De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations) она указываетъ на пагубное вліяніе страстей, врывающихся въ серьезную соціальную работу, и особенно останавливается на томъ духѣ партійной нетерпимости (l'esprit de parti), при которомъ, по ея мнѣнію, гибнутъ или искажаются самыя благородныя начинанія. Любовь, а не ненависть, должна окрылять общественныхъ дѣятелей,—говоритъ она,—любовь, загорающаяся въ пламени чистаго энтузіазма. Тамъ, гдѣ любовь тускнѣетъ, тамъ гдѣ ее смѣняетъ ненависть, хотя бы и ненависть къ врагамъ добра, энтузіазмъ исчезаетъ и появляется фанатизмъ со всѣми его мрачными спутниками.

Въ настоящее время, когда всѣ мы горимъ желаніемъ перестроить жизнь на новыхъ, лучшихъ началахъ, и когда явилось такъ много различныхъ теченій и партій, намъ, можетъ быть, будетъ небезполезно остановиться на мысляхъ г-жи де-Сталь и проанализировать до конца психологію тѣхъ особыхъ душевныхъ настроеній, которыя намъ извѣстны какъ энтузіазмъ и фанатизмъ.

Ничто такъ часто не смѣшивается, какъ энтузіазмъ и фанатизмъ; между тѣмъ, это двѣ почти несоразмѣрныя величины. Насколько часто встрѣчается фанатизмъ, настолько рѣдко проявляется истинный энтузіазмъ. Слишкомъ часто энтузіазмъ переходитъ въ свою противоположность—фанатизмъ; фанатизмъ же почти никогда не превращается въ чистый энтузіазмъ. Это обстоятельство, можетъ быть, и есть причина того страннаго смѣшенія, которое постоянно происходитъ въ этой области. Люди такъ рѣдко видятъ проявленіе чистой красоты, что они начинаютъ или принимать за нее жалкую каррикатуру, или совершенно отрицаютъ ее. При нашемъ еще слабомъ самопознаніи это совершенно естественно; во многихъ важныхъ явленіяхъ нашей внутренней жизни мы еще совершенно не разбираемся.

Что такое энтузіазмъ? Это Богъ, пребывающій въ насъ (буквальный переводъ съ греческаго), раскрытіе нашей духовности, радостное напряженіе всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ. Духовность же есть признаніе единства всего сущаго, признаніе вѣчной, единой жизни, бьющейся подъ тысячью покрововъ, признаніе столь глубокое, что оно неизбѣжно ведетъ за собой осуществленіе единства и въ самой жизни. Энтузіазмъ, т. е. пламенно настроенная духовность, есть эмоція любовная, въ высшей степени экспансивная, стремящаяся всѣхъ понять и объединить. При встрѣчѣ съ инымъ міропониманіемъ энтузіазмъ силится прійти съ нимъ въ гармонію, сблизиться, найти точки соприкосновенія. Это настроеніе умиротворяющее и объединяющее. Только тѣ движенія, въ которыхъ загорается огонь энтузіазма, имѣютъ силу и значеніе.

Что такое фанатизмъ? Это исключительная приверженность къ данному міровоззрѣнію, преданность, доходящая до враждебнаго отрицанія всего остального. Интересно происхожденіе этого слова. „Фанатиками" называли въ древности служителей при храмахъ (отъ латинскаго слова, означающаго храмъ). Эти служители должны были соблюдать чистоту и выметать соръ храма, но къ мистеріямъ они не допускались и не понимали ихъ значенія. Это не мѣшало имъ очень ревниво относиться къ своимъ обязанностямъ и такъ гордиться ими, что слово „фанатикъ" стало употребляться съ ироніей, для обозначенія совершенно слѣпой приверженности къ какой нибудь идеѣ. Происхожденіе слова много говоритъ и иногда бросаетъ яркій свѣтъ на спорный вопросъ.

Характерная особенность энтузіазма—отсутствіе исключительности, широта; характерная особенность фанатизма—исключительность, узость горизонта. Въ этомъ ихъ основное различіе, которое

всецѣло отражается и на отношеніи къ людямъ и на всемъ настроеніи работы. Если нѣтъ страстной исключительности въ воззрѣніи, то можетъ быть пониманіе и симпатія къ инымъ точкамъ зрѣнія, сочувствіе и близость съ людьми, не раздѣляющими нашихъ воззрѣній. Отсюда постоянное расширеніе внутренней жизни, обогащающейся мыслями и чувствами, свойственными иному душевному складу.

Цѣнный обмѣнъ впечатлѣній и думъ растетъ, а съ нимъ и наша способность воспринимать и понимать самыя разнообразныя настроенія и оттѣнки мысли. Расширяющаяся жизнь приноситъ съ собой радость, которая вызываетъ здоровье, свѣтлое, бодрое настроеніе.

При фанатической исключительности происходитъ обратное явленіе: всякая иная точка зрѣнія дѣлается чуждой, непонятой, обмѣнъ прекращается, и человѣкъ, теряя способность прислушиваться къ чему-либо внѣ себя, совершенно замыкается и уходитъ съ себя. Сближеніе дѣлается возможнымъ только съ тѣми, кто думаетъ совершенно въ унисонъ съ нами. Такимъ образомъ, кругъ пониманія съуживается, а обособляющаяся внутренняя жизнь приноситъ съ собой печаль, которая вызываетъ болѣзненное, мрачное и раздаженное настроеніе. При такомъ настроеніи человѣку кажется, что спасеніе и свѣтъ только на его пути; всѣ, кто не съ нами, противъ насъ.

Но почему важно сохранить гибкость души, которая открываетъ намъ красоту и въ томъ, что чуждо намъ? Можетъ быть, душевная сила, свободно излучающаяся и силящаяся возможно больше обнять своей любовью, могла бы съ большей пользой для дѣла сосредоточиться на одномъ фокусѣ, въ преданности своему воззрѣнію? Фанатикъ не менѣе преданъ своей идеѣ, чѣмъ энтузіастъ. Онъ съ такимъ же безкорыстіемъ готовъ пожертвовать ей всѣмъ, что ему дорого, вплоть до своей жизни и чести, а въ средствахъ достиженія цѣли онъ идетъ гораздо дальше самаго пламеннаго энтузіаста.

Но дѣло не въ одной силѣ, а и въ направленіи и въ гармоническомъ развитіи этой силы.

Воды, принявшія невѣрное направленіе, при съуженіи и углубленіи русла дѣлаются страшной, разрушительной силой, несущей съ собою не жизнь, а гибель и уничтоженіе.

Такъ и несдерживаемыя страсти души, при служеніи любимой идеѣ, могутъ исказить истину и, вмѣсто свѣта, принести жаждущимъ сердцамъ разладъ и муку. Вездѣ, гдѣ гармонія нару-

шается, прекращается и здоровый ростъ и благотворное вліяніе. Нѣжные ростки любви нуждаются въ чистой атмосферѣ, которую ничто не должно омрачать и отравлять. Фанатизмъ есть проявленіе страстной, не гармонически развивающейся внутренней жизни. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ ея мрачные спутники: нетерпимость, недовѣріе, обособленіе. Въ этой нездоровой атмосферѣ цвѣтокъ любви погибаетъ, сближеніе съ братьями окончательно прекращается и преданность идеѣ выливается въ жизни какъ ненависть къ ея врагамъ.

Камертонъ энтузіазма—пламенная любовь; камертонъ фанатизма—столь же пламенная вражда, при которой любовь тускнѣетъ и умираетъ, такъ умираетъ, что дѣлаются возможны костры и застѣнки инквизиціи.

Сила чувства и сила отреченія совершенно одинаковы у энтузіаста и у фанатика, но настроеніе и методы работы такъ же различны, какъ различенъ источникъ, изъ котораго они черпаютъ свое вдохновеніе.

„Любовь на все надѣется, всему вѣритъ и никогда не перестаетъ",—такъ говоритъ сердце, въ которомъ загорѣлся энтузіазмъ.

„Да погибнетъ міръ, но да восторжествуетъ моя идея!"—таковъ крикъ фанатизма.

Энтузіазмъ и фанатизмъ можно сравнить съ любовью очищенной и неочищенной. Какъ при неочищенной личной любви человѣкъ вмѣстѣ со странной нѣжностью къ любимому можетъ испытать ревность, зависть къ другимъ, а также безумное честолюбіе за любимаго, при которомъ все на пути къ осуществленію цѣли вызываетъ раздраженіе и ненависть, такъ и неочищенная, непросвѣтленная любовь къ идеѣ будетъ сопровождаться нечистыми примѣсями совершенно подобныхъ, хотя какъ будто и сверхличныхъ чувствъ. Ничего нѣтъ страшнѣе того, какъ когда человѣкъ, переросшій семейный и національный эгоизмъ, переставшій уже говорить: „Моя семья лучше всѣхъ остальныхъ семей; мой народъ лучше всѣхъ народовъ", начинаетъ говорить: „Моя вѣра выше Вашей. Мой Богъ лучше".

„По плодамъ судите о деревѣ",—сказалъ Іисусъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ вводитъ въ свою любовь элементъ фанатической исключительности, онъ ясно показываетъ, что его любовь смѣшана съ началомъ личнымъ и страстнымъ. Тамъ, гдѣ любовь совершенно одухотворена и очищена, тамъ настроеніе и дѣятельность человѣка проникаются тѣмъ огнемъ единства, которое является основнымъ признакомъ истинной духовности. Вотъ почему всѣ ученія,

которыя имѣютъ будущее, проникнуты духомъ братства. Тамъ, гдѣ нѣтъ братства, нѣтъ и божественнаго огня, тамъ нѣтъ и будущаго. Будущее за тѣмъ, что въ гармоніи съ законами эволюціи. Міровоззрѣніе, на нивѣ котораго стоитъ небольшая еще въ Россіи, но сильно растущая группа теософовъ, утверждаетъ, что въ человѣчествѣ послѣдовательно раскрываются все высшія и высшія начала. Начала чувственное, страстное и интеллектуальное уже раскрылись; въ настоящее время человѣчество переживаетъ великій переломъ и готовится встать на высшую ступень сознанія, на которой суждено раскрыться новому его духовному началу, тому, о которомъ молится Ап. Павелъ въ словахъ: „Молюсь, братья, чтобы рожденный душею вашей Христосъ выросъ до полнаго возраста Христова".

Духовность (родившійся въ душѣ Христосъ) всегда проявляется какъ всеобъединяющая любовь, та чистая и пламенная любовь, при которой нѣтъ мѣста фанатизму, та любовь, которая двигаетъ мірами и творитъ новую жизнь.

Alba.



КИТАЙСКАЯ МУДРОСТЬ.

Если человѣкъ не считаетъ себя призваннымъ къ исполненію посольства, миссіи, онъ не можетъ быть просвященнымъ человѣкомъ.

Мудрый человѣкъ не приписываетъ значенія человѣку за его слова и не пренебрегаетъ словами только потому, что они произнесены ничтожнымъ человѣкомъ.

Тотъ, кто много говоритъ, рѣдко приводитъ въ дѣйствіе свои слова. Мудрый же человѣкъ всегда боится, чтобы слова его не превзошли его дѣлъ.

Мудрый человѣкъ требуетъ всего только отъ себя, ничтожный же человѣкъ требуетъ всего отъ другихъ.

(Конфуцій).

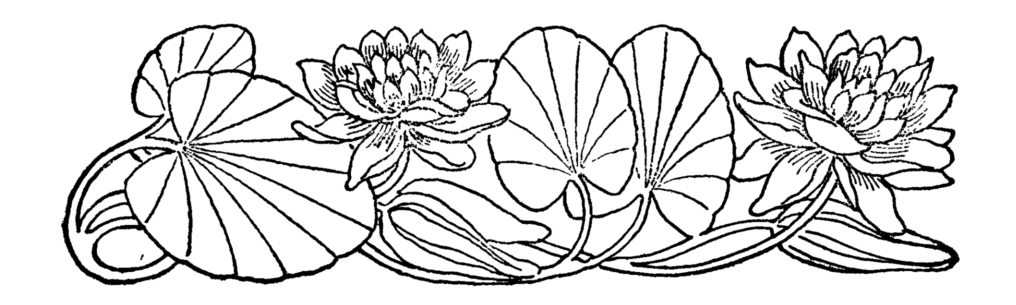


Молитва.

О, Господи, къ Тебѣ я обращаюсь,
Дай чистоту, дай пламя мощныхъ чувствъ!
Съ Тобою я навѣкъ соединяюсь
Въ таинственномъ святилищѣ искусствъ.
Дай мнѣ любви, и правды, и восторга!
Дай чистоты блаженнаго огня!
Дай воспарить надъ царствомъ лжи и торга,
Надъ сѣрой мглой безрадостнаго дня!
Влей благодать въ мою больную душу!
Дай славу мнѣ грядущаго узрѣть!
Согласія любви я не нарушу...
Подъ звѣздами не тяжко умереть!
Знать, что надъ гробомъ яркія свѣтила
Вѣнчаютъ трудъ заботливыхъ людей,—
Такъ не страшна холодная могила,
Не страшенъ гнетъ безчисленныхъ цѣпей.
Всесильный Богъ, дай крѣпость грозной воли
Дерзающей великое создать!
Дай узы мнѣ мучительной неволи
И облака безвѣрья разорвать!
Въ Тебѣ я все; я—цѣлый міръ съ Тобою,
Живая цѣпь свѣтящихся міровъ,
Стремленіе къ глубокому покою
Сквозь бурный хоръ властительныхъ валовъ.

Вадимъ Гарднеръ.





* * *

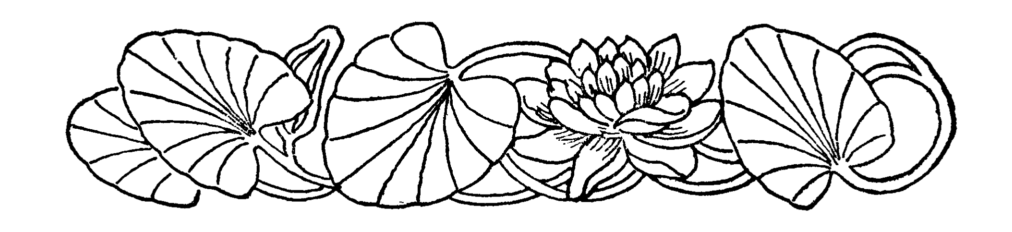
„Суета,—говорилъ Соломонъ,—
Человѣкъ изнываетъ въ трудахъ,
Много-ль пользы находитъ въ нихъ онъ?
Неизмѣненъ вселенной законъ:
Все, что есть, уже было въ вѣкахъ,
Все живое исчезнетъ во прахъ.
Я царемъ надъ Израилемъ былъ
И задумалъ извѣдать весь свѣтъ:
Всѣ явленія жизненныхъ силъ
Я изслѣдовалъ, я изучилъ,
Но и мудрость—отрады въ ней нѣтъ—
Духъ томитъ суетою суетъ.
Я былъ знатенъ, могучъ и богатъ,
Накупилъ и рабовъ и скота,
Насадилъ я сады, виноградъ,
Я настроилъ высокихъ палатъ:
Всюду роскошь была разлита,
Но я понялъ, что все суета.
Человѣку сердечныхъ утѣхъ
За заслуги вкусить не дано...
Одинаковый жребій для всѣхъ—
За труды, добродѣтель и грѣхъ
Смерть и добрымъ и злымъ всѣмъ равно
Въ часъ урочный стучится въ окно.

И рождается въ сердцѣ хула:
Вотъ я царь, и богачъ и мудрецъ,

Но мнѣ стали противны дѣла,
Жизнь подъ солнцемъ исполнена зла,
Всѣхъ одинъ ожидаетъ конецъ
И ученый умретъ, какъ глупецъ.
Наши знанья—пустыя слова,
Передъ вѣчностью дверь заперта,
Песъ живой лучше мертваго льва,
У живыхъ хоть надежда жива,
А у мертвыхъ она отнята.
Все томленье души, суета.
И я долженъ признать наконецъ,
Что ничтоженъ и жалокъ я самъ.
О, скажи мнѣ, Великій Творецъ,
О, открой мнѣ, Небесный Отецъ,
Не Тебѣ ли построилъ я храмъ?
Отчего-жъ суета даже тамъ?"
Отвѣчалъ исповѣднику Богъ:
Гы ошибся, мудрецъ Соломонъ,
Ты мнѣ храма построить не могъ:
Не отъ міра сего мой чертогъ,
Не изъ камня и золота онъ
Словомъ будетъ моимъ возведенъ.
Въ бренномъ мірѣ ты видишь лишь тѣнь,
Но сознанье, что все суета,
Уже первая къ свѣту ступень,
Путь въ обитель, гдѣ властвуетъ день,
Гдѣ иная живетъ красота,
Въ храмъ, котораго ищетъ мечта.
Ты люби, и надѣйся, и вѣрь,
Все, что тлѣнъ, разлетится, какъ дымъ,
Въ человѣкѣ-жъ—умретъ только звѣрь,
И тогда то отворится дверь,
И блаженство дастъ душамъ живымъ
Храмъ, построенный Словомъ Моимъ.

Б. Ф.





Обзоръ теософической литературы.

„Adyar Bulletin“ начинается съ „Замѣтокъ“ Президента, который пишетъ изъ Бенареса. Въ Бенаресѣ большой религіозный праздникъ и, по Индусскому обычаю, народъ въ эти дни поочередно посѣщаетъ всѣ храмы „священнаго города“ и купается въ водахъ Ганга. Въ „Замѣткахъ“ рядъ картинъ, взятыхъ изъ жизни, ярко рисуетъ намъ благородные нравы и жизнерадостность Индусскаго народа, который оріенталистъ Р. Дэдивдсъ такъ удачно характеризовалъ, какъ „истинныхъ дѣтей Солнца“.

Въ торжественные дни религіознаго празднества всѣ дороги полны разодѣтой и веселой толпой. Усталые путники отдыхаютъ среди всеобщаго веселія и смѣха. Во многихъ группахъ женщины окружены цѣпью дѣтей, которыя вокругъ нихъ танцуютъ и поютъ. На дѣтяхъ всего одна легкая одежда, нѣчто въ родѣ широкаго шарфа вокругъ пояса, но всѣ они разукрашены гирляндами яркихъ цвѣтовъ, сверкающихъ на смуглой кожѣ. Женщины граціозно задрапированы въ голубыя, желтыя, пунцовыя и бѣлыя „сари“. На плечахъ многихъ женщинъ сидятъ младенцы, тоже разукрашенные цвѣтами, которые весело смѣются, смотря на танцующихъ братьевъ и сестеръ. Нѣкоторыя женщины осторожно несутъ серебряные и мѣдные сосуды со святой водой. Мужчины также держатъ въ рукахъ цвѣты. Нѣкоторые несутъ на плечахъ дѣтей, весело съ ними переговариваясь. На рѣкѣ, во время купанья, раздаются смѣхъ и пѣсни. Берега покрыты густой толпой. Маленькія лошадки, разукрашенныя яркими лентами и колокольчиками, бѣгаютъ среди народа. Бѣдняки забыли свои будничныя заботы и горести; сейчасъ они благоговѣйно молились, а теперь они отдаютъ себя радости жизни, и эта радость сказывается у нихъ въ той благородной, яркой

и красивой формѣ, которая такъ далека отъ грубаго, шумнаго и пьянаго веселья Западной толпы.

Изъ Бенареса г-жа А. Безантъ вернулась въ Адіаръ, гдѣ идутъ приготовленія къ Индусскому Теософическому съѣзду. Лекціи и бесѣды будутъ происходить на воздухѣ, въ Садахъ Блаватской въ теченіе трехъ дней, начиная съ 4 час. утра съ перерывами до 7 час. вечера.

Заканчиваются статьи: „Исканіе Счастья", А. Безантъ и „Замѣтки о матеріализмѣ", Шварца.

Открытъ отдѣлъ „Вопросы и отвѣты".

Интересно разсказывается. какъ въ Бенаресѣ праздновали день рожденія Президента (61 годъ).

Рано утромъ въ маленькомъ храмѣ при Hindu College собрались нѣкоторые представители христіанскаго, индусскаго, буддійскаго, магометанскаго духовенства и парсовъ, которые пожелали помолиться за Президента Теософическаго Общества.

Послѣ ряда молебновъ, исполненныхъ каждый по особому своему ритуалу, была устроена раздача пищи бѣднякамъ. Было роздано болѣе 1000 обѣдовъ.

Днемъ учащаяся въ Hindu College молодежь устроила игры на воздухѣ, концертъ и митингъ въ честь Президента. Вечеромъ была иллюминація.

Когда послѣ всѣхъ этихъ празднествъ А. Безантъ вернулась вечеромъ къ себѣ домой, она застала у своихъ дверей ожидавшихъ ее нѣсколькихъ юношей, изъ кончающихъ и кончившихъ Hindu College, которые пришли просить ее благословить ихъ рѣшеніе отдать свою жизнь служенію Индіи, возрожденію своего отечества. Они заключили между собой „Союзъ Сыновъ Индіи" и пришли просить А. Безантъ руководить ихъ работой. А. Безантъ съ радостью приняла ихъ и сдѣлалась главой новаго духовнаго съѣзда Индусской молодежи.

Такимъ образомъ день, начавшійся молитвой, закончился созданіемъ новаго проводника для духовной жизни.

„Theosophist" напоминаетъ, что 30 мая (новаго стиля) въ Буда-Пештѣ соберется международный теософическій Конгрессъ. Президентъ А. Безантъ прочтетъ двѣ лекціи: „Настоящій циклъ и мѣсто въ немъ Теософическаго Общества", и лекцію „О Христѣ". Д-ръ Р. Штейнеръ также обѣщалъ двѣ лекціи.

24 апрѣля г-жа А. Безантъ выѣдетъ изъ Индіи въ Европу. До Конгресса она пробудетъ нѣсколько дней въ Англіи и посѣ-

титъ нѣсколько городовъ Сѣвернаго Британскаго Союза. Послѣ Конгресса Президентъ ѣдетъ въ Америку.

„Theosophist“ разсказываетъ о раскопкахъ, недавно произведенныхъ на островѣ Критѣ. Д-ръ Эвансъ дѣлалъ по поводу ихъ докладъ въ Кэмбриджѣ. Ему удалось добыть древности, которыя нужно отнести къ 12000 г. до Р. Хр. Была найдена часовня *) съ алтаремъ и различными предметами культа. Среди нихъ особенно интересно открытіе великолѣпнаго мраморнаго греческаго креста. Такимъ образомъ, подтверждаются слова Е. Блаватской о томъ, что въ началѣ XX вѣка наука получитъ многія доказательства древности и универсальности Тайной Доктрины.

17-го ноября въ Адіарѣ произошло открытіе Садовъ Блаватской. По этому случаю были произнесены рѣчи въ честь Е. Блаватской и получены многія привѣтствія.

Въ отдѣлѣ „Братство“ помѣщена статья „Энтузіазмъ и фанатизмъ“, Alba.

Статья „Истинное Искусство“ написана извѣстной скрипачкой Модъ Макъ-Карти. Авторъ видитъ въ художникахъ пророковъ и лидеровъ, которымъ суждено вести человѣчество къ Высшимъ Цѣлямъ; поэтому художникъ не можетъ быть обыденнымъ человѣкомъ; онъ долженъ быть герой. Это значитъ, что, чувствуя съ особенной силой и остротой окружающія страданія, самъ онъ долженъ имѣть силу все претерпѣвать и вѣрить до конца. Среди мрака онъ долженъ оставаться свѣтлымъ, среди злобы—кроткимъ, среди отчаянія—полнымъ надежды. Тогда божественная красота откроется ему, и онъ будетъ ее отражать въ своихъ произведеніяхъ; эта красота будетъ призывать къ Богу всѣхъ, кто утерялъ пути, и художникъ исполнитъ свое великое назначеніе на землѣ.

Статья Р. Штейнера „Воспитаніе дѣтей“ закончена.

Въ отдѣлѣ „Сравнительное изученіе религій, философій и наукъ“ выдается статья Е. Северсъ „Германскій мистикъ XVIII вѣка“. Она посвящена Эккартсгаузену. Особенно интересно толкованіе Эккартсгаузена „облака надъ святилищемъ“. По его мнѣнію, это облако есть ни что иное, какъ „человѣческая слабость“, наше несовершенство. Это облако спускается на насъ вслѣдствіе нашихъ прошлыхъ или настоящихъ прегрѣшеній. Свѣтъ и сила вѣры его разгоняютъ.

Во всѣхъ религіяхъ онъ видитъ эту внѣшнюю церковь, которая дана человѣчеству, какъ живой символъ внутренней, единой, вселенской Церкви духа.

*) Эту часовню проф. Эвансъ относитъ къ 3000 г. до Р. Хр.

Д-ръ Л. Эппель продолжаетъ свои научныя письма.

Статья Сидней Гольдъ „Исторія Креста“ опредѣляетъ вѣру какъ „трансцедентное знаніе“, знаніе, достигнутое не работой интеллекта, а интуиціей сердца. Авторъ указываетъ на то, что святой символъ креста вытекаетъ изъ глубочайшей религіозно-философской мысли человѣчества всѣхъ временъ.

Въ статьѣ „Оккультная Химія“ А. Безантъ изучаетъ атомъ радія.

„Revue théosophique“ (Lotus bleu) даетъ переводъ статьи А. Безантъ и С. Ледбитера „Пространственный эфиръ“ и „Конечный физическій атомъ“.

Продолжаются очерки Т. Паскаля о Сознаніи.

Д. Курмъ даетъ интересный отчетъ о новой книгѣ Л. Ревель: „Vers la fraternité des religions par l'unité de la pensée esotérique“ („Къ братству религій ведетъ единство Эзотерической мысли“). Книга заключаетъ 7 главъ: 1) Анархія экзотерическихъ традицій и единство эзотерической мысли; 2) характерныя черты Эзотерической традиціи; 3) Эзотеризмъ браманизма, религіи Заратустры, исламизма, еврейства (Кабаллы) и христіанства; 4) о жизни Іисуса; 5) Эзотеризмъ Св. Іоанна; 6) Апокалипсисъ; 7) Эзотеризмъ по-христіанскій и заключеніе.

„Lotus-Journal“ разсказываетъ, что группа дѣтей, собирающихся въ кружкѣ „Лотуса“ въ Лондонѣ, послала Президенту коллективное поздравительное письмо къ Новому году (1909 г.). Они получили въ отвѣтъ нѣсколько словъ отъ Президента:

„Дорогія дѣти,

„Это было очень мило *) съ вашей стороны, что вы прислали мнѣ къ Новому году свои мысли, полныя любви (loving thoughts). Мысли любви подобны ангеламъ, которые несутъ благословеніе. Здѣсь, въ Индіи, любятъ засыпать цвѣтами или украшать цвѣточными гирляндами того, кого любятъ. Знаете ли вы, что мысли любви и преданности обыкновенно принимаютъ форму цвѣтовъ въ высшихъ мірахъ? Итакъ, вы прислали мнѣ много цвѣтовъ.

Дай Богъ вамъ вырости благородными людьми, полезными слугами своего отечества и Учителей Мудрости.

Вашъ другъ

Анни Безантъ.

---

*) It was very sweet of you.

Напечатана сокращенная рѣчь А. Безантъ „Жизнь теософа".

Закончено „Житіе Св. Екатерины Сіенской".

В. ванъ Гукъ даетъ очеркъ „Что такое значитъ быть „истиннымъ джентльмэномъ".

„Круглый столъ" увеличился еще новой группой, рожденной въ декабрѣ. Эмблема декабря: Снѣжинка. Качества: Мудрость, Свобода.

Очеркъ о Вагнерѣ, Е. Миллетъ, закончился.

Напечатана хорошенькая сказка, написанная маленькой дѣвочкой, Миной Кунцъ, членомъ американскаго кружка „Лотуса". Сказка называется: „Сонъ феи папоротника".

„Hindu College Magazine" останавливается на вопросѣ о „дурныхъ дѣтяхъ", которыхъ принято „исключать" изъ учебныхъ заведеній. Что же ихъ ожидаетъ, если учителя будутъ отказываться отъ нихъ? Исключеніе есть сознаніе въ полнѣйшей неудачѣ. Если исключеніе признать педагогической мѣрой, то воспитательное значеніе учебныхъ заведеніе будетъ подорвано въ корнѣ.

Въ тѣсной связи съ этой статьей находится очеркъ А. Безантъ: „Сыны Индіи", посвященный недавно создавшемуся союзу молодежи.

Учащаяся молодежь сильно волнуется въ Индіи. Нѣкоторыя политическія партіи усиливаютъ это броженіе, стараясь завербовать въ свои ряды учениковъ старшихъ классовъ.

Правительство подозрительно относится къ молодежи, слѣдитъ за нею, при малѣйшемъ отступленіи отъ дисциплины исключаетъ изъ учебныхъ заведеній, а выключенные юноши съ жаромъ бросаются въ политику, скоро попадаются и гибнутъ тысячами.

Со скорбью отмѣчаетъ авторъ это печальное явленіе современной жизни Индіи. Тѣ, кто должны были бы направить и наставить молодежь, толкаютъ ее на путь погибели.

Завѣдующіе учебными заведеніями изъ гуманныхъ руководителей слишкомъ часто обращаются въ полицейскихъ чиновниковъ, которые караютъ и исключаютъ вмѣсто того, чтобы учить и воспитывать. Силы, кипящія въ бурныхъ молодыхъ сердцахъ, требуютъ любовнаго руководства. Духовный союзъ „Сыны Индіи", во главѣ котораго стоитъ А. Безантъ, поставилъ себѣ эту задачу. „Служеніе родинѣ" его девизъ. Во имя этого служенія молодежь должна беречь свои силы, учиться и духовно развиваться, работая надъ своимъ совершенствованіемъ и надъ преображеніемъ всей своей жизни.

Статья К. И. даетъ біографическій очеркъ современнаго святого, Шри Колапалли Ауянаядас'а, который уже съ ранняго дѣтства (9 лѣтъ) стремился къ отшельничеству и проповѣдывалъ школьнымъ товарищамъ свое ученіе о Единомъ Богѣ и о праведной жизни. Въ настоящее время Шри Колапелли Ауянаядасъ пользуется всеобщей извѣстностью въ Индіи, какъ мужъ святой жизни и великій цѣлитель.

Бишопъ Нарайнъ, учитель математики въ высшей школѣ Мерутъ, пишетъ о важности правильной діэты для учащихся. Прежде всего, конечно, исключается все возбуждающее и грубое: алкоголь во всѣхъ видахъ, мясо и табакъ, которые разрушительно дѣйствуютъ на нервную систему. Авторъ также высказывается противъ употребленія соли, перца и сахара, которые являются искусственными возбудителями. Предлагается нормальный, здоровый, питательный столъ, съ соблюденіемъ такихъ правилъ:

1) рано утромъ свѣжее, сырое коровье молоко;

2) въ 10—11 ч. утра вегетаріанскій обѣдъ изъ свѣжей зелени, плодовъ и вареныхъ крупъ (лучше всего грубый ячмень и рисъ), безъ всякихъ приправъ;

3) передъ закатомъ солнца, свѣжее молоко и плоды. Если ѣсть что-нибудь зерновое, то вдвое меньше, чѣмъ за обѣдомъ;

4) послѣ заката ничего не ѣсть;

5) все ѣсть непремѣнно на воздухѣ;

6) ѣсть все теплое, а не горячее; еще лучше ѣсть холодное;

7) ничего не ѣсть между трапезами;

8) пить только свѣжую воду;

9) соблюдать большую умѣренность, помня, что надо ѣсть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы ѣсть;

10) избѣгать всего возбуждающаго (чай, кофе, острыя вещи, соусы, уксусъ) и употреблять соль и сахаръ въ самомъ минимальномъ количествѣ;

11) масло также употреблять немного и только въ самомъ свѣжемъ видѣ.

Авторъ убѣжденъ, что часть нервныхъ заболѣваній, наблюдаемыхъ среди молодежи, происходитъ отъ нездороваго и совершенно неурегулированнаго питанія.

Эта статья наводитъ на многія мысли. Невольно напрашивается параллель между этой чистой и строгой діэтой и тѣмъ нездоровымъ, тяжелымъ столомъ, которымъ на Западѣ съ дѣтства отравляютъ молодежь, при чемъ особенной популярностью поль-

зуется теорія, что лучше ребенку съѣсть что-нибудь лишнее, чѣмъ не доѣсть.

„Theosophical Review“ даетъ интересную статью Ж. Ваткинс'а о мусульманскомъ философѣ и подвижникѣ Жаллалу'ддинъ-Руми, жившемъ въ XII вѣкѣ. Его философіей интересовался Гегель. О немъ съ восторгомъ писали Кольбрукъ, Малколмъ, Воганъ. Недавно проф. Броунъ и проф. Гасти отозвались о немъ, какъ о „величайшемъ поэтѣ-мистикѣ всѣхъ временъ“. Авторъ даетъ краткую біографію его. Жаллалу'ддинъ-Руми былъ Суфи. Въ эзотеризмѣ этой глубокой духовной мусульманской секты онъ черпалъ то вдохновеніе, которое ярко горитъ въ его главныхъ двухъ сочиненіяхъ „Dîwano Shamtî Tabriz“ и „Masnavi i Ma'nani“, недавно переведенныхъ на англійскій языкъ.

Какъ глубоко-духовный человѣкъ Жаллалу'ддинъ-Руми считаетъ внѣшніе ритуалы пустыми формами, если они не одухотворены внутреннимъ содержаніемъ. „Безумцы, говоритъ онъ, превозносятъ мечети и не знаютъ внутренняго храма“. Спасеніе не достигается славословіемъ Бога и точнымъ исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ: спасеніе достигается исполненіемъ воли Божьей и любовью“.

Въ статьѣ „Тайна Іисуса“, Джоржъ Мидъ развиваетъ мысль, что въ лицѣ Іисуса намъ раскрыто пониманіе троицы, троичнаго высшаго человѣка, рожденнаго въ просвѣтленной душѣ. Церковь также троична, какъ учили гностики, и дѣлится она на 3 разряда: она бываетъ ангельской, психичной и матеріальной, т. е. церковью „избранныхъ“, церковью „призванныхъ“ и церковью „скованныхъ“. Тѣ, кто вѣрятъ грубо-матеріально и видятъ все спасеніе въ обрядахъ, принадлежатъ къ послѣдней категоріи; тѣ, кто вѣрятъ духовно и чувствуютъ Силу, Любовь и Мудрость Учителя, но не имѣютъ еще знанія (гнозиса), должны быть отнесены ко второму разряду. Въ I разрядѣ тѣ, кто не только вѣрятъ, но и знаютъ: они живутъ и пребываютъ въ самой Истинѣ.

Г. Албарусъ сопоставляетъ современный идеализмъ съ философіей Веданта.

Въ библіографическомъ обзорѣ Дж. Мидъ останавливается на недавно переведенной съ китайскаго книги „Tciao Iunvo“, книгѣ о сыновнемъ долгѣ, въ которой ярко сказывается глубокая и нѣжная нота всей религіи Шинто. „Въ наши дни, заканчиваетъ свой обзоръ Дж. Мидъ, мы особенно много говоримъ о своихъ обязанностяхъ къ дѣтямъ, но мы плохо исполняемъ пятую заповѣдь. Китай не имѣетъ пріютовъ для стариковъ, а мы, которые

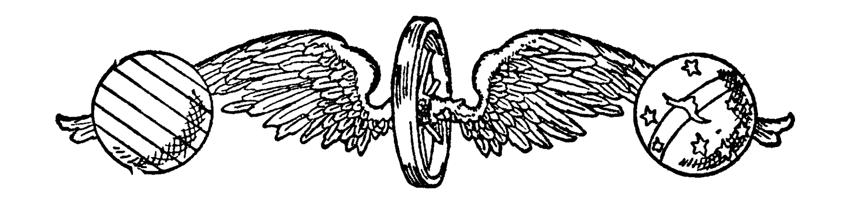
хвалимся своей цивилизаціей, слишкомъ часто стараемся священное попеченіе о родителяхъ свалить на государство или на чужихъ людей".

„Isis" даетъ статью Ледбитера „Невидимые помощники", въ которой авторъ напоминаетъ намъ, что всѣ существа во вселенной связаны одной великой цѣпью; жизнь, проходящая черезъ одно звено, проникаетъ во всѣ. Старшіе поддерживаютъ младшихъ; младшіе должны крѣпко держаться за старшихъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ помогать другимъ, тѣмъ больше силы будетъ вливаться въ насъ.

Въ статьѣ „Вегетаріанство въ свѣтѣ Теософіи" А. Безантъ рисуетъ страшную астральную атмосферу городовъ, въ которыхъ есть много боенъ. Какъ примѣръ, она беретъ Чикаго, который можно назвать „городомъ боенъ". За нѣсколько верстъ до Чикаго человѣкъ психически-чувствительный уже чувствуетъ страшныя вибраціи, порожденныя ужасомъ и страданіями милліоновъ животныхъ, ежедневно убиваемыхъ для прихоти человѣка. Нашъ организмъ не нуждается въ этихъ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ: молочная, зерновая пища и плоды не только поддерживаютъ наше физическое тѣло, но и вносятъ въ него здоровыя, ритмическія вибраціи, которыя содѣйствуютъ правильному обмѣну веществъ и нервному равновѣсію. Возбуждающія вещества, такія какъ мясо и алкоголь, отравляютъ нашъ организмъ и разрушительно дѣйствуютъ на нашу нервную систему. Кромѣ того, вбирая въ себя мясной пищей животный магнетизмъ, мы усиливаемъ въ себѣ страстное начало Кама, чѣмъ поддерживаются звѣриные инстинкты, тѣ самые, съ которыми мы въ лучшія минуты нашей жизни такъ трагически боремся. Но самое главное то, что, потребляя мясо, мы нарушаемъ законъ любви, который повелѣваетъ не наносить страданія ни одному живому созданію. Животныя — наши младшіе братья въ великой міровой семьѣ; у нихъ также есть своя эволюція. Помочь имъ мы можемъ, окружая ихъ лаской, заботой и разумнымъ воспитаніемъ. Когда человѣкъ проникнется этимъ настроеніемъ, то животныя не будутъ больше его бояться и дикіе звѣри будутъ приносить къ его ногамъ своихъ дѣтенышей, какъ они это дѣлаютъ въ джунгляхъ, въ которыхъ живутъ святые отшельники.

Alba.





Первый всероссійскій женскій съѣздъ.

---

10 декабря состоялось открытіе перваго всероссійскаго женскаго съѣзда.

Обращеніе „Къ членамъ съѣзда“ (бюллетень № 1) дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи борьбы женщинъ за свои права и отмѣчаетъ важную задачу съѣзда: „единеніе женщинъ всѣхъ классовъ, сословій и состояній во имя общечеловѣческаго значенія ихъ соединенной работы“. „Только свободная мать-гражданка можетъ воспитать свободныхъ гражданъ (такъ заканчивается это обращеніе). Стремленіе женщинъ къ улучшенію ихъ положенія есть стремленіе къ благу всего народа, къ свѣтлому будущему грядущихъ поколѣній. И во имя этого будущаго мы привѣтствуемъ выступленіе русской женщины на историческое поприще, привѣтствуемъ новый шагъ ея на пути къ свѣту и свободѣ“.

Открытіе было торжественное. Залъ городской Думы, красиво убранный и ярко освѣщенный, представлялъ собой рѣдкое зрѣлище тысячнаго собранія женщинъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи привѣтствовать дѣло женскаго объединенія. На эстрадѣ возсѣдалъ организаціонный комитетъ. Предсѣдательницей съѣзда была избрана В. Н. Бѣлоконская (изъ Харькова). Послѣ рѣчей д-ра А. Шабановой и А. П. Философовой послѣдовалъ длинный рядъ депутацій и привѣтствій. Прочитаны телеграммы: отъ чешскихъ женщинъ, отъ финляндскихъ женщинъ, отъ Международнаго Совѣта, отъ австралійскихъ женщинъ, отъ Германскаго женскаго союза, отъ венгерскихъ, румынскихъ, польскихъ, голландскихъ, швейцарскихъ и литовскихъ женщинъ, отъ членовъ фракціи народной свободы, трудовой группы, мирнаго обновленія, мусульманской фракціи.

Очень просто и глубоко-прочувствованно было слово неутомимаго борца за женское равноправіе А. П. Философовой:

„Привѣтствую и поздравляю васъ,—сказала она,—съ торжественнымъ днемъ открытія перваго женскаго съѣзда въ Россіи. Судьба послала мнѣ въ мои юные годы радость быть свидѣтельницей освобожденія рабовъ, а въ данное время, на склонѣ лѣтъ, я являюсь свидѣтельницей освобожденія женщинъ. Это даетъ право надѣяться, что не далеко то время, когда женщина займетъ мѣсто и въ Государственной Думѣ рядомъ съ товарищами депутатами. Въ эту минуту мнѣ хочется помянуть тѣхъ, кто расчищалъ намъ дорогу. Въ литературѣ женскій вопросъ былъ поднятъ у насъ въ 40-хъ годахъ, а въ 50-хъ были первые проблески самосознанія женщинъ, въ 60-хъ годахъ общее стремленіе увлекло и женщинъ. Женщина пошла на службу народу въ воскресныхъ школахъ. Изъ этого движенія выросло стремленіе къ высшему образованію и дѣло высшаго образованія женщинъ. Россія опередила Западную Европу.

Въ моей памяти возстаютъ двѣ женщины, болѣе всѣхъ поработавшія на этомъ поприщѣ: М. В. Трубникова и Н. В. Стасова. Помянемъ же мы дорогую память этихъ двухъ піонерокъ и пойдемъ по ихъ пути“.

Рѣчь А. П. Философовой была покрыта единодушными апплодисментами.

Были прочитаны еще докладъ І. Л. Петражицкаго „Законы развитія правъ и правовое положеніе женщины“ и рѣчь А. Тырковой, посвященная значенію женскаго движенія.

Въ слѣдующій день начались работы по секціямъ. Ежедневно съ 11 ч. до 4 ч. и съ 7 до 10 ч. вечера въ Соляномъ Городкѣ и въ Женскомъ о-вѣ слушались доклады на самыя разнообразныя соціальныя, научныя, философскія и этическія темы. 11-го вечеромъ, послѣ докладовъ, былъ раутъ въ женскомъ клубѣ, а 14-го концертъ.

12-го былъ раутъ у А. П. Философовой. Это собраніе имѣло, несмотря на многочисленность публики, необыкновенно задушевный характеръ. Никакой офиціальности. Всѣ непринужденно знакомились другъ съ другомъ, бесѣдовали и радовались началу осуществленія женскаго дѣла. Дружескій вечеръ невольно принялъ характеръ чествованія дорогого всѣмъ піонера А. П. Философовой.

14-го было интересное обсужденіе женскаго движенія съ точки зрѣнія политики настоящаго. Ярко опредѣлились три общественныхъ теченія.

Докладовъ было такъ много и столь разнообразныхъ, что нѣтъ никакой возможности ихъ всѣ перечислить. Въ I секціи выдавались особенно доклады: А. Бородиной (Цѣли и задачи о-ва защиты женщинъ); Караскевичъ-Ющенко (Женскій трудъ въ заведеніяхъ душевно-больныхъ); А. Кремлева (О задачахъ сценической дѣятельности женщинъ); докладъ Казанскаго о-ва защиты женщинъ; о дѣятельности женщинъ въ тюрьмахъ (Ф. Кубе) и О. Шестаковой (О борьбѣ съ дѣтскою смертностью).

II секція, посвященная экономическому положенію женщины и вопросамъ этики, еще богаче интересными докладами.

Среди многихъ другихъ, докладъ Блѣдовой (О борьбѣ съ проституціей), Еремѣевой (Работа женщины въ деревнѣ), Зубовой (Положеніе женщины на Дону), Макшеевой (Нравственная сторона русской женщины въ литературѣ и въ жизни), Е. Щепкиной (Трудъ и здоровье крестьянки), А. Гуревичъ (Охрана дѣтства), Д. Никольскаго (Женскій трудъ на фабрикахъ) и А. Чермакъ (Положеніе матери какъ воспитательницы въ современномъ обществѣ) представляли много новаго.

Для нашихъ читателей будетъ небезынтересно, что прочитанная въ той же секціи рѣчь Alba „Энтузіазмъ и фанатизмъ“ (помѣщаемая въ настоящемъ №) возбудила оживленныя пренія. Рѣчь и окончательная формулировка тезисовъ докладчицы были встрѣчены очень сочувственно.

III секція была занята вопросомъ о равноправіи.

IV секція—женскимъ образованіемъ въ Россіи.

Съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы широкую тенденцію многихъ докладовъ, читанныхъ на этомъ съѣздѣ, и отступленіе отъ узко-феминистическихъ стремленій въ пользу болѣе широкаго общечеловѣческаго идеала. „Если права нужны женщинѣ, то не столько для нея самой, какъ для счастья всего человѣчества“, говорилось не разъ на этомъ симпатичномъ, одухотворенномъ съѣздѣ.

„Миссія женщины—нравственное творчество,—былъ тезисъ Макшеевой, сдѣлавшей интересный обзоръ женскимъ типамъ въ русской литературѣ; ея миссія—творить новую, лучшую жизнь“.

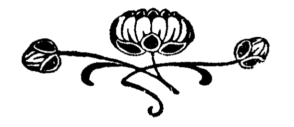
„Борьба женщины за свои права—это борьба за счастье обоихъ половъ“,—закончила свой докладъ (Самосознаніе женщины, какъ факторъ общественнаго строя) г-жа Исполатова.

„Намъ нужно расширить арену своей дѣятельности (обращеніе Alba послѣ рѣчи), но не будемъ забывать въ борьбѣ за свои права, что эти права намъ нужны лишь какъ средство для достиженія цѣлей вѣчныхъ, для того, чтобы влить въ этотъ міръ, который задыхается отъ страданія и слезъ, немного больше свѣта, больше пониманія и больше любви".

16-го декабря, въ 8 ч. веч., въ залѣ городской Думы состоялось закрытіе I Всероссійскаго женскаго съѣзда.

На съѣздѣ раздавался уставъ новаго о-ва „Россійская лига равноправія женщинъ".

Alba.



ИЗРЕЧЕНІЯ КОНФУЦІЯ.

Хотя люди не знаютъ, что такое добро, но они имѣютъ его въ себѣ.

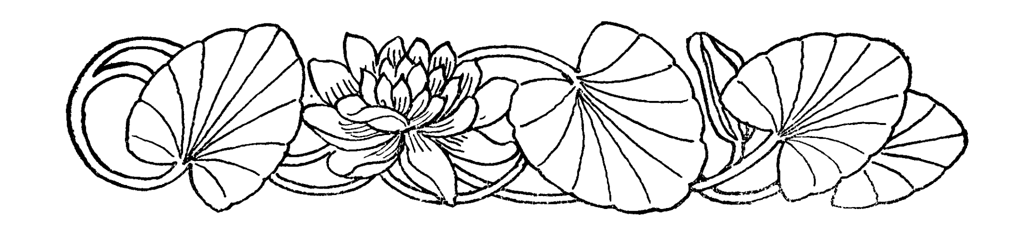
Всякая вещь имѣетъ свое начало и конецъ. Такъ и дѣло человѣка: нѣтъ ни одного дѣла, которое бы не имѣло своего начала и конца. Кто вѣрно понимаетъ, гдѣ начало и гдѣ конецъ, тотъ стоитъ близко къ истинѣ.

Законъ жизни мудрыхъ не ясенъ, но онъ все болѣе и болѣе выясняется для тѣхъ, кто ему слѣдуетъ. Законъ жизни обыкновенныхъ людей ясенъ для каждаго, но все болѣе и болѣе затемняется въ общемъ сознаніи.

Все мельчайшее обнаружится; все скрывающееся рано или поздно выйдетъ наружу. Когда задерживается обнаруженіе скрывающагося предмета, то онъ рано или поздно покажется изъ щели.

Для тѣхъ, которые достигали истиннаго знанія, будетъ ясна и понятна сущность вещей и человѣческой души. Вотъ это—то знаніе называется совершенною и истинною мудростью.

Каждый изъ насъ, отъ императора до простолюдина, прежде всего долженъ заботиться о нравственномъ самоусовершенствованіи, такъ какъ это есть источникъ всеобщаго блага, ибо если начало несовершенно, то какъ же можетъ быть конецъ совершененъ?



Интеллигенція и народъ.

(По поводу засѣданій религіозно-философскаго общества).

Въ СПБ. возобновились засѣданія Религіозно-Философскаго общества. Движеніе это, какъ всякое исканіе мятущагося духа человѣка, представляетъ глубокій интересъ. Черное духовенство не посѣщаетъ болѣе этихъ собраній, численность представителей бѣлаго духовенства значительно сократилась, но весь составъ участниковъ и посѣтителей этихъ собраній горитъ жаждой и тревогой Богоисканія и мучительно бьется между потребностью вѣрить и невозможностью удовлетворить эту потребность.

Послѣднія засѣданія названнаго общества (13, 25 ноября и 16 декабря 1908 г.) были посвящены обсужденію нижеслѣдующихъ темъ:

„*Обожествленіе народа*" (по поводу „Исповѣди" М. Горькаго), докладъ Г. А. Баронова.

„*Россія и интеллигенція*" (по поводу доклада Г. А. Баронова), докладъ А. А. Блока.

„*О народобожіи*", рефератъ В. В. Розанова.

„*Религія и культура*", рефератъ А. А. Мейера.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, центральное мѣсто во всѣхъ этихъ докладахъ занимаетъ вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу, о томъ, совпадаютъ ли представленія о Богѣ въ народѣ и въ интеллигенціи, и, если нѣтъ, то возможно ли примиреніе этихъ двухъ представленій?

Дѣйствительно ли пропасть непроходима?

Какъ жить, какъ подойти къ сердцу народа?

Основной нотой во всѣхъ собесѣдованіяхъ звучало утвержденіе, что представленія о Богѣ въ народѣ и въ интеллигенціи *совершенно различны* и что примиренія между ними нѣтъ и быть не можетъ. Религія крестьянская (она же по преимуществу и христіанская) родилась подъ покровомъ неба; пахарь всѣхъ временъ и народовъ стоялъ всегда передъ чудомъ природы и передъ неправдой зла (стихіи, феодальный строй, баринъ).

Перекинуть мостъ въ Царство Правды онъ могъ только черезъ чудо, черезъ Бога, черезъ признаніе бытія, лежащаго *выше* человѣка.

Въ основѣ такой религіозности лежитъ мистическій опытъ, которому не можетъ служить интеллигенція, такъ какъ люди культуры, исходя изъ гуманистическаго жизнечувствія, не могутъ признать реальности и бытія гдѣ-либо *внѣ* человѣка, *выше* его; всѣ цѣли, всѣ стремленія, всѣ принципы представителей интеллигенціи только *человѣческіе*.

Люди культуры отрицаютъ мистику, такъ какъ мистическій опытъ неизбѣжно подымаетъ человѣка *вверхъ*, тогда какъ люди культуры стремятся итти *впередъ*, и это заглядываніе вверхъ, въ мистическую глубину небесъ, отвлекаетъ ихъ отъ живого *человѣческаго* дѣланія.

По ученію гуманистовъ, человѣкъ есть дитя природы и долженъ развить свои прирожденныя психическія способности; онъ долженъ творить въ силу того, что видитъ въ этомъ пользу для жизни, такъ какъ все должно служить человѣку въ настоящемъ и въ будущемъ (утилитарная точка зрѣнія). Интеллигенція тоже *вѣритъ*, только въ другіе принципы: никакой самодовлѣющей цѣнности внѣ себя она принять не можетъ. Наоборотъ, въ религіозномъ сознаніи первенствующее мѣсто занимаютъ самодовлѣющія вѣчныя истины—область откровенія. Враждебность мистики культурѣ доказывалась тѣмъ, что мистики всегда уходили отъ міра, уходили отъ живой дѣйствительности и отъ творческаго дѣланія (аскетизмъ).

Всѣ системы, создававшіяся на протяженіи вѣковъ для примиренія религіи и культуры, были идеалистическими и потому непригодными для жизни, недѣйственными. Попытка „обожествленія народа" разсматривалась въ собраніи какъ атеистичная: народъ не ищетъ поклоненія себѣ, народъ умираетъ за Бога, его Богъ съ неба. Стремленіе въ народъ, стремленіе въ народѣ, въ его движеніи за соціальныя идеи найти Бога—это обоженіе народа—чисто практическое и отнимаетъ много содержанія отъ религіознаго

культа. Борьба народа за свои идеи, за свои права тоже священна, но она переносится на предметы по существу нерелигiозные. Для разрѣшенiя внутреннихъ вопросовъ духа (вопроса о смерти, о смыслѣ жизни и т. п.) практика жизни не годится; это движенiе въ практику есть сознанiе своего безсилiя, заглушенiе духа; обоженiе народа есть бѣгство отъ осмысливанiя вѣчныхъ запросовъ—трусость передъ религiозными сомнѣнiями. Не надо искать Бога въ народѣ, а Его можно найти только въ самомъ себѣ, въ своемъ сердцѣ, въ глубинахъ человѣческаго духа. Религiя не должна регулировать „что дѣлать" и „какъ быть". Религiя должна освѣщаться внутреннимъ свѣтомъ и не должна регулировать теченiя внѣшней жизни: внѣшнее должно быть только *слѣдствiемъ* религiознаго сознанiя.

На это возражали, что такая точка зрѣнiя излишне осторожна и непрактична: надо воплотить Божественное въ жизни; Церковь должна быть религiозна, политична. Религiю безъ дѣйствiя интеллигенцiя понять и принять не можетъ. Въ христiанствѣ нѣтъ *праведнаго дѣйствiя*, и потому оно не удовлетворяетъ людей культуры. Подлинное христiанство сохранилось только въ народѣ, но религiозность народа стихiйна и не говоритъ сердцу интеллигента. Къ тому же и въ религiозномъ сознанiи народа уже образовался расколъ, въ народѣ русскомъ уже нѣтъ православiя: религiозное отношенiе народа къ землѣ загадочно и трагично: Божья земля становится въ представленiи народа „проклятою". Представитель духовенства старался установить, что религiозность народа не *стихiйна*, а явилась подъ влiянiемъ проповѣди Iисуса Христа.

Народъ не есть простое тѣло, въ немъ уже, какъ и въ интеллигенцiи, начался процессъ разъединенiя, и народъ „Богостроитель" перестаетъ быть таковымъ. Гдѣ же выходъ? Примиренiе,—говорили въ собранiи,—возможно только въ *новой* вѣрѣ. Хотя религiя враждебна культурѣ, но ей приходится считаться съ тѣмъ, что ея мистическiя высоты доступны лишь для *немногихъ*; человѣчество не можетъ удержаться на той высотѣ, куда его увлекаетъ религiя, и ей, поневолѣ, приходится приспособляться къ уровню всего человѣчества. Религiя перестаетъ быть чисто мистической и обращается къ той же культурѣ, заимствуя изъ нея свои символы, обряды; она обращается ко *всему* человѣчеству, чтобы прiобщить его къ высшимъ своимъ цѣлямъ. Религiя обращается *ко многимъ* на ихъ языкѣ, говоритъ объ ихъ человѣческихъ потребностяхъ, пользуется средствами культуры—и въ этомъ ея сила, но такъ какъ весь культъ религiи, всѣ ея догматы связаны съ Вѣчнымъ и претендуютъ

на незыблемость, то сила ея становится *консервативной*, побуждаетъ религію стоять на мѣстѣ—и тутъ кроется причина ея слабости: религія перестаетъ быть дѣйственной, съ этого момента она мертва.

Но бываютъ и *живыя* религіи, пока онѣ не сложились въ опредѣленныя формы и не застыли въ этихъ формахъ выявленія. Религіозное движеніе должно быть враждебно культурѣ, такъ какъ культура не вѣчна, и ей всегда нуженъ стимулъ для движенія къ *новой* цѣли. Передъ гибелью культуры является предчувствіе новой творческой силы. Для гуманиста неизвѣстно, откуда придетъ эта сила, для религіознаго же человѣка ясно, что она придетъ изъ откровенія. Какъ придетъ это откровеніе?

Живыя религіи несли съ собой идею катастрофы; тѣ религіи, которыя не несутъ *идеи катастрофы*, не могутъ быть религіозными; умирающія религія переносятъ эту идею въ міръ потусторонній и рекомендуютъ терпѣливо ждать; у нихъ все идетъ постепенно: для чуда нѣтъ мѣста.

Творческая сила нашей культуры изсякаетъ, и всѣми чувствуется близость катастрофы. Уничтожая старую культуру, новая религія открываетъ новое небо, новое откровеніе. Когда откровеніе начинаетъ забываться, падаетъ и творчество; необходима новая религія, чтобы поднять творчество.

На протяженіи исторіи наблюдаются постоянныя волны паденія и восхожденія; каждая новая волна приноситъ новое знаніе истины для принятія болѣе полнаго откровенія, чтобы помочь человѣчеству удержаться на высотахъ Духа.

Волны бываютъ большія (христіанство) и малыя: прояснения человѣческаго сознанія о неизбѣжности катастрофы; къ числу послѣднихъ надо отнести всѣ революціи. Революція есть катастрофа—въ ней сильно ощущеніе близости конца, въ ней есть область вѣры и чаянія; дѣятели ея проникнуты гуманитарными цѣлями, но ихъ религіозность не подлинная; ихъ моральный подвигъ, пафосъ, фанатизмъ, самопожертвованіе—не религіозные признаки; ихъ подъемъ есть подъемъ къ *мистическимъ* высотамъ, а не къ идеалу *человѣческой* культуры. Такимъ образомъ получается примиреніе чуда съ отрицаніемъ чуда—безсмыслица съ точки зрѣнія гуманиста.

Идея внутренняго свободнаго общенія съ Богомъ невозможна для гуманиста. А между тѣмъ такое общеніе возможно, и, находясь на землѣ, можно общаться съ Высшимъ міромъ. Такимъ образомъ человѣчеству предстоитъ дилемма: или медленно,

стихійно развиваться подъ покровомъ религіи, которая мертва, или признать реальность *духовнаго* міра и, живя въ общеніи съ этимъ міромъ, приближать наступленіе чуда, наступленіе откровенія.

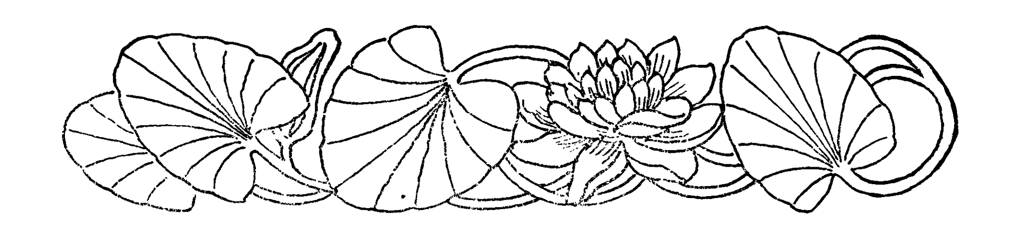
Интеллигенція активна и не можетъ принять вѣры, она—носительница культуры и потому не можетъ дать новой вѣры; народъ пассивно религіозенъ, онъ вѣритъ въ чудо, и потому только народъ можетъ принести новое откровеніе.

Примирять и приближать народъ съ интеллигенціей нельзя: это значитъ тормозить духовный ростъ земли. Здѣсь нѣтъ пути для примиренія и быть не должно.

По поводу высказанныхъ мнѣній было отмѣчено, что истинный мистицизмъ (примѣръ св. Тереза) не зоветъ людей отъ міра, а, наоборотъ, побуждаетъ ихъ вступить на путь кипучей, творческой дѣятельности на пользу всего человѣчества; если же ради „мистическаго дѣланія“ человѣкъ отказывается отъ общественной дѣятельности, то онъ долженъ дать эквивалентъ общественной работы въ своей частной дѣятельности, что представляетъ гораздо большія трудности. По вопросу о провопоставленіи народа и интеллигенціи было указано, что такое противопоставленіе неправильно, что человѣкъ долженъ стремиться къ *человѣчеству*, и что современное искусство тяготѣетъ къ всенародности. Если въ интеллигенціи чувствуется раздвоеніе—желаніе вѣрить и невозможность вѣрить,—то побѣдить эту черту можно только, поборовъ чувство разобщенности и спаявъ интуицію съ разумностью. Интеллигенція не должна обособлять себя отъ народа, на почвѣ котораго она выросла; культура, несущая разъединеніе,—есть отрицательное явленіе временнаго, преходящаго свойства, и лишь коллективное взаимодѣйствіе этихъ двухъ силъ религіи и культуры, народа и интеллигенціи, можетъ создать такую силу, которую М. Горькій въ своей „Исповѣди“ называетъ „силою творить чудеса“!

К. Кудрявцевъ.





Хроника теософическаго движенія.

V. Международный теософическій конгрессъ.

(Сообщеніе Венгерскаго Теософическаго Общества).

Нами получено изъ Буда-Пешта сообщеніе о V международномъ теософическомъ конгрессѣ, который состоится 30 мая (новаго стиля) и продолжится четыре дня.

Венгерская Секція мірового Теософическаго Общества приглашаетъ теософовъ на Всемірный съѣздъ и указываетъ на то, что сообщеніе съ Буда-Пештомъ очень удобно.

Отъ	Вѣны	4½	ч.	ѣзды	(курьерскимъ	поѣздомъ).
„	Мюнхена	14½	„	„	„	„
„	Берлина	19½	„	„	„	„
„	Парижа	28	„	„	„	„
„	Лондона	37	„	„	„	„
„	Милана	23	„	„	„	„
„	С.-Петербурга	30	„	„	„	„
„	Тріеста	13½	„	„	„	„

Секція вступила въ переговоры съ конторой путешествій компаніи Кукъ и надѣется удобно организовать поѣздки членовъ. Можетъ быть, удастся получить нѣсколько билетовъ со скидкой.

Для пріема пріѣзжихъ работаетъ организаціонное бюро.

Входъ на конгрессъ по билетамъ, которые даются только членамъ. Билетъ будетъ стоить 12 кронъ (приблизительно 5 руб.). Просьбы о полученіи билетовъ и высылка на нихъ денегъ должны итти черезъ представителя теософическаго движенія въ каждой данной странѣ, или черезъ національные комитеты, организованные для сношенія съ конгрессомъ.

Работа конгресса раздѣляется на 7 отдѣловъ:

1. Братство.

2. Религія, мистицизмъ, миѳы, легенды, исторія Теософическаго Общества.

3. Философія.

4. Наука.

5. Искусство.

6. Пропаганда, организація, методы работы, предложенія.

7. Оккультизмъ.

Всѣ доклады будутъ читаться по очереди, а не паралельно, чтобы всѣ члены имѣли возможность прослушать каждый номеръ программы.

На конгрессъ могутъ быть присланы предложенія на обсужденіе съѣзда.

Венгерская Секція дѣлаетъ 2 предложенія:

1. Создать международный теософическій органъ, который бы выходилъ на нѣсколькихъ языкахъ.

2. Основать теософическую школу для воспитанія ораторовъ.

Особое время будетъ посвящено обсужденію разныхъ вопросовъ. Намѣчены слѣдующіе:

1. Какимъ путемъ должно итти ученіе теософа?

2. Каковъ лучшій методъ организаціи конгрессовъ и какіе вопросы особенно подлежатъ обсужденію на съѣздахъ?

3. Какимъ образомъ собирать всѣ случаи сближенія оффиціальной науки съ теософіей?.

4. Какія наилучшія доказательства можно собрать въ пользу ученія о перевоплощеніи?

5. Какова позиція теософіи по отношенію къ спиритизму?

На конгрессѣ будутъ прочитаны двѣ лекціи г-жи А. Безантъ и двѣ лекціи д-ра Р. Штейнера. Д-ръ Пейперсъ изъ Мюнхена обѣщалъ интересный докладъ по оккультной анатоміи и медицинѣ.

Доклады могутъ быть изложены на венгерскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ и присланы не позже 1 марта.

При конгрессѣ будетъ устроена художественная выставка.

Готовится постановка глубоко мистической драмы венгерскаго поэта Мадахъ „Трагедія человѣка“, переведенной уже на нѣсколько языковъ.

Въ первый день предполагается экскурсія по Дунаю на отдѣльномъ пароходѣ, на которомъ будетъ устроенъ обѣдъ.

Программа приблизительно слѣдующая:

Воскресенье, 30 мая (по нашему 17 мая).

10½ ч. утра—открытіе конгресса.
1 „ дня—экскурсія по Дунаю; обѣдъ на пароходѣ.
5 „ веч.—возвращеніе; осмотръ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ зданій.
7½ „ „ —докладъ д-ра Пейперса. Концертъ.

Понедѣльникъ, 31 мая (по нашему 18 мая).

9—10 ч. утра—засѣданіе организаціоннаго комитета.
10—1 „ дня—доклады.
Послѣ обѣда 3—6 ч.—бесѣда, обмѣнъ мнѣній.
7½ ч. вечера—представленіе въ національномъ театрѣ.

Вторникъ, 1 іюня (по нашему 19 мая).

9—10 ч. утра—засѣданіе организаціоннаго комитета.
10—1 „ дня—чтеніе докладовъ.
3—6 „ „ —бесѣда, обмѣнъ мнѣній.
7½ „ „ —рѣчь г-жи А. Безантъ.

Среда, 2 іюня (20 мая).

9—10 ч. утра—засѣданіе организаціоннаго комитета.
10—1 „ „ —чтеніе докладовъ.
3—6 „ веч.—бесѣда, обмѣнъ мнѣній. Закрытіе конгресса.
7½ „ „ —рѣчь д-ра Р. Штейнера.

Прощальный ужинъ. Концертъ.

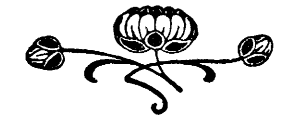
Желающіе принять участіе въ пожертвованіяхъ на устройство конгресса благоволятъ посылать свои пожертвованія казначею, г-жѣ Евгеніи Гарсаній (M-me Eugène Harsanyi) по адресу: Budapest, Zarda—u. 50.

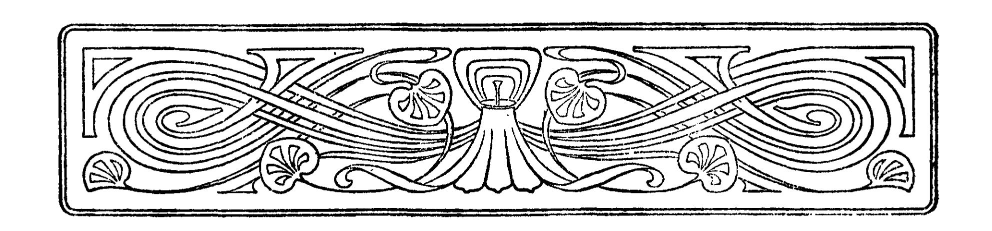
Послѣ конгресса состоится десятидневный курсъ по теософіи д-ра Штейнера.

Остальная программа будетъ готова и разослана въ апрѣлѣ.

Для членовъ конгресса будетъ устроенъ вегетаріанскій ресторанъ. Кромѣ того, для удобства публики при зданіи конгресса будутъ устроены буфетъ и почтовое отдѣленіе.

Alba.





Метода цвѣто-звуко-чиселъ.

Цвѣтъ, звукъ, число — эти слова, эти понятія слились въ моихъ мысляхъ въ одно, они стали основной методой моей художественно-музыкальной жизни. Эта метода цвѣто-звуко-числа очень дорога моему сердцу; она дорога мнѣ потому, что она создалась въ моихъ мысляхъ подъ вліяніемъ природы и солнца, подъ впечатлѣніемъ музыки. Мнѣ кажется, что нашему сердцу дорого все то, что давно живетъ въ душѣ нашей, что связано съ чистыми воспоминаніями—это элементы того душевнаго настроенія, которое мы называемъ счастьемъ. Въ нашей земной жизни чрезвычайно ярки впечатлѣнія дѣтства, особенно дѣтства хорошаго, счастливаго, проведеннаго въ природѣ, съ добрыми, любящими людьми, и безъ ошибки можно сказать, что эти воспоминанія самыя сильныя, самыя свѣтлыя, самыя хорошія. Если созерцаніемъ углубиться въ безконечность и въ ней почувствовать начало сути вещей, то по закону аналогіи возможно сравнить раннее дѣтство нашей теперешней земной жизни съ раннимъ дѣтствомъ души нашей, до ея воплощенія въ наше тѣло, и тогда какими сильными, какими яркими представятся намъ воспоминанія этого дѣтства души нашей! Говорятъ, что время не только изглаживаетъ воспоминанія, но и все поглощаетъ (не потому ли у людей создался законъ давности, не потому ли они изображаютъ Сатурна пожирающимъ свое дитя?). Это человѣческое понятіе о времени не вѣрно; время ничего не уничтожаетъ и не поглощаетъ, оно лишь все преображаетъ. И воспоминанія всѣхъ жизней остаются фактами, связывающими прошлое съ настоящимъ. Накопленіе воспоминаній создаетъ опытъ, который является элементомъ совершенствованія. Опытъ увеличивается, воспоминанія умножаются, такъ же какъ рождаются гармоническіе тоны отъ основного звука, съ которымъ

можно сравнить жизнь. Если представить себѣ самое начало жизни души нашей, какъ зазвучавшую ноту, которая въ музыкѣ называется основной—эта основная нота немедленно создаетъ отзвуки, т. е. безконечно много гармоническихъ тоновъ, располагающихся въ интервалахъ все меньшихъ и меньшихъ, чѣмъ отдаленнѣе они отъ основной ноты. Если мы примемъ какой-либо изъ болѣе отдаленныхъ отъ основной ноты гармоническихъ тоновъ за нашу теперешнюю земную жизнь, то предшествующіе ему звуки будутъ какъ бы ея воспоминаніями. По этой же аналогіи воспоминанія души нашей будутъ болѣе яркими и сильными предшествующими теперешней жизни нашей тонами, самая же значительная и сильная нота будетъ нота основная, т. е. начало жизни души, и затѣмъ появленіе безконечнаго ряда гармоническихъ тоновъ будетъ соотвѣтствовать впечатлѣніямъ дальнѣйшей ея жизни. Итакъ, по аналогіи явленій, самая сильная и важная нота жизни души нашей есть нота ея рожденія, и теперь, въ нашей настоящей жизни, душа наша слышитъ ее—она слышитъ отзвуки прежняго. И если намъ теперь дороги лучи солнца, дороги музыкальные звуки, если мы любимъ луну и звѣзды—все это дорого намъ по воспоминаніямъ души нашей; быть можетъ, она вспоминаетъ тѣ свѣтлыя обители, гдѣ когда-то пребывала, и эти воспоминанія, теперь въ нашей земной жизни, проявляются любовью къ свѣту, къ музыкѣ, къ красотѣ. Когда мы видимъ восходящее солнце, душа наша радуется, въ ней пробуждается музыка, и намъ хочется пѣть, какъ поетъ утренняя птичка. И тогда въ душѣ нашей звучитъ самое раннее, самое сильное воспоминаніе ея—Любовь. Раньше Любви была тайна, въ ней начало всѣхъ началъ и начало всѣхъ воспоминаній. И теперь, въ настоящемъ, душа наша живетъ воспоминаніемъ своего прошлаго: свѣтомъ, звукомъ, чувствомъ любви къ *красотѣ* и *добру* и сознаніемъ тайны. Отъ силы этихъ воспоминаній зависитъ врожденная талантливость человѣка и геніальность тѣхъ людей, которые такъ тонко организованы, что они какъ бы видятъ воспоминанія души своей и понимаютъ ихъ такъ же, какъ Пиѳагоръ понялъ музыку сферъ. И вотъ, въ зависимости отъ тонкости организаціи человѣка, въ силу этихъ воспоминаній души его, вся жизнь человѣка проникнута болѣе или менѣе сильной любовью къ свѣту, къ музыкѣ и къ красотѣ и стремленіемъ угадать тайну жизни. Вся жизнь міра связана объединяющей цѣпью явленій, которую можно назвать аналогіей; въ ней слышенъ вѣчный звукъ, виденъ вѣчный свѣтъ, чувствуется совершенная форма и осязается ритмъ

вѣчнымъ движеніемъ, соединяясь съ понятіемъ о числѣ. Чѣмъ тоньше развитъ нашъ слухъ, чѣмъ свѣтлѣе очи наши, чѣмъ чище мысль наша, тѣмъ мы яснѣе сознаемъ аналогію явленій жизни, этихъ безконечно повторяющихся отзвуковъ основной ноты мірозданія. И теперь, въ настоящемъ, чутко прислушиваясь, всматриваясь и вдумываясь въ жизнь, мы можемъ услышать звуки природы, чувствуя ихъ красками; краски ея воспринимать звуками и этимъ путемъ создавать художественныя и музыкальныя произведенія. Мы можемъ списывать музыкальныя пьесы съ солнечныхъ восходовъ и закатовъ, съ лунныхъ ночей; мы можемъ писать красками картины съ музыкальныхъ пьесъ. Этотъ путь художественной работы есть путь къ развитію высшей наблюдательности. Онъ требуетъ внутренняго углубленія и сосредоточенія и освобожденія себя отъ физическаго, отъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій. И эти внутреннія, тайныя впечатлѣнія жизни, которыя мы перенесемъ въ искусство, будутъ отражаться въ немъ; т будутъ чистыя произведенія искусства, родившіяся изъ чистаго источника жизни, и въ нихъ гармонично будутъ связаны и сплетены впечатлѣнія, подобно тому, какъ они соединены въ жизни природы и въ жизни души. Постоянное общеніе съ природой, наблюденіе надъ ея жизнью подъ солнцемъ раскрываетъ глубины нашего разума, пробуждаетъ наше внутреннее зрѣніе и слухъ, развиваетъ въ насъ чуткость. Жить съ природой, развивать въ ней зрѣніе, слухъ и мысль есть огромное счастье, потому что въ природѣ поютъ, играютъ и свѣтятся воспоминанія души нашей. Такъ же, какъ она, временно заключенная въ тѣлѣ нашемъ, живя воспоминаніями и надеждами, терпѣливо ожидаетъ своего освобожденія, такъ и мы, люди, подчиняясь условіямъ жизни, иногда лишающимъ насъ возможности непрерывнаго общенія съ природой, утѣшаемся воспоминаніями о ней и мыслями возносимся въ міръ идеаловъ, въ царство ритма чистоты и правды. Чистота и ритмъ въ музыкѣ то же, что правда въ жизни, красота же ведетъ къ источнику истины. Когда музыкантъ ищетъ вѣрныхъ нотъ, онъ какъ бы ищетъ правды въ звукахъ, когда онъ стремится къ красотѣ звука, онъ какъ бы стремится къ источнику истины. Того же ищутъ и художникъ, и поэтъ, и мыслитель. Они всѣ должны встрѣтиться на одномъ пути и, сознательно объединившись, итти рука объ руку, сознавая, что законы музыки и художествъ аналогичны, что они, какъ и мысль, пульсируютъ *въ формѣ ритма*, идя къ той же цѣли рядомъ съ наукой, соединенные той же міровой невидимой цѣпью—аналогіей.

Исторія говоритъ, что въ разныя эпохи многіе люди ясно видѣли и утверждали ея существованіе. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто глубже вдумается въ явленія природы. Меня убѣдили въ этомъ мои личныя переживанія, и я попыталась выразить ихъ въ формѣ маленькой теоріи цвѣта—звука—числа, предназначенной для развитія мысли и слуховой и зрительной наблюдательности въ дѣтяхъ и начинающихъ музыкантахъ и художникахъ. Примѣнивъ ее при наблюденіи природы, я убѣдилась, что она помогаетъ отыскивать чистую основную звуковую и цвѣтовую ноту въ смѣшанныхъ звукахъ природы, которыя называются шумомъ, и въ смѣшанныхъ краскахъ, которыя называютъ черными, коричневыми и сѣрыми цвѣтами. Подобно этому, она помогаетъ чувствовать и ритмъ—законъ движенія природы, который мы неизбѣжно связываемъ съ понятіемъ о числѣ. Вотъ нѣкоторые пріемы, лично испытанные мной для созданія цвѣто-звуковыхъ картинъ:

Одинъ способъ состоитъ въ томъ, чтобы пѣть и играть краски природы или картины и составлять изъ нихъ музыку. Другой способъ заключается въ томъ, чтобы перекладывать ноты музыкальныхъ пьесъ на краски и изъ нихъ составлять картины, соотвѣтствующія, по своему содержанію, идеѣ музыкальнаго произведенія и, наконецъ, третій способъ въ томъ, чтобы, подъ впечатлѣніемъ своего внутренняго настроенія,—представить себѣ картину въ краскахъ, нарисовать ее и переложить ея краски на звуки. Въ томъ, другомъ и третьемъ случаяхъ, ритмъ пьесы связанъ или съ внутреннимъ настроеніемъ, или съ движеніемъ, присущимъ извѣстной представляющейся намъ формѣ и характеризующимъ ее.

Если мы примемъ за исходную точку аналогію колебанія ноты do съ колебаніями краснаго цвѣта и будемъ продолжать звуковую діатоническую гамму и спектральную цвѣтовую гамму, мы получимъ двѣ параллельныя гаммы, одну звуковую, другую цвѣтовую; будемъ ихъ цифровать, начиная съ единицы:

Красный.	Оранж.	Желт.	Зелен.	Голуб.	Синій.	Фіолетов.
do	ré	mi	fa,	sol	la	si
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14 и т. д.

Число 8 и слѣдующія за нимъ числа будутъ соотвѣтствовать нотамъ слѣдующей октавы и т. д. до безконечности. Діэзы и бемоли въ краскахъ соотвѣтствуютъ переходнымъ цвѣтамъ, а въ цифрахъ они соотвѣтствуютъ половинамъ (т. е. дробямъ). Исходя

изъ этого же принципа аналогіи, мы убѣдимся, что дополнительные цвѣта красокъ соотвѣтствуютъ въ музыкѣ чистой квартѣ, т. е. субдоминантѣ основной ноты; выражаясь же въ цифрахъ, субдоминанта или дополнительный цвѣтъ будетъ отвѣчать тому интервалу, который получится, если къ любому числу прибавить число 3.

Эти данныя уже даютъ возможность наблюдать природу и ея жизнь въ цвѣто—звукахъ—числахъ. Наблюдая ее зимой, при солнцѣ, мы увидимъ снѣгъ окрашеннымъ, положимъ, въ одинъ изъ оттѣнковъ желтаго цвѣта, соотвѣтствующаго нотѣ *Mi*; тѣнь на снѣгу обязательно будутъ синяго цвѣта, нотой *La*, т. е. цвѣта субдоминанты ноты Mi; разумѣется, тотчасъ можно начать пѣть освѣщенный снѣгъ и его тѣни.

Наблюденіе надъ солнечнымъ закатомъ дастъ слѣдующіе результаты: Солнце садится, оно красное, нота его До. Ищите въ облакахъ, вверху на небѣ опредѣленные цвѣта и вы найдете гармоническіе тоны основной ноты краснаго солнца До; вы непремѣнно отыщите голубые, свѣтло-красные, желтые, свѣтло-голубые, лиловатые, красноватые, оранжеватые, свѣтло-желтые, зеленоватые и т. д. цвѣта. Это будутъ все гармоническіе тоны закатывающагося краснаго солнца и всѣ эти звуки представятся вамъ цѣлой чудной мелодіей, гармонизованной свѣтовыми аккордами. Можно привести безчисленное множество безконечно разнообразныхъ примѣровъ; какъ разнообразны сочетанія красокъ солнечныхъ закатовъ и восходовъ, лунныхъ и звѣздныхъ ночей, сумерокъ и разсвѣтовъ съ ихъ удивительными цвѣто-звучными впечатлѣніями! Они даютъ огромную духовную пищу мысли и быстро двигаютъ впередъ развитіе художественныхъ способностей, они учатъ смотрѣть и слушать, учатъ думать. Для дѣтей метода цвѣто—звука—числа можетъ быть веселымъ и легкимъ способомъ изученія музыки, веселой работой съ красками и интереснымъ упражненіемъ съ числами, которыя, соотвѣтствуя извѣстному цвѣту и звуку, больше не представятъ изъ себя чего-то отвлеченнаго, трудно запоминаемаго.

Для понятія объ алгебрѣ числа могутъ быть замѣняемы названіями нотъ, напр.: Do $+ 1 =$ Ré, или же $8 +$ do $=$ Ré; то и другое соотвѣтствуетъ тому, что $8 + 1 = 9$ и т. д. Для понятія о геометріи могутъ быть изображены всевозможныя геометрическія фигуры, раскрашенныя спектральными цвѣтами. Система цвѣто--звука--числа имѣетъ въ основѣ своей число 7: семь нотъ діатонической гаммы, семь спектральныхъ цвѣтовъ. Цифры, соотвѣтствующія но-

тамъ повторяющихся актовъ, имѣютъ своимъ дѣлителемъ число 7; напр., всѣ цифры, соотвѣтствующія краснымъ нотамъ do, дѣлятся на 7, —если отнять единицу; числа оранжевой ноты Ré дѣлятся на семь, если отнять два; число цвѣто-звука Ми дѣлится на 7, если отнять три; зеленый, голубой синій будутъ дѣлиться на семь, если отнять изъ нихъ 4, 5, 6; всѣ числа фіолетоваго цвѣто-звука Si будутъ дѣлиться прямо на 7 безъ остатка. Примѣняясь къ этому порядку цвѣто—звуковъ — чиселъ, всегда возможно любое число представить себѣ извѣстнымъ цвѣтомъ и звукомъ и такимъ образомъ рѣшать занимательныя ариѳметическія задачи. Предлагаемыя условныя формы нотъ и цвѣтныя линейки совершенно упраздняютъ необходимость діэзовъ, бемолей и пр. знаковъ, также и ключей и облегчаютъ транспозицію. Можетъ быть работы съ цвѣто--звукомъ--числомъ могли бы содѣйствовать излѣченію зрительнаго недостатка, называемаго дальтонизмомъ, который, насколько мнѣ извѣстно, на слухъ не вліяетъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ упорной работой слуха, поддерживаемаго мыслью объ извѣстномъ числѣ, было бы возможно вызвать и вѣрное зрительное представленіе о цвѣтѣ?...

Впечатлѣніе единства цвѣта—звука и числа сначала проникало въ мою душу невольными, непрошенными впечатлѣніями, какъ чувства единства всего міра. Какъ лучи солнца въ призмѣ раскладываются на 7 основныхъ цвѣтовъ, такъ въ мысляхъ моихъ чувство единства всего міра разложилось на семь основныхъ впечатлѣній: цвѣтъ, звукъ, число, движеніе, форма, качество и настроеніе. Сліяніе этихъ началъ въ душѣ моей дало мнѣ счастье, и сознаніе, что это счастье можетъ быть доступно всѣмъ, побудило меня сдѣлать попытку изложить эту связь въ формѣ этой маленькой теоріи цвѣто—звука—числа. Найденное единство можетъ повести и другихъ къ отысканію единства и къ проникновенію въ болѣе широкія и глубокія области знаній, составляющихъ также звенья той неразрывной цѣпи міровыхъ явленій, называемой аналогіей.

Работу свою посвящаю солнцу, музыкѣ, свободному ритму мысли и слова и всѣмъ тѣмъ, кто ихъ чувствуетъ и любитъ въ формахъ и явленіяхъ жизни міра.

А. В. Унковская.





Письмо къ читателямъ.

Жизнь—едина и непреходяща. Внѣшнія формы, въ которыя жизнь облекается, разнообразны и подлежатъ уничтоженію, когда цѣль ихъ проявленія исполнена. Цѣль эта—служить развитію жизни—сознанія, конечная суть и высшее выраженіе котораго есть человѣческая совѣсть.

Теософич. пониманіе Жизни и Формы.

Въ 284-мъ номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей" отъ 7-го декабря, 1908 г. помѣщена статья Льва Николаевича Толстого, написанная по поводу присоединенія Босніи и Герцоговины къ Австріи, но ничего общаго съ политикой не имѣющая. Въ этой статьѣ Л. Н. объясняетъ всѣ тяжелыя переживанія европейскихъ народовъ отсутствіемъ у нихъ высшаго религіознаго сознанія; признавъ религію совсѣмъ ненужной для человѣка, большинство европейцевъ осталось безъ „всякаго религіознаго объясненія своей жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія". И хотя сознанный уже законъ любви все еще не принятъ людьми за норму поведенія, но и старый законъ насилія однихъ надъ другими отжилъ и отвергается сознаніемъ большинства. Отсюда вся трудность современнаго положенія, и устранить всѣ бѣдствія, отъ которыхъ стонутъ современные народы, можно только однимъ: „самымъ естественнымъ, самымъ свойственнымъ человѣку и легкимъ дѣломъ, даже не дѣломъ, только состояніемъ воздержанія, недѣланья поступковъ, противныхъ сознанію". Какъ этого достигнуть? „Жить по закону Божескому, а не по закону человѣческому... подчиняться одному закону любви, который даетъ высшее благо какъ каждому отдѣльному человѣку, такъ и всему человѣчеству. Только сознаніе людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающее изъ него сознаніе своего истиннаго человѣческаго достоинства могутъ освободить и освободятъ людей отъ порабощенія одними другихъ. И сознаніе

это уже живетъ въ человѣчествѣ и всякую минуту готово проявиться". Такъ кончаетъ Л. Н. свою статью. Въ томъ же номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей", редакція помѣстила свои примѣчанія къ статьѣ Л. Н.; замѣтка составлена въ очень хорошемъ тонѣ и, несмотря на краткость и случайность ея, она рядомъ со статьей Л. Н. представляетъ большой интересъ, ярко выражая, что передъ нами стоятъ представители двухъ противоположныхъ полюсовъ современнаго сознанія, матеріалистическаго позитивизма и религіознаго идеализма.

Когда я прочелъ статью Л. Н. и замѣтку редакціи „Р. Вѣдомостей", передъ моимъ воображеніемъ ярко выступила такая символическая картинка: въ домѣ съ двумя большими окнами, которыя выходятъ на двѣ противоположныя стороны, живутъ два человѣка, оба умные, наблюдательные и искренніе, но каждый изъ нихъ смотритъ круглый годъ въ *свое* окно и только изрѣдка заходитъ на короткое время къ сосѣду и въ эти минуты смотритъ и въ его окно. Глядя въ противоположныя стороны, они и видятъ разное. Изъ одного окна видны дали океана и небесъ и на переднемъ планѣ одинокая гора, обвѣянная свѣжимъ воздухомъ вершинъ; на горѣ—церковь, и къ ней по крутой тропинкѣ поднимаются люди въ тихомъ и серьезномъ настроеніи. Глядящій въ *это* окно всматривается въ нихъ и въ небесныя зори или звѣздное небо, и до него доносятся лишь голоса изъ Вѣчности.

Другой жилецъ видитъ изъ *своего* окна совершенно иную картину: огромную, кипучую шумною жизнью площадь большого промышленнаго города, на которую выходятъ всевозможные фасады фабрикъ и музеевъ, казармъ и тюрьмъ, и на площади идетъ сложная и пестрая суета; люди спѣшатъ, толкаются, маршируютъ, занимаются торговлей, ссорятся, перегоняютъ другъ друга. Отъ этой пестрой картины въ открытое окно доносятся оглушительные шумы экипажей, свистки и громыханье паровозовъ, рѣзкіе звуки военной музыки, выкрикиванье торгующихъ, говоръ толпы, а иногда крики и стоны задавленныхъ...

Обѣ картины вызываютъ совершенно различныя настроенія въ душѣ того и другого человѣка, и когда оба заглядываютъ изрѣдка въ чужое окно, они видятъ совершенно различно. Одинъ, заглянувъ въ окно сосѣда на оглушительно-пеструю площадь, удивляется—зачѣмъ все это, и находитъ, что совсѣмъ не *это* важно и нужно для счастья человѣка. Другой, съ полнымъ основаніемъ, указываетъ на поразительный „прогрессъ во всѣхъ областяхъ частнаго быта и политическаго строя, на развитіе наукъ и

искусствъ, на широкое распространенiе просвѣщенiя, на стремленiе къ поднятiю народнаго благосостоянiя" и т. д. и т. д. Но то, что для него—суть всего жизненнаго творчества, то для другого лишь временныя явленiя, не имѣющiя вѣчной цѣнности, а что для этого другого—главное, то для перваго — неосуществимая мечта. Одинъ видитъ разнообразiе явленiй, другой—единство цѣли; одинъ смотритъ въ настоящее и прошедшее, другой въ будущее и вѣчное; одинъ анализируетъ, другой обобщаетъ, у одного работаетъ земной разумъ, у другого—интуицiя.

А когда оба заговорятъ, даже на протяженiи небольшой бесѣды, укладывающейся въ газетной статьѣ, сколько противоположныхъ выводовъ!

„Человѣкъ", по мнѣнiю того, который смотритъ на шумную площадь, „есть обобщенiе, идея, а не реальность; въ дѣйствительности, мы не знаемъ человѣка внѣ извѣстной расы, народности, эпохи, культуры, не знаемъ духа, который былъ бы внѣ плоти, внѣ условiй наслѣдственности и темперамента"....

„Только одно реально: человѣкъ, жизнь человѣка"—говоритъ смотрящiй на далекiе горизонты; „государство есть фикцiя... Ученiе Христа открываетъ человѣку такое его назначенiе и благо, которыя не могутъ измѣняться соотвѣтственно какимъ-либо внѣшнимъ учрежденiямъ"...

„Общественное служенiе невозможно безъ борьбы"—говоритъ одинъ.

„Не противься насилiю насилiемъ"—говоритъ другой.

„Стремленья человѣка должны быть многообразны и сложны, какъ сложна сама жизнь" говоритъ первый.

„Всѣмъ нужно только одно: жить по закону божескому, а не по закону человѣческому" говоритъ второй.

„Отсутствiе религiознаго сознанiя за послѣднее столѣтiе привело людей христiанскаго мiра къ тому—несомнѣнно временному дикому состоянiю, въ которомъ они находятся теперь"—говоритъ первый, заглянувъ въ чужое окно, выходящее на шумную площадь.

„Наоборотъ, именно съ конца XVIII-го вѣка европейское человѣчество выступило активно на путь осуществленiя религiозныхъ идеаловъ и признанiя человѣческаго достоинства, что и выразилось въ признанiи правъ человѣка и гражданина, въ измѣненiи политическаго строя" и т. д. и т. д.—говоритъ другой, не отрываясь отъ своего окна и взглядывая на зданiе парламента.

И такъ бесѣда могла бы продолжаться безконечно, и характеръ ея оставался бы неизмѣннымъ: собесѣдники продолжали бы не понимать одинъ другого, потому что ихъ вниманіе направлено на два противоположные полюса жизни, у одного—на духъ, у другого—на форму, у одного—на средства, у другого—на цѣль, у одного—на мотивъ дѣятельности, у другого—на самую дѣятельность.

Неужели такое непониманіе неизбѣжно? Неужели нельзя соединить оба полюса въ единомъ сознаніи? Что это возможно, о томъ свидѣтельствуетъ вся духовная жизнь древне-арійскихъ народовъ; они не знали нашего раскола сознанія, ихъ міропониманіе охватывало весь кругъ жизни: и духъ и форму, и религію и науку. Но то было—дѣтство и ранняя юность человѣчества, когда подчиненіе духовному авторитету было неизбѣжно; когда же юность человѣчества миновала и пришла пора для самостоятельнаго развитія, тогда явилась необходимость пройти черезъ трудную школу независимаго умственнаго и духовнаго творчества. Подчиненіе авторитету смѣнилось развитіемъ индивидуальности, яркое личное начало выступило на первый планъ, освободившееся сознаніе все болѣе расширяло предѣлы личнаго опыта, и прежнее единство сознанія нарушилось. Произошелъ временный расколъ, который и придалъ европейской мысли ея настоящій характеръ страстно-тревожнаго исканія истины и внесъ грубо эгоистическое направленіе въ ея культуру, не сдерживаемую высшимъ авторитетомъ религіознаго сознанія. Но это—явленіе временное. Когда человѣчество достигнетъ совершенной зрѣлости, сознаніе его опишетъ полный кругъ и неизбѣжно вернется къ той же цѣльности и единству, которыми оно владѣло на зарѣ своего развитія. Но тогда это будетъ уже плодъ самостоятельнаго творчества, добровольнаго подчиненія свободно сознанной духовной истинѣ. И есть уже знаменья, что время такого возврата наступаетъ. Одно изъ такихъ знаменій—появленіе въ міръ Теософіи, ученія которой обнимаютъ оба полюса сознанія, примиряя ихъ и выясняя ихъ взаимное отношеніе.

Въ основѣ теософическаго объясненія мірового процесса лежитъ ученіе объ эволюціи *духа* и *матеріи*, или жизни и формы, совершающейся по спирали, которая при каждомъ оборотѣ поднимается на высшій планъ жизни, съ болѣе широкимъ обхватомъ сознанія. Владѣя одновременно и религіозной точкой зрѣнія и научной, Теософія соприкасается и съ позитивнымъ мышленіемъ и съ задачами идеализма. Въ пониманіи цѣлей мірового процесса

Теософія подходитъ близко къ міровоззрѣнію Льва Николаевича, который видитъ эту цѣль во внутреннемъ совершенствованіи, въ раскрытіи божественныхъ свойствъ человѣческой души. Но въ путяхъ этого процесса она подходитъ и къ воззрѣніямъ позитивиста, ибо для проявленія растущаго духа должны возникать и новыя, все болѣе совершенныя формы, а это требуетъ земного творчества. И поэтому вся человѣческая культура, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, есть необходимое условіе для внутренняго роста человѣка. И если нельзя не согласиться съ праведнымъ гнѣвомъ Льва Николаевича на темныя стороны современной культуры, не нужно забывать и того, что зло вовсе не въ культурѣ, а въ томъ душевномъ настроеніи людей, которые дѣлаютъ изъ человѣческаго творчеста не служеніе общему благу, а служеніе своему личному эгоизму и жадности, которые превращаютъ человѣческое творчество изъ средства въ цѣль жизни, изъ подчиненнаго орудія духа въ полновластнаго властелина жизни. Возьмемъ желѣзныя дороги и телеграфы. Они могутъ служить развращенной праздности и наростанію ненужной роскоши, но вѣдь они же могутъ служить и единенію людей, т. е. тому, что съ точки зрѣнія Л. Н. и является наиболѣе цѣннымъ явленіемъ человѣческой жизни.

То же самое относится и ко всѣмъ областямъ современной культуры: пока она служитъ общему развитію и единенію, она—благо, когда же она начинаетъ служить эгоизму и разъединенію, она—зло. И борьба съ этимъ зломъ должна быть направлена не противъ самой культуры, а противъ настроенія людей, противъ направленія, которое они даютъ ей. Самое же творчество должно неизбѣжно становиться все интенсивнѣе и разностороннѣе, иначе оно не будетъ въ состояніи служить выразителемъ растущаго духа и расширяющагося сознанія.

Сложныя и разнообранныя линіи человѣческаго творчества можно сравнить съ извилинами человѣческаго мозга: чѣмъ обширнѣе становится поверхность нервнаго вещества, соприкасающагося съ вибраціями мысли, тѣмъ совершеннѣе становится орудіе сознанія. Но будетъ ли это совершенное орудіе создавать чистыя и прекрасныя мысли, или строить злыя козни—это зависитъ не отъ орудія мысли, а отъ настроенія самого мыслителя. И изъ того, что мыслитель можетъ быть дурно настроенъ, вовсе не слѣдуетъ, что орудіе мысли должно оставаться на несовершенной ступени.

То же и съ культурой. Когда человѣкъ пойметъ то, чего такъ сильно желаетъ Левъ Николаевичъ, что „въ немъ и во всѣхъ

людяхъ живетъ одинъ и тотъ же вѣчный духъ Божій—и что проявленіе этого духа одно: любовь", тогда и культура перестанетъ давать поводъ для проявленія духа распри и зависти, борьбы и насилія и сдѣлается прекраснымъ проводникомъ духа единства и любви.

Но осуществленіе этого потребуетъ еще долгаго процесса и не можетъ появиться *сразу*, какъ того желаетъ Л. Н.: „только сознай каждый человѣкъ свое человѣческое достоинство, только поступай такъ, какъ требуютъ этого и сердце и разумъ каждаго человѣка-христіанина, и сразу разрѣшатся всѣ затрудненія и бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта". Не можетъ это случиться сразу потому, что внезапное измѣненіе различныхъ людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ опыта, сознанія и совѣсти, противорѣчитъ самой сути закона эволюціи, которая есть *постепенный переходъ отъ простого къ сложному, отъ несовершеннаго къ совершенному.* Ясное сознаніе меньшинства можетъ сильно ускорить поднятіе всѣхъ,—это несомнѣнно, но подняться со всѣхъ различныхъ ступеней *всѣмъ сразу* на одну и ту же высоту,—это невозможно.

Теософія уже внесла въ европейское сознаніе идею перевоплощенія и она даетъ ученіе, нисколько не противорѣчащее наукѣ и вполнѣ удовлетворяющее запросамъ разума—ученіе о постепенномъ развитіи человѣческой души путемъ многочисленныхъ существованій на землѣ, во время которыхъ разнообразныя столкновенія съ природой и съ людьми заставляютъ человѣка развивать свое сознаніе и свою совѣсть.

Возвращаясь къ двумъ противоположнымъ полюсамъ мышленія, которые такъ ярко выразились въ приведенной бесѣдѣ, попробуемъ найти связующее звено, которое соединило бы съ виду исключающія одно другое положенія.

„Человѣкъ есть обобщеніе, идея, а не реальность".

Если принять, что весь человѣкъ *только* продуктъ среды и наслѣдственности, этотъ выводъ будетъ вѣренъ: отнимая отъ человѣка, одно за другимъ, всѣ отличительные признаки расы, культуры, народности и семьи, мы получимъ пустое мѣсто, фикцію. Но если мы усомнимся въ этомъ „*только*" и предположимъ въ основѣ человѣка безсмертную душу, развитіе которой до божественнаго совершенства и составляетъ цѣль всей земной жизни, слѣдовательно и культуры, и государства и всего, что возникаетъ и погибаетъ на землѣ, тогда мы подойдемъ очень близко къ выводу Льва Николаевича: „только одно реально—человѣкъ... госу-

дарство есть фикція". Если же принять оба вывода, какъ выраженіе двухъ сторонъ одного и того же явленія, т. е. *проявленной жизни,* третій выводъ, заключающій въ себѣ оба первые, будетъ приблизительно такой: „человѣкъ, *реальность съ непреходящимъ содержаніемъ,* становится таковымъ *только* потому, что всѣ преходящія явленія земной жизни, какъ: семья, народность, родина, государство, доставляютъ ему, рядомъ съ природой, весь тотъ матеріалъ, которымъ питается и насчетъ котораго растетъ его безсмертная душа; переходя въ вѣчное содержаніе человѣческой души, всѣ преходящія явленія становятся, въ свою очередь, безсмертными *не какъ явленія, а какъ идеи.* Одно безъ другого невозможно, и поэтому, если человѣческая душа реальна, то и всѣ явленія, поскольку они вошли въ содержаніе ея сознанія, тоже реальны".

Возьмемъ два другія положенія:

„Общественное служеніе невозможно безъ борьбы",—говоритъ одинъ.

„Не противься насилію",—говоритъ другой.

Если мы начнемъ разсматривать различныя ступени человѣческаго развитія, отъ дикаря до мудреца, мы, несомнѣнно, подойдемъ и къ той ступени, на которой всякая борьба, всякая тѣнь насилія надъ другимъ становится зломъ. На *этой* ступени жизнь человѣка преображается: онъ начинаетъ отвѣчать на зло добромъ, на насиліе прощеніемъ, и если признаетъ борьбу, то только съ собой, съ своимъ собственнымъ несовершенствомъ; для человѣка, стоящаго на этой ступени, наша общественная жизнь, основанная на борьбѣ, должна несомнѣнно казаться „состояніемъ дикости", какою она и будетъ казаться всѣмъ, когда всѣ перейдутъ на ту же ступень нравственнаго сознанія.

Но рядомъ съ этой ступенью продолжаютъ существовать и низшія ступени, на которыхъ люди еще не въ состояніи не бороться съ несовершенствомъ другихъ; есть и еще болѣе низкія ступени, на которыхъ борьба является почти единственнымъ стимуломъ для дѣятельности. И пока всѣ эти ступени еще существуютъ, борьба будетъ продолжаться, но оцѣнивать ее какъ норму человѣческой жизни не слѣдуетъ: борьба—временное явленіе, которое съ полнымъ возрастомъ человѣческой совѣсти упразднится сама собой, ибо законъ жизни—любовь, а не ненависть, единеніе, а не борьба, и для вполнѣ развитой совѣсти допустима только одна борьба: съ своимъ собственнымъ несовершенствомъ. Это—святая борьба, и она будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока

не исполнится завѣтъ Христа, сказавшаго людямъ: „будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный“.

Тотъ же анализъ приложимъ и ко всѣмъ кажущимся противорѣчіямъ приведенной бесѣды.

Оба собесѣдника видятъ разное только потому, что вниманіе одного устремлено на видимыя явленія, а другого—на душу этихъ явленій, и поэтому совершенно естественно, что первый говоритъ съ чувствомъ удовлетворенія о великомъ прогрессѣ нашего времени, а второй—съ болью и скорбью о нашемъ „временномъ состояніи дикости“.

И когда они заговариваютъ о религіи, продолжается то же недоразумѣніе: одинъ говоритъ о видимой церкви, другой—о невидимой, созидаемой въ душѣ человѣка; одинъ говоритъ о развитіи юридическаго сознанія въ блистательномъ съ виду XIX-мъ вѣкѣ, другой говоритъ объ отсутствіи въ немъ религіознаго сознанія,—и въ этомъ Левъ Николаевичъ глубоко правъ, потому что „религіозное сознаніе“ есть прежде всего сознаніе единства съ Богомъ, людьми и природой, а культура нашего вѣка вся построена *на разъединеніи*.

На этомъ я закончу свое письмо, а въ слѣдующемъ письмѣ попытаюсь передать моимъ читателямъ, какъ я началъ понимать, съ тѣхъ поръ какъ сталъ теософомъ, самого Льва Николаевича и его значеніе для современнаго міра.

Другъ читателя.

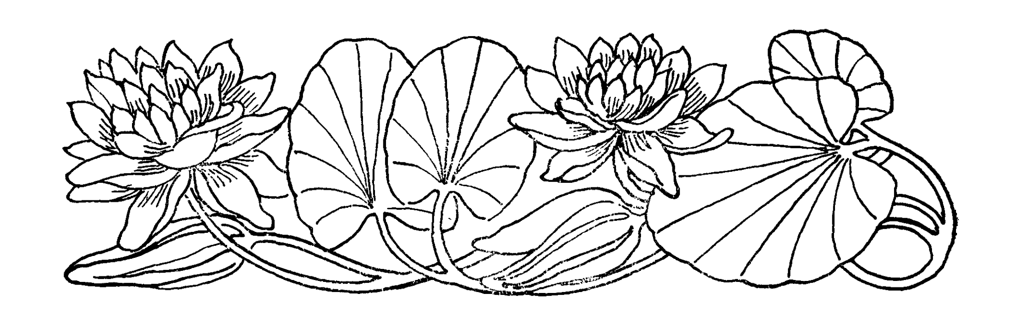
Человѣкъ можетъ избѣжать несчастій, ниспосылаемыхъ Небомъ, но отъ тѣхъ несчастій, которыя самъ человѣкъ навлекаетъ на себя, нѣтъ спасенія.

(Восточная пословица).

Хотя мудрецъ строгъ къ себѣ, но отъ другихъ онъ ничего не требуетъ.

Когда стрѣла не попадаетъ въ цѣль, стрѣляющій винитъ въ этомъ себя самого, а не другого. Такъ поступаетъ и мудрецъ.

(Конфуцій).



Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Пассифлора.

Знаменитый художникъ, еще юноша, прервавъ пиршество, вышелъ изъ города и поднялся на высокую гору.

Здѣсь, одинъ, храня трепетъ незавершившихся поцѣлуевъ и уже готовый принять вдохновеніе утра, онъ не выдержалъ полноты мига и дерзко воскликнулъ: кто другой, кто источникъ?

Я самъ, я—творящій.

— Ошибаешься, ты исполнитель,—чуть насмѣшливо сказалъ старецъ и на плечо положилъ ему руку и въ глаза глянулъ древними, какъ пирамиды, глазами.

— Старикъ, ты не здѣшній,—гордо вспыхнулъ художникъ,—и ты вѣрно не знаешь, что это я написалъ Красоту. До сихъ поръ толковали о ней наугадъ; я одинъ вызвалъ всѣ ея краски, я одинъ навсегда отдѣлилъ отъ нея безобразіе. Люди плачутъ отъ радости, что однимъ бременемъ у нихъ стало меньше, закрѣпленная тайна не мучитъ... Это-ль не творчество, назвать людямъ тайну?

— Да, я ошибся,—чуть дрогнулъ старецъ улыбкой.—Ты не исполнитель. Исполнитель долженъ быть мудрымъ, чтобы не исказить начертаній Творца. А мудрость, художникъ, не знаетъ различія: подобно оку, она равно видитъ все, что вмѣщаетъ. Я ошибся, ты просто наемникъ.

Старецъ скрылся, а юноша, съ досадой рѣшивъ, что это былъ странный безумецъ, спустился въ родную долину.

— Божественный, нарисуй намъ скорѣе Добро!—окружили его почитатели.—Собери его вмѣстѣ, какъ собралъ Красоту; мы тогда

твердо, узнаемъ гдѣ зло, и опять будемъ невинны, какъ были въ раю.

Вотъ безобразіе... теперь его всякій видитъ.

— Ахъ, вы не такъ меня поняли...—вдругъ смутился художникъ. Все дѣло въ томъ, какъ падутъ лучи солнца. Безобразія нѣтъ.

— Не вѣрьте ему,—закричали толпѣ почитатели,—художнику не полагается знать, что онъ творитъ; это даже въ учебникахъ...

— Мы не хотимъ больше выбора, мы устали,—заволновались въ толпѣ,—пусть называетъ всѣ тайны, пусть даетъ намъ готовую жизнь, вѣдь на то онъ избранникъ.

Но художникъ не скоро написалъ имъ Добро. Послѣ того, какъ онъ поговорилъ съ древнимъ старцемъ, глаза его стали видѣть во много разъ больше, чѣмъ могли сказать краски. Предъ пустымъ полотномъ съ незапачканною кистью сидѣлъ онъ напрасно, подыскивая цвѣтъ и форму.

Лишь только онъ мысленно дѣлалъ выборъ, память сейчасъ, какъ докучное эхо, кричала: „мудрость не знаетъ различій", и, безконечно раздвигаясь, утрачивалъ образъ силу и, какъ мыльный пузырь, не вмѣщая въ себя безконечности, падалъ на душу утомительной бисерной пылью.

Наконецъ, передъ самой выставкой, художникъ съ равной любовью, сверху до низу, покрылъ необъятное полотно всѣми красками, какія только были на свѣтѣ.

— Онъ больше не можетъ учить насъ; посмотрите, онъ сталъ безумцемъ,—съ раздраженіемъ заговорили на площади, и вчерашніе почитатели разбѣжались по городу искать новыхъ избранниковъ, искать тѣхъ, кто захочетъ съ ними вмѣстѣ давать имена безымянному...

— Я теперь не наемникъ, я уже исполнитель,—про себя усмѣхнулся художникъ.

— Милый братъ, они правы на своихъ площадяхъ—ты безумецъ,—протянулъ ему руку пишущій книги, которыхъ никто не читалъ.—Человѣкъ, какъ бы ни былъ великъ его геній, чтобы быть понятымъ долженъ опираться на міръ. Въ мірѣ же все разграничено. Войди, другъ, въ берега или, какъ я, погрузись въ созерцаніе.

—Мое начертаніе—безуміе бѣга,—сказалъ тихо художникъ и, забравъ свои краски, не обернувшись ни раза на городъ, онъ ушелъ на высокую гору.

Дикій боярышникъ сталъ колоть ему руки, и каждый камень, обрываясь подъ нетерпѣливой ногой, казалось,—тянулъ его снова обратно.

Но художникъ не выпустилъ ящика красокъ, не вздохнулъ, не присѣлъ, не отеръ со лба потъ, пока не пробился до самой вершины.

На камняхъ сидѣлъ древній старецъ въ такой тихой думѣ, что цвѣты и деревья, потянувшись къ нему, какъ бы замерли, и самый воздухъ, недвижный, держалъ золото послѣднихъ лучей.

— Отецъ, ты ограбилъ мнѣ душу,—сказалъ гордый юноша.— Художнику не зачѣмъ было слышать о мудрости. Расплескивать свою силу равно на весь міръ,—это значитъ никогда ничего не создать. Одна жажда творчества жжетъ меня, и прошу тебя, старецъ: возьми обратно мою новую зоркость и верни мнѣ былое пристрастное око, или проведи меня скорѣй въ область, гдѣ я снова найду самъ себя.

— Дитя,—сказалъ съ грустью старецъ,—назадъ ужъ тебѣ невозможно: гора, падая, разрушается, и змѣя, смѣнивъ кожу, не вползетъ вновь въ изсохшую.

— Отецъ, я не знаю, зачѣмъ я ушелъ съ пиршества, но не мудрости я искалъ... я слишкомъ любилъ хмѣль мгновеній, я любилъ даже хрупкія чаши, вмѣстилища хмѣля. Я огонь. Гдѣ жъ горѣть мнѣ? Гдѣ горѣть мнѣ внѣ міра, учитель...

— Я укажу тебѣ мѣсто...—какъ бы въ восторгѣ вымолвилъ старецъ и, пригнувшись къ художнику, глубоко пронзилъ его душу очами. Въ нихъ больше не видѣлось знанія вѣковъ, только любовь, міровая любовь отца къ сыну.

— Возьми съ собой все, что имѣешь завѣтнаго,—сказалъ старецъ, и художникъ, указавъ ему молча на палитру и краски, охваченный странной дремотой, склонился на землю. Старецъ на мигъ простеръ надъ нимъ руки и на самое сердце затихшаго возложилъ цвѣтокъ Пассифлору, цвѣтокъ страстей Господа.

— Въ немъ, раскрытомъ, найдешь себя снова.

. . . .

Когда художникъ очнулся, онъ былъ уже одинъ среди сѣрой безформенной мглы. Краски на палитрѣ отъ прикосновенія старца горѣли дорогими огнями, сама жизнь трепетала въ нихъ.

— Скорѣе полотно!

Но полотна не было, а вмѣсто кистей въ рукѣ дивный цвѣтокъ Пассифлоры.

— Ничего твоего, кромѣ твоего страданія, не остается при тебѣ,—чуть донеслись слова старца, а изъ густой сѣрой мглы стали выявляться образы, блѣдные намеки на людей съ большими пу-

стыми глазами, съ искаженными лицами. Они густой толпой окружили художника.

— Отдай твои краски, почему онѣ у тебя.

— Прочь,—сказалъ властно художникъ, плащомъ укрылъ сокровище и поднялъ высоко нераспустившійся цвѣтокъ Пассифлоры.

Искаженные трусливой стаей отхлынули прочь, а новой волной сѣрой мглы принесло новые образы, иные блѣдные намеки на людей. Лукавые, съ гибкими пальцами, чуть шурша, проползли они подъ плащомъ къ самому уху. Улещали, томили, брали волю, и тихонько, незамѣтно хотѣли отнять его краски.

Но художникъ зорко держался на стражѣ, онъ лживыхъ откинулъ могучей рукой и надъ ними поднялъ Пассифлору. Но они не видали цвѣтка.

И вотъ подошли къ нему третьи: то были глухіе, нѣмые, но кроткіе. Они потянулись къ горящимъ краскамъ, улыбаясь улыбкой дѣтей, заключенныхъ въ подвалахъ, и цвѣтокъ Пассифлоры увидали они, склонивъ низко головы, водянистыя тыквы на мягкихъ стебляхъ, и какъ для молитвы сложили блѣдныя, безкровныя руки.

Художникъ похолодѣлъ отъ предчувствія жертвы, съ головой онъ накрылъ себя чернымъ плащомъ. Но кроткіе, какъ плющи, обвили его члены, приникли къ горячему тѣлу и самой страшной, безсловесной мольбой умоляли отдать его жизнь.

Но богатый боялся отдать, онъ боялся, что ничего не получитъ взамѣнъ, и всю ночь до зари простоялъ безъ отвѣта, холодный и жестокій.

Настало утро. На высокихъ горахъ чуть дрогнулъ свѣтъ, чуть долетѣлъ звонъ проснувшихся колоколенъ.

— Скорѣй въ родной городъ...—подумалъ художникъ.—Пусть опять хмѣль мгновеній, пусть опять грошъ наемника, только бы снова, еще разъ отдохнуть въ огражденномъ!

— Ни минуты отдыха,—сынъ мой,—а то отверзется бездна, и назадъ уже поздно; гора — падая — разрушается... — неизгладимый припомнился старецъ.

— По истинѣ мертвъ Искупитель мой!—простоналъ человѣкъ и, стряхнувъ въ бѣшенствѣ слабыхъ, сжалъ сталью мускулы и вспрыгнулъ на высокій уступъ, чтобы ввергнуться въ бездну.

Но кроткіе поняли, что онъ ихъ хочетъ покинуть, они испугались и стали цѣпляться прозрачными членами за холодный гранитъ. И опять обрывались и плакали.

Художникъ обернулся, и прижавъ къ сердцу цвѣтокъ Пассифлоры, опустилъ свои гордыя вѣки. Въ мгновеніе, которое дли-

лось вѣчность, онъ позналъ, что отдавать лучше, чѣмъ брать, и, сойдя тихо съ горы, сбросилъ плащъ, отдалъ краски и въ безпросвѣтную мглу онъ простеръ свои покорныя руки.

И они всѣ, блѣдные лики, вошли въ него.

Они взяли всю кровь жилъ его.

Силу мышцъ.

Самое дорогое взяли они—дивное зрѣніе его очей.

— Нарисуй намъ Солнце,—умоляли они,—ты вѣдь художникъ.

— Вы отняли у меня все,—прошепталъ онъ.—Безъ красокъ, безъ силы, незрячій, какой дамъ вамъ свѣтъ?

Но они, безразсудные, плакали и не переставали просить.

— Но мнѣ больше нечего... и какъ ребенокъ, какъ самый маленькій, онъ упалъ на землю, поднялъ къ небу опустошенные очи. Предъ собою положилъ цвѣтокъ Пассифлоры.

— Они такъ сильно просятъ, да будетъ, да будетъ!—какъ безумный шепталъ онъ, забывъ и вѣсъ, и мѣру, и очертанія.

Они сильно просятъ, имъ значитъ надо...

И распустился сомкнутый цвѣтокъ. Брызнуло пламя изъ розы креста, всеобъемлющимъ кругомъ стала малая точка.

— Это я...—изумился художникъ. Но послѣднее слово было сказано не на землѣ, и въ отвѣтъ этому слову созвѣздія дрогнули: „слава", а жизнью вызванный къ жизни новоявленный міръ тихо двинулся вокругъ новаго солнца.

Ольга Форшъ.

Быть высоконравственнымъ значитъ быть свободнымъ душой. Постоянно гнѣвающійся на кого-нибудь, безпрестанно боящійся чего-нибудь и всецѣло предающійся страстямъ не могутъ быть свободны душой.

(Конфуцій).

Мудрый человѣкъ огорчается своимъ безсиліемъ сдѣлать то добро, которое онъ желаетъ, но не огорчается тѣмъ, что люди не знаютъ его или ложно судятъ о немъ.

То, что неясно, слѣдуетъ выяснить. То, что трудно творить, слѣдуетъ дѣлать съ великою настойчивостью.

(Конфуцій).

Хроника.

11 января 1909 г. въ 2 часа дня состоится 2-е *открытое* засѣданіе Россійскаго Теософическаго общества (входъ по повѣсткамъ и по билетамъ, безплатный). Предметы занятій: докладъ *А. В. Унковской* о методѣ цвѣто-звуко-чиселъ.

28 января 1909 г. въ 8 час. веч. А. А. Каменская прочтетъ въ залѣ Соляного Городка платную лекцію на тему: „Основныя положенія Теософіи и законы Высшей жизни".

26 и 28 декабря 1908 г. въ 8 час. вечера въ залѣ спб. городской Думы состоялись собесѣдованія, устроенныя пресвитеромъ русскихъ евангелическихъ христіанъ—баптистовъ. Основная нота собесѣдованій—призывъ къ любви ко всѣмъ людямъ.

Въ 1909 г. въ Москвѣ предполагается созвать 2-й Всероссійскій Съѣздъ спиритуалистовъ.

Организаціонное Бюро Съѣзда помѣщается при Редакціи журнала „Ребусъ" (Москва, Арбатъ, д. Нейдгардтъ, кв. 12).

Свѣдѣнія о желаніи принять участіе въ трудахъ Съѣзда просятъ сообщить организаціонному Бюро до 1 февраля 1909 г.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію для отзыва.

Ральфъ Вальдо Трайнъ. Могущество мысли въ образованіи характера. Пер. съ англійскаго Е. С. Кіевъ, 1908 г. Цѣна 20 к.

Н. Кабановъ. 1) Международный языкъ „эсперанто" и 2) первая эсперантская книга для чтенія съ грамматикой и словаремъ. Изданіе „Посредника„. Москва, 1909 г. Цѣна 12 и 25 коп.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**